
СКАЗКИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

О СААМАХ И ИХ СКАЗКАХ

Как-то, еще в тридцатых годах, мне приходилось слышать от любителей сказок:

— Да, знаете ли, эти ваши северные сказки какие-то... Прочтешь, а в голове ничего не осталось.

— Скучновато?

— Да нет... Что-то тут то, да не то...

Собиратель северных сказок не может согласиться с такими отзывами — в северных сказках привлекают и особое знание жизни, и своеобразная фантазия. Однако в научной публикации они действительно звучат слишком на свой лад. Поясню примером.

Один музыковед делал доклад перед этнографами о своей поездке к ненцам. В тундре он записал пение их под балалайку и гармонь. Он сам пел нам под аккомпанемент этих же инструментов. Пение, иногда протяжное, иногда прерывистое или даже захлебывающееся, переходило в крик, порой до визга, а потом в рычание — певец был в гневе. Кончалась песня мягким самодовольным клекотом.

Таких песен было исполнено несколько.

— Все одно и то же,— сказали мы.

— Нет, песни не похожи одна на другую,— утверждал музыковед. Он повторил первую песню, объяснил ее содержание. Затем на ряде музыкальных иллюстраций пояснил различия между разными музыкальными ладами. И вот ту же песенку, но русскими словами, в звучании привычного для нашего слуха европейского лада, он исполнил в сопровождении все той же гармошки. Вот что мы услышали: «Она хороша, как молоденькая оленица, у которой глазки карие и копытца черные, а рожки в нежном бархате. Он хочет быть с нею. Но весною ее увезли в широкую тундру, на север, в далекие чумы. Напрасно он ищет ее: в тундре ее не найти, ее схватят другие руки... Но придет зима — в теплых зеленых лесах, среди елей, в чумах он ее найдет. Она будет в его чуме хозяйкой. Как тепло у очага, в ее красном пологе!»

Прозвучала нам понятная мелодия, хотя и в несколько необычном тембре, дважды ее звучание прерывали бурные аккорды. Песня произвела на всех большое впечатление[1].

Вот этого перевода северных сказок, с их лада сказывания на знакомый нам и привычный, не хватало тому читателю, который жаловался на недоходчивость сказок народов Севера.

В нашем сборнике делается именно такая попытка перевода саамской сказки на наше звучание, на наше ее понимание.

На Крайнем Севере Европы живут люди, которые именуют себя «саами», «народ саами». Соседи же — русские, финны, шведы и норвежцы — называют их «лопари» или «лаппе». Во времена Древнего Рима называли их финнами. Это название народа дало наименование стране, в которой они обитали —

[1] Позднее И. Яунзем некоторые из этих песен с успехом исполняла на концертах.

Финляндии (впоследствии они были вытеснены оттуда другими племенами, предками нынешних финнов). Вот что пишет о них известный римский писатель Тацит (I в. н. э.): «Финны чрезвычайно дики и до крайности бедны; они не имеют ни оружия, ни лошадей, ни домов; трава — их пища, шкура — одежда и земля — постель. Вся их защита — стрелы, заостренные, по недостатку железа, костями. Охота составляет занятие одинаково и мужчин и женщин: они отправляются вместе, и каждый имеет свою часть в добыче. Дети не имеют другого спасения от дождя и диких зверей, кроме шалаша из ветвей. Там укрываются и юноши и старики. Они считают себя счастливее тех, которые вздыхают над плугом, устают при постройке домов, мучаются страхом за свое имущество и жаждою чужого добра. Не боясь ни несправедливости людей, ни гнева богов, они достигли того, что более всего трудно: им ничего не нужно желать»[1].

В таких словах Тацит рисует первобытно-общинный быт, в условиях которого жили саамы в начале нашей эры.

Ныне саамы живут в горах Норвегии и Швеции, на севере Финляндии и у нас в СССР на Кольском полуострове, в Мурманской области. За границей находится около тридцати тысяч человек, в СССР около тысячи восьмисот человек.

Хозяйство саамов было настолько неразвито, что ведение его почти целиком подчинялось условиям природы, среди которой они жили. Дикий олень круглый год бродил по тундре. Саамы, пася свои стада оленей и преследуя диких, тоже передвигались вслед за ними. Рыба в реках и озерах тоже не стоит на месте, и саамы ходили всем своим домом на те озера, где весною или осенью лучше всего ловилась рыба. Тут, на этих лучших местах, саамы строили себе шалаши из тесаных брус-

[1] К. Тацит, Германия, гл. 46.

ков, из бересты и дерева. Название этого жилища — вежа. Тут же, в амбарчиках, на высоких столбах, они хранили запасы продовольствия и некоторые инструменты. Жилище и все их имущество были приспособлены к подвижному, кочевому образу жизни. Они жили отдельными семьями, которые объединялись в роды.

Хлеб саамы не сеяли. Только четыреста лет тому назад они начали употреблять в пищу печеный хлеб. Муку им привозили из России. Как видим, к этому времени в их быту произошли большие изменения по сравнению с картиной, нарисованной Тацитом.

С IX века в течение многих веков саамы платили двойные подати: и русским князьям, и королям Норвегии. Тяжелым бременем легла эта дань на саамов. Неопределенность границ на Севере, походы скандинавских королей на Русь, при содействии папы римского, беспрестанно вызывали военные столкновения, при которых коренные жители, саамы, должны были покидать свои жилища, уходить в глушь и прятаться там в землянках. Подчас эти столкновения превращались в настоящие войны. Саамы эту эпоху называют «подземной войной». В 1250 году Александр Невский отправился походом на Север и на некоторое время установил там мир.

Если не считать легендарных времен, когда саамы сами вытесняли какое-то племя с земли Кольского полуострова, загадочное имя которого в легендах — тала, талы, то исторический период подземных войн саамы разделяют на три «нагона». Это деление указывает, что у саамов выработался своеобразный взгляд на свое прошлое. Конечно, это фольклор, а не история. И все же сведения эти интересны, и просто отбросить их фольклорист не может. Первый «нагон» — это столкновения с норманнами, первый крестовый поход 1157 года. Второй — 1240 — 1326 годы — время шведских войн с Новгородом, крестовые

походы, «Ледовое побоище», поход Александра Невского в Поморье и далее на север, заключение Ореховецкого договора. Третий «нагон» более позднего времени, московский период, крещение саамов в 1526 году, походы и набеги отрядов датского короля и царских сборщиков дани. Этот период «подземной войны», по-видимому, был настолько разорителен, что в 1673 году потребовалось заступничество за саамов самого патриарха.

О каждом «нагоне» саамы складывали саги. Судя по общему духу, сказ о старце Няле можно отнести ко времени норманнов, сагу о Лаурикадже — ко второму периоду и, наконец, сагу «Красивая Катрин» — к третьему «нагону», когда в Коле бывало много иностранцев.

Кольский полуостров с давних времен был притягателен своими незамерзающими бухтами. Петр I, заинтересованный в укреплении кольской окраины, заново отстроил крепость Колу, вооружил ее артиллерией, значительно увеличил гарнизон, разрешил морскую торговлю с Норвегией.

Во время шведской войны 1709 года, в частности в период Полтавской битвы, саамы сослужили Петру немалую службу. Они вели разведку в тылу врага, в Швеции.

Петр усиленно поощрял заселение мурманского берега. Подъем всего края сказался и на хозяйстве саамов — у них появились большие стада оленей.

Процветание Мурмана, правда несколько искусственное и бюрократическое, продолжалось на протяжении всего XVIII века. В начале XIX века Россия заняла прочные позиции на Севере. Внимание царского правительства теперь обратилось на Юг. Забота о северной окраине прекратилась, она оказалась забытой.

Во второй половине XIX века правительство усилило колонизацию Кольского полуострова. Многие исконные угодья

саамов были заняты под новые русские поселения, саамам было разрешено бесплатное пользование лесом для построек домов, если они захотят перейти к оседлому быту. Когда же два брата-саама действительно перешли к оседлости и потребовали содействия властей, архангельский губернатор не поддержал их.

В 1887 году с Печоры на Мурман переселились оленеводы-ижемцы. Они пришли на богатейшие пастбища тундр Кольского полуострова со своими приемами ведения хозяйства, выпаса оленей, обычаями. И если крупные местные оленеводы вскоре установили контакт с пришельцами, то саамская беднота от нового соседства пострадала: пришлые оленеводы, по обычаю Большеземельской Тундры, присваивали себе вольно пасущихся саамских оленей, как бесхозяйных.

Известный этнограф конца XIX века Н. Харузин рисует удручающую картину нищеты саамов. В заключение он пишет: «И бьется пока лопарь из всех сил... пока не придет ему помощь извне, которая укажет ему пути, как освободиться из-под тяжелой кабалы, не принудит его вести более правильно свои звероловные и рыболовные промыслы, не даст ему возможности покинуть свой полукочевой, вредно отражающийся во всех отношениях на лопаре, быт и перейти к полной оседлости, при которой он лишь может отдохнуть от своих вековых страданий» [1].

Война 1914—1918 годов, особенно интервенция, тяжело сказалась на благосостоянии саамов: оленеводство их было почти разорено.

---

[1] Н. Харузин, Русские лопари (очерки прошлого и современного быта), изв. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. LXVI; Труды этнограф. отд., т. X, М. 1890, стр. 134.

Октябрьская революция дала возможиость саамам навсегда покончить с тяжелым прошлым.

Одной из первейших задач советского правительства на Севере был подъем олеиеводства. Оленеводы получили целый ряд льгот и преимуществ, были освобождены от обложения налогом, пастухов не брали на военную службу. В период иэпа было налажено кредитование олеиеводческих хозяйств.

В 1929 году возиикло движение аа коллективизацию олеиеводческих и рыболовецких хозяйств. Коммунистическая партия и Советское правительство оказывали широкую поддержку атому движению: рыболовецкие колхозы ссужались моторными ботами, оленеводческие — снаряжением чумов, рогатым скотом.

Коллективизация в корне измеиила обраа жизии саамов. Кочевание отошло в область предаиий. Оседлый быт благоприятио сказался на жизии саамов. Исчезли богатые и бедные. При колхозах открываются мастерские по обработке шкур и изготовлению различных изделий из продукции олеиеводства, в частности художественных изделий из оленьего меха, из бисера. Среди саамов появились люди иовых профессий — доярки, мотористы, шоферы, счетные работники, учителя.

Научиому изучеиию саамов положил начало уже упомииавшийся русский этнограф Н. Харузин. Его книга «Русские лопари» богата историческими и статистическими данными, сведениями о верованиях саамов, а также фольклорными ааписями. Собиранием фольклора саамов Кольского полуострова на русском языке занимались и другие учеиые и писатели.

В старину религиозиым почитанием у саамов пользовалось солнце. Оно живет на самом высоком небе. Ежедневно оно объезжает небо на олене и на медведе. Оно правит порядком

в мире. С солнцем, как и с луной и с подземным миром, был связан целый ряд божеств.

Древнейший фольклор саамов посвящен детям Солнца — дочерям и сыновьям его. Они во всем похожи на обыкновенных жителей земли, простых людей — не случайно в сказке они спускаются с неба, чтобы жить с людьми. Враждебные Солнцу существа — пауки, лягушки, кузнечики — строят им разные козни. Сказки эти очень замысловаты и фантастичны.

В пантеоне саамских божеств особое место занимает Мяндаш. Мяндаш все время меняет свой облик — то он человек (под крышей своего дома), то человек-олень, то олень златорогий, который несется по небу, давая земле всякого рода жизненные блага. Этот сложный образ еще недостаточно изучен. Пожилые саамы с большой неохотой рассказывают непосвященным связанные с ним легенды.

Сказки саамов — майнс — бывают самого различного содержания, разнообразны они и по форме. Особо выделяются детские сказки — парна-майнс; тала-майнс — сказки о существе по имени Тала (на Западе этот Тала предстает в образе Сталло — человека сильного и опасного для саама); сказки о равках (вурдалаках), о купцах (называются «купец-майнс»), о царях — саре-майнс, о карликах чакли — чакли-майнс и т. д.

В понимании саамов-сказителей сказки — это легкий жанр. Сказку можно рассказывать и так и этак, как кому нравится. Иное дело ловта, то есть миф, легенда. Здесь хороший сказитель очень строг к каждому слову. В старину ловты пели, словесная ткань их была стихотворной. Теперь в этой форме ловты забыты, рифмованные строки остались в очень редких случаях. К ловтам в нашем сборнике относятся фрагменты мифа о Мяндаше («Мяндаш-нийд»), «Найнас», «Рухтнас».

Сакки (по-русски — сказы, по-скандинавски — саги) — это рассказы на патриотические темы: оборона родины, военные

подвиги саамских героев, эпизоды из эпохи «подземной войны» и предания о горах, озерах. Саамы были убеждены в истинности происшествия или события, о котором повествует сакка. Для того чтобы слушатель не сомневался в этом, сказители насыщают сказ множеством подробностей, а также концовками, призванными подтвердить достоверность рассказываемого: «и до сих пор там находят кости...», «там нашли мечи» и т. д.

Бывальщинки и побасенки (бǫйса) — это шуточные рассказики поучающего содержания, они очень кратки, иногда заимствованы из русских апокрифических произведений или притч. (См. «Зубочистка», «Золотой котел» и др.).

Муштоллы (в переводе «на ум пало», «на ум пришло») — рассказы о событиях дня, иногда они бытуют в форме песни.

Записи сказок нашего сборника производились во время выполнения мною полевых работ этнографа экспедиций Русского географического общества Академии наук СССР и фольклорной секции Союза писателей под руководством Ю. М. Соколова, начиная с января 1927 года и кончая февралем 1936 года. Я жил среди саамов, в их погостах и на кочевках, от четырех до шести месяцев ежегодно. Я не ограничивался только академической работой, но вместе с оленеводами уезжал в стада и по возможности помогал саамам в их работе, сближаясь с ними все более и более. Осенью 1927 года я принял участие в очень тяжелой поездке в тундру, на ловлю оленей, отпущенных весной на вольные пастбища. Благодаря этой поездке мне удалось записать весьма интересные сказки. Немало вечеров зимою и осенью проходило за рассказами о старине, за сказками и воспоминаниями.

Саамы не очень-то охотно соглашались на запись сказок. Одно дело рассказать предание старины у костра, на охоте или долгим полярным вечером за чашкой браги, и совершенно

иное — сказывать сказку городскому человеку, приехавшему из столицы со многими листами бумаги и с дюжиной острых карандашей. Это сначала казалось саамам странным, неразумным и даже предосудительным. Дело пошло свободнее во второй приезд, когда я приехал уже будучи их знакомым, знающим саамские слова, приветствия и отдельные фразы; теперь я записывал сказки по-саамски и тут же прочитывал их вслух. Это произвело сильное впечатление.

Надо сказать, что процесс записывания сказки в те годы — работа весьма трудоемкая, особенно для сказителя. Поэтому некоторые из них, придя с охоткой рассказать сказку «из уважения», очень скоро утомлялись. К тому же, как бы быстро ни записывал собиратель, результат записи обычно резко отличался от той словесной ткани, в которую облекалась сказка в живой речи. Текст такой записи — это скелет, а сказывание — живой человек во плоти, смеющийся веселой шутке, с глазами, блещущими умом, юмором и весельем или грустными от горя.

Сказитель каждый раз сказывает свою сказку по-разному — то упустит, это прибавит, одно приукрасит или придумает заново, иное место смажет. Слушатель не пассивен — он воспринимает своей творческой, слушательской фантазией упущенное, или восполняет когда-то слышанное.

Характер работы помогал вникать в быт саамов, поэтому их сказки стали для меня столь же близкими, как и родные русские. Это ощущение углубилось опытом моего собственного рассказывания. Сказки выбирались, конечно, для этого самые простенькие — «Сальный поясок», «Олешка Золотые Рожки».

Произнося вслух записанные по-саамски тексты, я улавливал своеобразие стиля сказителей, что и старался передать впоследствии в обработках сказок. Каждый из них имеет свои речевые особенности, приемы и манеру сказывания. У каждого

своя интонация. У одиого стиль сказываиия словио свысока — он рассказывает о больших людях малеиьким, тон часто повелительный (М. Титов). Н. С. Матрехин умиляется. У. П. Таруиова всегда вела сказ лаконично. В. В. Койбина, наоборот, очеиь любила сентенции, она бранила или осуждала своих героев, и все они у нее словно бы кукольиые.

Саамы в непосредствеииом общении очень экспансивны, остроумны, они любят поспорить, в речи их часты забавные слова и выражения. Вот этими качествами саамской речи и сказа хотелось оживить записи, когда я приступил к их обработке. Каждый текст я прослушивал неоднократно, у разных сказителей и старался зафиксировать полноту сюжета, характеристик персонажей, особенности речи самого сказителя. Многие сказки говорятся и по-саамски и по-русски. Я записывал их иа обоих языках.

Следует сказать несколько слов о Найиасе. Ядром этой легеиды является на разные лады рассказываемая сказка об Оадзь. Сказитель П. В. Сорваиов изложил эту сказку так, что стало ясно — перед нами фрагмент большого мифа о Найнасе, о Луие, о Солнце, о дочери Луиы или Солнца — Никийе («Не есть я»). Для воссоздания этого мифа использованы несколько рассказаиных отрывков, а также сведения из области верований.

Иной подход был к фрагмеитам мифа о «Мяндаше» — древнем родовом предании терских, то есть крайне восточных, саамов. Здесь дается совершенно точный текстовой материал, внесены самые иезначительные исправления.

В. Чарнолуский

НАЙНАС

(Сказки и легенды о северном сиянии)

Давняя, досельнего времени сказка. Это словно бы сновиденье наяву. Оно приходит на память, как вот придорожная веха из тумана выступает на дальних путях.

Теми словами, как старики наши сказывали, теми словами сказать хочется. А могу-то я тебе говорить только моими словами. И слова эти — мои слова, моя речь, а не точное слово прадедов. Они песней пели, в лад каждое слово пело. Мои же слова родятся тесные. Говорю тебе как сказку, а не сказка она — это

истинная быль, дедами наших дедов петая. Теперь эту песню сказом говорят. Забыли старых слов лады. Забыто, сынок, забыто.

Ну, так слушай сказку.

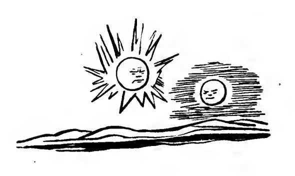
Ты слышал ли стенание моря? Как льды поют? Не слышал... А поют льды, поют... это правда, не выдумка. Бывает оно весенней порой и в полуночную тьму. Не всякому дано это слышать.

А ты знаешь ли, что за морем на полуночник живет наш хозяин, великий Старец, образом Морж? Когда повернется он с боку на бок на своих постелях — вот и стенают льды,— попросту сказать, скрипят. Чтобы люди знали: жив есть! Он, Старик, живой!

Это он посылает нам косяки сельди, и трески, и пикши, он подгоняет и палтуса, и камбалу к берегам нашим. Он гонит из моря в реки красную рыбу и сижков нам дает. Это он, кормилец, приводит к нам морского зверя — тюленя и нерпу. Он выбрасывает на обсушку жирных китов. Он опускает тьму полуночную, чтобы отдохнули — и человек, и зверь, и рыба подледная. Это он гоняет по небу сполохи. Они в небе играют, дозор несут, ведут великий бой. То наши, человечьи, дела решают заупокойнички наши, а попереди всех идет Найнас — их предводитель. Как падет ему на совесть, так тому и быть!

Вот об этом предводителе сполохов, о Найнасе-вожде, будет тебе сказ.

А заводить-то речь надо с другой стороны. От Солнца надо зачинать.

СОЛНЦЕ СВАТАЕТ НЕВЕСТУ СВОЕМУ СЫНУ ПЕЙВАЛЬКЕ

Солнце, оно утром едет на медведе, в полдень на олене-быке, а под вечер на олене-важенке. Вот и приехало Солнце из-за моря. Медведя отпустило. В дом вошло — человеком стало. Ему бы отдохнуть, повалиться спать, а тут сын его,— Пейвальке зовут,— приступил к отцу и говорит:

— Жениться хочу...

— Ну что же,— говорит Солнце,— я не препятствую, женись, сынок...

А Пейвальке ему:

— Не могу жениться, отец. Нету мне невесты. На Земле, что ни приглянутся девки,— примерю им свои башмачки, по мерке не приходятся — хоть отрубай! Невеста не по мерке — это мне не годится. У них ноги очень тяжелые, от земли не отодрать! Да разве с

ней на небо улетишь? В землю врастешь, а не в небе летать.

— Это верно,— сказало Солнце.

Поклонился Пейвальке отцу своему, Солнцу, и сказал:

— Дай ты мне в жены такую невесту, чтобы ножка ее была как раз по моему золотому башмачку. Чтобы обликом была человек, румяна, как ягода морошка, а сама бы тоньше лунного луча и чтобы никто ее не знал: есть она или нет,— для покою моего.

— Трудную задачу ты задал мне, сынок! Если взять девицу не наших кровей — сгорит моя невестушка. Если взять ее из не нашей сути, что нам с нею делать? Погоди-ка, вспомнил про одну, да она еще не в законе... Ладно, будет тебе невеста, только сам не плошай. Ложись и спи, пока не разбужу.

Пейвальке повалился спать и крепко заснул. Накрепко, так чтоб исполнилось все, чего он хочет.

Дождалось Солнце дня, когда Луна тоже ходила по голубому небу. Посмотрело издалека: правду сказали, с лица Луна туманится, словно младенчик тенью является у нее на лике. То есть, то нету. Все так, как ему сказывали... Подкатилося Солнце поближе к Луне и говорит:

— Соседка, а не у тебя ли есть дочка хороша, а у меня для нее сынок на возрасте. Пора ему жениться.

Ну, а Луна ему в ответ:

— Моя дочка молода, нешто ты, старик, не знаешь, нет ей ни росту, ни воздыхания. Я и не знаю, есть ли она? Нет ли ее? Держу вот на руках, родимое, слышу, млеет сердце мое! А в чем моя радость — не знаю! Чего хочу — не знаю, чего-то жду, жду, а чего — не ведаю,

а дитя мое — вот оно, а есть ли, нет ли оно — я не знаю... Однако вот оно: весит...

И Луна покачала свое дитя на руках. Потрогало Солнце пальцем — есть оно...

Солнце ей отвечает, что это ничего, попадет к ним в семью дородно будет.

— Мы, Солнца, все родим, чего и нету — будет.

Мать Луна улыбнулась:

— Сгорит она у вас, один обман получится...

— Как это обман?— Эх, как тут Солнцу такие слова обидны показались! Как это может быть обман от Солнца, от его Солнцева семейства?! Оно — вся сила, оно все растит, от него все множится и в силу входит, у них все на виду, какой тут может быть обман?

— Это от тебя обман,— говорит Солнце.— Почему закон не соблюдаешь? Душе этой девчонки давно уже надо бы облет вокруг меня совершить! А ты меня обносишь! Я, Солнце, давно знаю, родилась она! А где же она, какова она? не вижу! не слышу!

И только Солнце хотело заглянуть в личико дитяти, как Луна отпугнула его.

— Что ты, что ты,— кричит,— опомнись, Солнце! Ты ведь не нашей сути. У нее есть свой суженый, нашего света, вон по краю неба, по над землею ходит, лентою колеблется во тьме, светлый луч впереди предшествует.

Солнце рассердилось! Как это его жениха, его сына Пейвальке, равняют с полоской света. Разгорячилось Солнце, все пламенным светом всполыхнулося. Пылает, жаром пышет. Страсть!

— С кем же ты равняешь нас? Мы — сила, мы что

хотим, то все можем, нету нам конца и краю, мы душе живое вдыхаем! А то, что там такое, тусклое!..

Луна ему в ответ:

— Не говори, сосед, твоя сила только вполовину, твоя сторона только вполовину сильна. А в сумерки, а ночью где ты? Что ты? А зимой в черные ночи где твои силы искать? Не гордись, старик, своими силами. А у него есть сила — и в сумерках, и в ночи, и зимою, и летом, мы с ним в одном свете живем. Ты нас обманешь, не в этих ты силах.

Ну, уж тут-то Солнце распалилось, опять такие речи услышав.

Поссорилось Солнце с Луной.

Всколебались тут воды, потемнели леса, моря растекаются по суше, а земля-матушка дыбится, ходуном ходит, одна волна земная за другой волною вздымается, ложится гора за горою: горы каменные и сыпучие, горы гладкие и островерхие, сопки колючие. Над ними Солнце в гневе распласталось — жаром гнева пышет.

А силы Луны против Солнцева воинства встали. Солнце жаром палит, а Луна свои силы собирает, воды стоячие и текучие, волны морские, тени лесовые и все воинство загробное со сполохами во главе. И всякая-то тварь разделилась: птицы, олени и козы к Солнцу тянут, дикие звери за Луну стоят. И надо всем-то этим воинством гром грохочет, с неба на небо перекатывается.

Шатко стало на земле. Люди пали ниц, не знают, кого молить, кого о чем просить, не смеют глаза на небо поднять.

Проснулся Старец в облике Моржа (ты его имени не спрашивай — не сказывают его имени простые люди в

простых делах). Увидел этот беспорядок, зевнул и тот же час дал на землю ночь.

Ну и стало все оседать, по местам становиться. Хоть и не на своем уже месте оказалось, а покой себе нашло и остоялося.

Один медведь свой интерес соблюдает,— ни за Луну, ни за Солнце. Притаился в лунной тени, из-за горушки схватил грома за длинную бороду да в сумку его, да к себе домой уволок и в амбар запер на замок, а двери цепями опутал. Сел и сидит, смотрит, чего дальше будет.

Прекратилось грохотанье, наступила тишина в ночи — все одумались и пошли по своим домам, по своим делам.

Одумалось Солнце.

Одумалась и Луна.

— Ладно, мать, не будем шуметь, давай дело говорить: ты не ведаешь, что говоришь, откуда ты знаешь, что девчонка оно? Обману бы не было. Говоришь, девчонка у тебя на руках лежит, а сама спрашиваешь, есть она или нет? не знаешь?.. А говоришь, что уже обещала суженому. Что же ты обещала, когда ничего нет? Без моего закона ничего от нее не будет. Мое слово крепко.

Луна опечалилась и сказала:

— Ох, и не говори, куманек. Видно, придется закон совершить, пролет округ тебя, да ведь боязно было... Не твоих она статей.

Солнце засмеялось.

— Мое слово крепко — отдай мне твою Никтою, Неестью, девушку,— будет тебе дочка, девица-краса-

вица, краше ягодки морошки. А мне моя невестушка будет радостью.

Луна улыбнулась, дала согласие и сказала:

— Сосед, однако ты ее суть не круши, пусть она будет моих сутей, а об остальном уговоримся.

— Ладно,— сказало Солнце,— пусть она будет твоих сутей, а моих статей.

Тут они чего-то друг с другом пошептались, условились, распрощались, и умчалось Солнце догонять свое время.

Прилетело домой, разбудило Пейвальке:

— Вставай, сынок, вставай, подавай оленя скорей. Видишь, надо торопиться день догонять, забаловался я там, урочное время пропустил... как бы не случилась беда.

Пейвальке — раз-раз! — пригнал отцу оленя, а тот, уже садясь, крикнул ему:

— Будет тебе невеста в самый раз! А покуда ложись и отдыхай!..— И умчался в обход своего неба...

Пейвальке же лег спать и накрепко заснул до поры до времени, как велел ему отец. Знал уж, что отец его все ведает. Они без слов могут все знать, такие уж они есть!

ДЕВА

Жил старик, жены у него не было, детей не было. Так, безгрешный был старичок, ну, однако, хозяин исправный.

И приснилось ему: должен он попасть на остров. На тот остров, что лежит на озере Свято — на Сейтяврушке. А острова такого он отродясь и не видел, и не знал, и не слыхивал даже,— есть ли такой остров? Проснулся он утром и подумал: «Надо идти. Надо найти тот остров, и жить там придется». Однако сомнение взяло — как это он сам, своею волей может поселиться на Сейтяврушке... На веках такого не бывало!

Пошел он к народу, рассказал о своем сне и спросил совета: как ему соседи скажут, что народ присоветует, так он и поступит. Думали старики, долго думали, порешили, весь народ ладом наказывает старику: идти

и селиться на том острове, на том озере Сейтявр. Нету такого острова — явится.

Собрал старик свои пожитки, взвалил на плечи и отправился в путь. Шел, шел — вышел к озеру Свято. И видит он, по озеру остров плывет. Плывет остров и ближе и ближе к берегу подходит. Старик к острову близится — остров от него уходит. Идет старик вслед за островом. Остров по озеру плывет, на нем сосенка стоит, сосенка кудрявая. Старик по берегу спешит, догоняет свой островок. Бежал-бежал — остановился остров в тихой заводи. Узкое место между двух берегов, заросло оно мохом, и травой, и землей. Тут острову причал.

Обширно озеро Сейтявр. Сверху, с севера, закрыто горами, одна только вершина вздымается высоко. То вершина «праудедков», прадедов народа, жившего внизу, соседей и родичей старика. Понизу заросла гора могучими борами. А на востоке протянулась Колоколовая горушка, вся она заросла ягелем, сытным кормом оленей. Горушка эта не простая, на ней пасется путеводный олень — Солнцу слуга. Тут он жировался и потерял свой колоколец. Тут и стало родимое место оленей. Беззаботно пасутся они на этих лучших угодиях земли.

На запад березовая роща стоит, то Черная Варака, не нашего жительства, не для человека она, эта Черная Варака. Так сказывали старики. Ну, а все-таки бересту в ней драли, потому что хороша тут береста, очень хороша.

Остров причалил подальше от Черной Вараки. Старик перешел с матерой земли на острова твердь и топнул ногой.

— Земля тверда — тут и жить,— сказал.

И стал жить.

Он обошел весь остров вокруг. Бьют ключи теплые и горячие, родники студеной воды журчат там и тут. Бьют ключи прямо из-под земли, из-под камней гремучих, из-под зеленой муравы, из густого мха. Хвощи туманом млеют в теплой влаге над родником.

Подошел он к этому студеному родничку, а тут на камушке сидит Дева. На ней одежда на левом боку ярче солнечного света сияет, а другая половина тела вовсе без одежды, высокая грудь жаром пышет. Дева встала старику навстречу, его поклона обождав, сказала:

— Долго ты путешествуешь, старец. Я замерзла, я проголодалась.

Старик ответил ей:

— Я видел во сне этот островок. Утром проснулся и пошел. А остров уходил от меня. Долго я гнался за островом и вот притомился... устал немножечко... кхэ...

Женщина улыбнулась, положила ладошку на соседний камешек.

— Садись,— сказала.

Он вынул из своих сумок вяленую тушку щуки и дал этой женщине. Другую сам начал есть. Так он утолял свой голод — одну рыбину ей, другую себе, одну рыбину ей, другую себе. Она эти щучьи тушки собрала в руке, а не притронулась к ним.

Он было подумал, что Дева-то не умеет ни пить, ни жевать, что к щучьей плашке она и приступить-то не сумеет. Смекнул было, что не здешнего света Дева; уж не Солнцева ли дочка или сестра?

Он дал ей разных шкурок и кож, чтобы прикрыла она наготу свою. Она смастерила себе одежду и пред-

стала простою женщиной-саами. Она все умела делать сама, а щучьих тушек как не бывало — все съела. Как только надела одежу — так и съела эти щучьи тушки.

Из еловых ветвей они построили на ночь зеленый шалаш, сказать просто,— спалку. Ложа в ней сделали из веточек березы, покрыли их шапками ягеля. На них старик постелил для нее свою единственную шкуру оленя, сам же примостился у очага в своей меховой одежде-печке́.

На другой день они начали строить себе надежный дом-вежу. Она учила старика. Сели на землю друг против друга, ступня в ступню уперлись, за руки взялись. Потом откинулись назад, легли спиною на землю и выбросили руки за голову. Каждый в головах сделал отметку. Потом так же они сели наперекрест и так же отметили ширину своей будущей хибарки.

Старик начал строить единый дом для себя и для Девы,— так она велела.

Когда построили вежу, старик из бересты сделал лодку. Лодку сделал — и начал добывать в озере рыбу. Уловы в озере Свято были хороши. Старик ездил на озеро и ловил рыбу, он ходил в леса, охотился там и драл бересту. Бересты шло в хозяйство много. Женщина управлялась по дому.

Жить им было легко и дивно хорошо.

Однажды сказала Дева:

— Пойдем, старик, округ озера. Я положу слова оберега на леса, на озера, на тундры и горы. Я положу оберег от дурного глаза, от вражьей силы.

Пошли они вокруг озера по горам и по лесам, и она везде положила свои слова, чтобы не было пло-

Женщина протянула руки и взяла живое тельце дитяти.

Это была маленькая светлоокая девочка. И вся-то она лучилась в лунном свете. И вдруг заплакала...

Женщина начала ее утешать. Закутала она в теплые шкурки бобра уже настоящую девочку — дитя человеческое.

Месяц и луна ушли на край земли.

Женщина пошла вперед, старик позади, повторяя слова тех оберегов, что Дева пела намедни.

ОСТРОВ

Придя домой, уложили девочку в люльку. Развели огонь и полюбовались еще раз: лежит детка — истинная ягодка-морошка,— ручками, ножками сучит, глазки светятся, ручки к отцу-матери тянет, на руки просится. Взял старик малышку свою, ключевой, студеной воды зачерпнул и облил ее на пороге вежи — она не заплакала, а только рассмеялась, будто так и надо! Старик же, с голеньким младенцем на руках, уселся поближе к очагу. Играя и лялькая, высушил ее,— сначала спинку, потом животиком к огню повернул, обсушил и головку, и ножки, и ручки, грея их в руках и в тепле очага. Когда же обсохла дочка, уложил ее в люльку, закутав бобровыми шкурами. А Дева неведомо откуда взяла золотой башмачок и положила его в изголовье. После этого дала ей грудь.

Приняв вечернюю пищу, старик и Дева повалились спать. И были они как супруг с супругой, старик и старуха, муж и мужняя жена, отец и мать. Будто они веки вечные жили вдвоем на этом озере, в этой самой веже.

Старик называл ее Акка, она его кликала Кайлес. На другой день девочке положили имя — Никийя, а подомашнему звали ее Акканийди — бабкина дочка. На другой день, в ночь, в тот самый лунный час, когда восприняли они Акканийди, старуха положила в дымник венец из костей — на доброе начало для жизни Акканийди.

Тучи ли обложат небо темною моряной, зима ли со стужею, мороз ли щелкает в лесу или осень мокнет дождями, а на остров старика и старухи как с ясного неба льется свет, лучи Солнца сияют — землю греют. Ночью лунный свет бодрствует. Сноп лучей снисходит денно и нощно. Если же недосуг Солнцу, недосуг Луне — они тотчас дают весть полуночному Старцу в облике Моржа. Тот посылает своего верного Найнаса со дружиною в дозор. Они играючись бьются потешным боем, оттого свет радужный изливается на землю и нету тьмы над озером Свято. По вся дни, веселая, весенняя, вся в зелени, цветет земля того острова, мхи разноцветным ковром ее кроют, теплую и ласковую от подземных талых вод. Так-то зеленым окном среди темной, ледовой землицы нашей лежал остров, где жила и росла Акканийди-девочка, дочь Луны, именем «Не есть я» — Никийя.

Старик занимался хозяйством, кормил старуху и дочку свою, солнцеданную Акканийди.

В те времена кормилися только рыбой. Ну, да на

дичь ставили силки, тенета и те же рыболовные сети; потому и считали дикую, мелкую птицу тою же рыбой, однако воздушной. На дикого оленя не охотились — он, как бы тебе сказать, родимый был. Раз в году все оленное племя дозволяло охоту на себя, да и то не как-нибудь, а только загоном и только вангасами. В другие дни — грех. Не было езды на оленях. Лодка была из бересты — в ней по озеру плавали, рыбачили, а кережи были об один полоз-лыжу, с закраешком. На них мужики таскали свою немудреную снасть. Не легкое это дело по мхам, по болотам, по камням и по горам тащить добро. А таскали же, и дома свои таскали. Дома были из оленьих шкур зимой,— если человеку выпадало счастье умело сохранить оленьи шкуры. А больше были шалаши из бересты, шитой сосновыми кореньями. А бывало, что и в землянках коротали зиму, вроде этой вот вежи. Береста отвечала за все. Котлы пищу варить — береста. Обмажут глиной, прокалят на огне, и дородно, а там уже горячими камнями кипятят воду и варят мясо в этих котлах. Посуда воду пить, короба разные, рыболовная снасть — и для них береста нужна. Кругом береста. Приходилось старику часто ходить в лес за этой берестой и охотиться. Всякого зверя он приносил и для котла, и для меха; только медведя обходил стороной. Медведь, он был вроде как человек, однако сам по себе, он свое знал, а не человечье.

ПРО ГРОМ СКАЗКА

Жили старичок и старушка, у них была единая девушка. Не малолетка уже, ну, однако, в невесты еще не вышла. Звали ее Акканийди — бабкина дочка.

Однажды летом пошла она за водой. Возвращается с родника, несет ведра, полные воды, замшевая рубашка на ней изукрашена узорами, на ногах беленькие каньги, с перлами вместо пуговиц... Солнце освещает ее из-за спины... и вся-то она будто соткана из лучей.

Уже совсем близко было до дома, как от камня отделился Медведь.

Он сказал:

— Побежишь — съем, не побежишь — съем. Дай воды напиться.

Акканийди ему говорит, что воды и в озере много. А Медведь ей свое — в озере вода цветет, пить не годится. Дала ему напиться. Медведь все ведро выпил и опять:

— Побежишь — съем, и не побежишь — съем! Ты очень красивая стала. Скоро отдадут тебя замуж. Пойдешь ли замуж за меня?

— Как я пойду за тебя замуж, я совсем маленькая, у меня и перевеське-то на голове не бывало, что ты, Медведь! Я не могу идти за тебя замуж! А что скажут мать и отец?

— Ничего,— говорит Медведь,— будешь мне маленькой хозяйкой, а потом, когда оденешь перевеське, станешь мне невестой, а потом женой. Побежишь — съем, и не побежишь — съем! Пойдешь ли за меня замуж? Побежишь — съем, и не побежишь — съем!

— А кто мне наденет перевеське и косы заплетет?

— Это сделаю я, когда придет тебе срок, я положу тебе перевеське на голову. Побежишь — съем, и не побежишь — съем.

— Маленькой хозяйкой пойду, а женой не пойду. У отца-матери спроси.— И хотела пройти мимо Медведя, но он схватил ее, перебросил через плечи и побежал что есть мочи в лес, к себе во двор, домой.

У Медведя хозяйство большое. Тут и овцы, и коровы в оградах и хлевах стоят. По всему двору кости валяются, черепа разные, руки, ноги обглоданы. Страшно.

Медведь велел Акканийди домовничать, овец и коров кормить и поить, а ему готовить обеды.

— А в те двери не ходи,— показал он на амбар в стороне, весь опутанный цепями. Сказал так, а сам ушел на охоту.

Девушка свое дело исполнила, напоила и накормила овец и коров, и села отдохнуть, а сама думает: «Не пускает меня к тому амбару ходить! Вот еще!»

И она взяла да и подошла близенько. А оттуда Гром загрохотал. Она испугалась и убежала.

Медведь почуял этот гром да поскорее из лесу скоком, скоком — и домой. Что тут такое? почему тут амбары грохочут? Спрашивает:

— Ты ходила в тот амбар?

Она ему говорит:

— Нет, я только мимо шла, а там на меня что-то загрохотало. Я испугалась и убежала.

Медведь обошел вокруг амбара, все цепи проверил, вернулся и строго-настрого сказал:

— Смотри же, и близко к амбару этому не подходи. А я пойду поохочусь. Надо же нам чего ни то кушать?— и убежал.

Акканийди всех коров и овец накормила и напоила и стала пищу к приходу Медведя готовить. Варю сварила и села, ждет своего хозяина.

Вот и вечер настал. Медведь вернулся с охоты и принес оленьего мяса и человечины шмат.

Думает она: «Как оно мы будем человечье мясо есть?» Она не стала угощаться. Так и спать легла.

Утром встал Медведь пораньше, опять наказал к амбару, который в цепях, не ходить, коров и овец накормить, напоить, а сам убежал.

И довелось ей близко около того амбара пройти. Она мимо шла, а оттуда голос, зовут ее и говорит кто-то:

— Дево, дево, подь-ко сюда... меня не бойся! Я твоей стороны!

Акканийди вернулась и подошла к самому амбару. Через двери кто-то говорит ей:

— Как-нибудь разбей мои цепи. Спаси меня, а я тебя выручу!

Акканийди взяла напильник и стала цепи пилить. Наполовину уже перепилила — тут вечер настал. Пришлось вернуться к очагу. Пришел Медведь и принес мяса оленьего, звериного, мяса тюленьего и человечины шмат. Акканийди отведала оленьего мяса чуток, а больше и не стала. Ну, и спать повалились.

Утром Медведь на охоту убежал, Акканийди же, коров и овец накормив и напоив, принялась допиливать цепи.

Все допилила до конца.

На волю вышел Гром.

Он сказал:

— Скорей, скорей... Возьми сена мешок, еловой хвои возьми ветками да кресало с огнивом не забудь.

Она все исполнила, как наказал ей Гром. Он посадил ее на плечи, с мешком сена, с ветками елок и с огнивом, вздохнул во всю мочь и полетел: загрохотало все небо.

Выше елок, выше варок и гор полетел Гром по небу.

Услышал Медведь грохотанье, бросил свою охоту, да и припустился вдогонку за Громом и Акканийди.

Гром несется выше высоких небес, а и Медведь за ним поспевает. Гром летит — Медведь скачет. Видит Гром — догоняет его Медведь. Он крикнул девушке:

— Ох! скорей, поскорей бросай-ка сена мешок!

Она сбросила мешок сена. Медведь набросился на мешок, думал, это девчонка, и разорвал его в клочья. Пока рвал да метал, Гром далеко улетел. И все-таки Медведь снова начал его догонять.

Кричит Гром — просит девушку высечь огня да ветку бы еловую зажгла и бросила на холмик ягельный, сухой — вон виднеется внизу.

Сделано, как велено. Блеснул Гром молнией. Медведь на горку взбежал, на нем загорелась шерсть. Пока кружился Медведь да катался по земле, стараясь потушить горящую на нем шерсть, Гром далеко улетел. Не догнать Медведю.

Вернулся Медведь домой один, обгорелый.

А Гром отнес Акканийди на то местечко, где она ведра оставила. И до сих пор это место знать: стоят два каменных ведра, и будто коромысло из камня — тут же лежит.

Опустил Гром девочку на землю, а сам спрашивает:

— Хорошо ли, девица, по небу летать?

— Хорошо, очень хорошо!

— А пойдешь ли, нет ли за меня замуж? Все-то мы будем по небу летать, облака да тучи с неба на небо гонять. Весело мне, будет весело и тебе!

Она подумала и сказала:

— Я Медведю сказала «нет» и тебе скажу «нет». Я маленькая, у меня перевеське еще не бывало на голове, и одна только косичка.— Она потрогала свою голову с одной косою. И рассмеялась Акканийди так, как она еще никогда не смеялась. Она была сама себе рада,— рада была, что и Гром хотел, чтобы она была

ему женой, и Медведь хотел, чтобы она вышла за него замуж.

— Ну ин ладно, когда у тебя будет две косы и одна перевеське — я тебя найду.

— Найди, Гром, найди...

Громыхнул Гром еще раз и в небо улетел. Акканийди же подошла к лужице воды у родника и заглянула в нее. Счастливая, рассмеялась — тому ли, что она домой вернулась, или еще чему-нибудь.

С тех пор снова Гром по небу грохочет, кого радует, а кого и пугает.

НИКИЙЯ

(Не есть я)

В давние времена на озере Сейтявр островок зародился и вырос большой. На этом острове выросла кудрявая сосна. Под сосною завелась вежа. В веже жили старик со старухой, с дочкой их Акканийди, а еще ее звали Никийя.

Пошла дочка по ягоды и не вернулась. Неведомо, куда делась дочка? Старик отправился к людям. Везде спрашивал, где его дочка.

Ушел старик и тоже пропал,— который день не приходит домой.

Старика нет, дочки нет — старушка одна сидит в веже. Вдруг засияло, засверкало, небо расступилось, и жара пала на землю нетерпимая. В дымник вежи заглянул луч Солнца. Старушка обрадовалась. Она чистые двери открыла — в них влетел Пейвальке, Солнца

сын. Сам-то ликом светлый, щеки жаром пышут, в руках золотой башмачок. Старая достала из амбарчика люльку Акканийди, нашла в ней такой-же золотой башмачок. Примерили — точно, одна пара.

Тут Акканийди вернулась и в дом вошла. Пейвальке ей башмачок протягивает.

— Примерь.

Акканийди башмачок примерила — велик башмачок! Поклонилась старая Пейвальке и сказала:

— Акканийди еще не поспела!

Пейвальке неразговорчив был. Ничего не сказал, только жару сбавил. В чистые двери вылетел и всю жару с собой на небо унес. Там он лег спать, чтобы Акканийди, невеста его, в жены ему поспевала получше.

Старушка села заканчивать убор на голову Акканийди — «перевеське» называется. А еще она сшила ей новый девичий наряд. Венок же из можжевеловых веток был свит уже давно. То был подарок отца.

Вскоре и старик возвратился. Тотчас велела старая положить в дымник можжевелевый венок, а сама на голову Акканийди возложила перевеське... Потом она обрядила ее в новый наряд, девичий. Стала девочка Акканийди девушкой.

Надела Акканийди перевеське на голову и побежала к роднику поглядеться: какова-то она в своем новом наряде? Очень красиво ей показалось!

— Отец, возьми меня к людям,— сказала Акканийди,— я к людям хочу!

— Время пришло ей в людях жить, не оскудело бы ее сердце и умягчились бы сердца людей! Пусть откроются глаза и души их на то, что в силах рук их на-

ходится неявно! — так ответила мать на желание дочери.

Ночью, когда мать и дочка уже покоились сном, а старик, без сна, отдыхал от дневных забот и трудов,— потянул свежий ветер, напружил кудрявые ветви сосны и... тронулся остров, поплыл по озеру Свято на Север, к устью великой реки, Реки Отцов.

Старик стоял в дверях вежи.

— Видно, так уж от веку положено этому острову плавать.— И дал ему имя «остров Девы».

На утро собрались старик с дочкой и отправились к устью Реки Отцов; тут жили люди старикова племени. В один погост пришли — лежат люди пластом. В другой погост пришли — лежат люди пластом. Голод. Едва Акканийди не съели.

— Не есть я, не есть я,— шептала она про себя и стала невидимой. Тем и спасла себя. Вернулась домой ни с чем.

Миновало время, и пошли они по тем же людям, по тем же вежам. На ту пору с удачной охоты возвратились мужчины. Они принесли мяса, разной дичи с избытком. Дни и ночи пировали люди и ели до отвала. Вповалку валялись они и на улицах, и в шалашах у очагов, предаваясь тяжелому сну. И не диво, иная девица съедала целый окорок оленя. Это было хорошо. Люди спали от избытка пищи. Даже сны им не снились.

— Не есть я, не есть я,— шептала Акканийди и просила отца вернуться домой.

Малое время прошло, и стали доноситься хорошие вести: море дало людям сытость на многие дни. Ледяная гора принесла от Севера мясо: втиснутого во льдах кита.

Каждый день старейшины собирались около кита и щедро оделяли мясом всех приходящих от каждого жилья. Потом за мясом приходили все, кому надобно,— только оставь после себя бирку: дескать, мы, такие-то, были и взяли. Тогда среди людей жили сытость, мир и покой.

Акканийди уродилась такой девушкой, что женщинам хотелось ее ласкать, как самую любимую куклу, а мужчины желали схватить ее, крепко прижать к груди на всю жизнь и не отпускать.

Пришла Акканийди с отцом в ближнее селение, к устью Реки Отцов, открыла полог первого жилья, которое увидела, и вошла. Здесь жило пять мужчин и много женщин. Мужчины вскочили и набросились на Акканийди. Она была чужеродка, ее можно было взять без закона. Между мужчинами уже началась было драка. Вскрикнула Акканийди: «Не есть я!» — и на глазах у всех исчезла. Тут подоспел отец. Он вручил ее сестре, самой старой матери всех детей этого дома. Акканийди обрела свой облик. Старик произнес над нею слова оберега, как научила его Дева.

Отец усадил Акканийди рядом с собой на почетное место. Он сказал:

— Вот она, моя дочь, она сама захотела прийти к вам в гости. А мать ее, сестра Солнца, ждет к себе людей с дарами.

Тогда им дали лучшие куски мяса и потчевали мозгухами — костями с костным мозгом, а еще угостили их ухою из красной рыбы семги.

Пока гостила Акканийди в селении в устье Реки Отцов, мужчины ходили на охоту больше для забавы:

не одною бы китятиной кормиться, а и дичью и мясом зверя. Отправляясь в путь, они плясали и пели песни счастливых охотников.

Девушки и молодые женщины приносили Акканийди свои изделия и узоры. Она погладит их рукою — и все вещи становятся красивее.

В день, когда мужчины ушли на дальнюю охоту, Акканийди принесла маленькие кисы из замши и тюленьей кожи. Она сама и выделала, и скроила, и сшила эти сумочки. Туго набитые жемчугом, отборными камушками и сушеными ягодами, они были соблазном для девушек и молодух. Акканийди учила их любимой игре. Рассыплет жемчуг по скатерти, покроет кучку его руками и воскликнет:

— Ничего нет — я не есть! Что тут есть?

Ей отвечают:

— Там ничего нет!

Тогда она поднимет руки, а там узор: круги, колечко в колечко, и змейки и палочки, и месяц с луной, и ножки сороки, и водный узел, и клетки, и гусиная лапка — все в перлах, все сияет от огней костра!

— Это сделала я! Я есть!

Потом положит руки на те же узоры, все спутает, собьет, перемешает и скажет:

— Никийя — я не есть! — и станет словно бы ее тут и нет. На скатерти останется кучка жемчужин и камушков в беспорядке.

Одна маленькая девочка не поверила, что Акканийди здесь нет, раз ее не видно. Она потрогала пальчиком то место, где сидела Акканийди, пальчик уткнулся в теплое.

Акканийди опять положила руки на жемчуг — за-

путала, закрутила руками и сняла их. И опять предстала она, видимая, живая, балуясь, смеясь.

— Я есть! — говорит.

А сама такая красивая, что маленькая девочка запросилась к ней на колени. Акканийди коснулась этой голенькой грязнульки, девочка стала едва видимой, вздохнула, запела песенку, смешалась с дымом костра и улетела в небо, к Найнасу.

— Она моя сестрица Песня, о том не знали ни вы, ни я, но она среди нас живет,— сказала Акканийди. И она брала перлы один к одному, укладывая их в красивые узоры. Девушки и молодушки запоминали и украшали ими свои вещи и одежды.

Как приехала мать Акканийди на новое место, так и начала требовать от людей даров и приношений. Ей все было надобно: треугольнички из красной замши, сушеные гусиные перепонки, жемчужины, даже кривые и кособокие, годились и кусочки красной охры. Лишь бы дары эти были желтого, красного или черного цвета. Вещицы других цветов не надо. За эти жертвы она обещала людям удачные ловы, веселые охоты и дары моря: китов на отмель берега.

После приношений она отпускала Акканийди:

— Иди!

Путь идет, куда ей вздумается, дальше уйдет — больше даров. Знала: раз «они» приносят дары, значит «они» отвечают за дочь. Старуха помолодела, принарядилась, и старика стала держать пообряднее — в белой замшевой рубахе с красными узорами. И Акканийди ходила теперь красиво одетая. Нет-нет и проглянет из старой старушки прежняя Дева. Теперь от Акканийди она требовала: выходя из дома, пусть будет одета в но-

вое, хоть пуговка из сухой ягоды, но не как вчера, а как сегодня, по-новому красивая. Осмотрев дочку, она целовала ее нос в нос, потом ласкала щека щекой и говорила:

— Красиво! Иди!

Жизнь людей очень украсилась с тех пор, как среди них обжилась Акканийди. Она приносила им выдумки, сочиненные вместе с матерью на своем острове. То круглый корничек из сосновых кореньев, то пуговку из ракушки, то принесет она белую рубашку из замши с узорами, как раз такую, какую они сшили отцу. Девушки и молодушки перенимали эти забавы, они даже начали баловать ими своих мужчин.

Мужики уже требовали:

— Шейте нам рубахи, штаны и яры, какие Акканийди готовит отцу.

Старик осуждал старуху за поборы и дары. Осуждал: зачем отпускает Акканийди одну к людям надолго и далеко. Он даже пенял жене, зачем она наряжает дочку, да и сама рядится что ни день, то в новое.

— Что за прихоть такая,— твердил он,— одно разоренье! А за рыбой кто будет ездить, коли все будем в нарядах ходить да в лужу смотреться? Зачем девочку, их Акканийди, она отпускает в люди одну? Молодые парни не вздумали бы свататься, а то и просто гоняться. Еще, гляди, украдут дитя. Как бы чего не вышло?

Но старая как посмотрит на него взглядом Девы, той, которую он одел и укрыл, так и прилипнет язык к гортани... Тихий он был старичок и уставный... Потому и почитал свою жену.

А все-таки и он научил Акканийди своему уму-разуму. Он сказал ей:

— Ты мать свою не вовсе слушай... она сестра Солнцу. У них такие сути, что без толку и без удержу, без конца и без началу, без хозяйского призору, могут они изъярять себя по одному своему изволению... А ты человекам дитя, мы люди, нам людскою статью жить. Подарила «им» корничок круглый или рубашку с моих плеч, белую, и довольно. Дальше пусть сами... Только матери ни-ни...

Акканийди сразу поняла: пусть люди сами выдумают тот же корничок — но только длинный или квадратный, а рубашку пусть сами сошьют красную с белым узором. Это людям будет в радость, в ту самую радость, с какой она с матерью сочиняли свои затеи. Теперь она расточала свои новинки с умом и крепким расчетом.

Это не понравилось древним старцам и старцам-старшинам людей из селений устья Реки Отцов. Они осудили Акканийди за скупость, а ее мать поносили за поборы. Они кричали: «Что за поборы? При старых богах не бывало поборов!» Стали они злобно шептать по углам, недобрыми взглядами встречали Акканийди, в глазах гнездилась жадность, а в словах звучало:

— М-а-а-ло...

Акканийди уже не раз говорила себе: «Я не есть».

Однажды старухи собрались вместе и отправились в Черную Вараку. Там они долго пели песни и призывали духов старых богов. Потом заявились к острову Девы и, не смея ступить ногою на его твердь, через воду стращали Акканийди и ее мать гневом богов из Черной Вараки.

Старик стоял тут же и слушал. И вот загордилось его

сердце — он был прав. Не к добру эти новости! Оно и раньше с ним бывало: занесется умом, возвеличится — особенно с тех пор как Дева скроила и сшила ему новые яры с красными штанами из замши.

— Я тоже не пустое место, отец я есть моей Акканийди! Хозяин я, кормилец, что лучше знаю — то и творю... Не говорил ли я вам! Вот дождались плохих слов от хороших людей.— Так он называл людей своего племени; все остальные были просто люди.

Так-то он смиренность свою потерял, сам себе, на свою погибель!

Ночью повеял свежий ветер, напружил ветви кудрявой сосны, и тронулся остров, поплыл по озеру Свято, еще дальше на север. Он нашел себе пристанище полевее Черной Вараки, однако недалеко от нее, поближе к селениям племени Черной Березы. Племя же Черной Березы жило в дружбе и покое с людьми старика.

ОАДЗЬ

Жил старик со старухой. У них была одна дочка. Звали ее Акканийди — бабкина дочка. Старушка-то была не простая женщина. Она была знающая — нойда.

Однажды под вечер засобирался старик в дорогу. Жена уже знала, куда он идет. Она сказала ему:

— Старик... не ходи сегодня куда задумал. Взойдет Луна, Луна увидит твои руки в работе! Не дери бересту при Луне. Пойди завтра, с утра, раненько. Найди другой лесок, а сегодня в Черную Вараку не ходи,— так просила она старика, собирая его в путь-дорогу.

Старик не раз ходил в тот лесок и драл там бересту. Березняк там был хорош, и береста выходила отменная.

Наточил он ножик, собрался и пошел. Идет, а сам думает: «Почему нельзя в ту варачку ходить? Сколько

раз там бывал, бересту драл — все было хорошо». И не уважил он старушкину просьбу, позабыл ее слова. «Сегодня, не ходи сегодня»,— сказала она. Не послушался ее совета, не поверил родимой душе — своей жене. Потерял свою тихость старый.

Шел, шел и свернул в сторону той Черной Вараки.

Вот и запретный лесок.

Луна взошла.

Он вошел в березняк не так, как всегда ходил, а с другой, с обратной стороны. Думал кого-то обмануть!

Эта Черная Варака — место нечистое. Камни тут наворочены, словно сам леший здесь ходил и набросал их злою рукой. В иных местах все это заросло землею, мхами и лишаями. Тут место нехоженое, страшное и дикое. Стволы берез, словно черт им душу повывернул, так перекрутило, перекорежило, в кольца свернуло и по земле распластало, точно гадов заколдованных. Старик в это место не пошел, забоялся. Он бродил по окраине, по моховому лесочку, смелости-то, видишь, не хватало бабки вконец ослушаться. Тут березы стояли круглые, старые, береста на стволах уже начинала сама лупиться. Черные расщелочки в бересте — называют их чалмушки, по-русски сказать, «глазки березы»,— редкие и глубокие, как ямки, виднелись на многих стволах. От такой ямки хорошо бересту отдирать, ухватишь левой рукой, ножом поведешь — целый клуб наберется. Походил старик по березняку, Луна по белым стволам играет, листву серебрит, лист на лист набегает.

Выбрал старик березину; хороша лесина с красивой и ровной корой. Совсем мало глазков на бересте, один только большой смотрит, словно живым глазом. Заглянул в него старик, и страшновато ему стало: тут, словно

в пещере, всякая нечисть запряталась, и пауки-то, и козявки разные, и червяки шевелятся. Ну, он, однако, на то не смотрел; вынул нож и только сделал надрез, как оттуда выглянула Оадзь. Глазками повела и говорит таково-то ласково:

— Старик, а старик, возьми-ка меня замуж.

Из-за спины самой Оадзи еще и дочка выглядывает; смотрит на него, словно он ей отец родной.

— Это я,— говорит,— это меня зовут Востроглазка,— и улыбается своим раззявистым ртом.

Оадзь опять ему:

— Уж возьмешь ли ты меня замуж или не возьмешь, а уж захочу, так возьмешь.— Да еще и красуется, милуется, словно молодуха.

— Кхэ,— поперхнулся старик,— како я тебя замуж возьму? У меня дома своя старуха есть, и дочка есть,— ответил он и пошел дальше, искать другую березу.

Нашел подходящую, только он собрался взрезать бересту, как из-под нее опять Оадзь выскочила, да не одна, а с дочкой Востроглазкой и с сыном в придачу, Горелым Пеньком. Старик осерчал и ушел прочь. Пошел искать третью березину.

Ходил, ходил — приглянулась одна.

— Ах, береза хороша,— а про себя думает: «Эта береза лучше первых двух». Вот он рукавицы за пояс, и... только хотел подрезать кору, как из чалмушки — прыг Оадзь и прямо ему на шею — цоп. Лапками обняла и говорит ему:

— Ну, теперь ты меня замуж возьмешь! Бери меня замуж, старик, не то плохо будет, всю пятку высосу.

...А из щелки бересты еще и Востроглазка и сынок Горелый Пенек выпростались, да и еще один сыночек вострым носиком воздух нюхает.

— Это я,— говорит,— Мохнатый Мышок, и я сынок Оадзи, и я к тебе хочу.

— Не возьму я вас... не возьму я тебя замуж, Оадзя,— говорит старик.— Куда я вас возьму? У меня своя бабка есть. У меня своя дочка есть, рукодельница! А ты что? — говорит он Востроглазке.— Ну, на что вы мне сдались? Куда я вас дену? У тебя, Оадзя, вон и девка есть, и парней двое. Проживете как-нибудь! А мне куда с вами? У меня одна вежа. Места в обрез.

Тут дочка Оадзина — шлеп ему на грудь и улыбается, как родному бате.

Оадзь свое твердит, а старик свое... Он говорит:

— У меня своя жена есть и дочка хорошая, Акканийди зовут, я их кормлю и пою. А как я буду вас еще четверых-то кормить! Вовсе пустое дело ты задумала, Оадзь!

— А нас много, мы поможем. Вот Пенек, мой сынок.

Горелый Пенек шлепнулся старику на правую ногу и обнял ее одной лапкой, а другой играет, забавляется, в глаза заглядывает.

— А вот и Мохнатый Мышок,— говорит Оадзь.

Вслед за Пеньком Мохнатый Мышок прыгнул старику на левую ногу и тоже пучит глаза, в лицо ему заглядывает. Охнул старик, а Оадзь ему на ухо шепчет.

— Возьми меня, старичок, возьми меня замуж, я тебе буду запасной женочкой, а тую женку прочь.

Ну, однако, старик не сдается, спрашивает у Оадзи:

— Куда мне девать-то тебя, с твоими со детками?

А та ему в ответ:

— Старую бабку прочь, запасную на ее место,— и губами пузыри распустила: — Брю... брю... брю, бери меня замуж, не то плохо тебе будет.

Рванулся было старик, чтобы убежать от этой запасной женки, да не тут-то было. Она взобралась на шею старику, обняла его крепко-накрепко и сказала:

— Бери меня замуж, старик! Не возьмешь — я тебя заколю... Смотри: вот мои ножницы. Раз уколю — две раны, два уколю — четыре раны, три уколю — будет шесть ран, и ты изойдешь кровью.

Сидит Оадзь верхом на старике, ножницами покалывает, а сама приговаривает:

— Бери меня замуж, бери меня замуж, старую женку прочь, а меня вместо нее. Я ее не боюсь, она меня боится!

— Провалиться бы тебе,— сказал старик.

И покорился он своей запасной старухе. Повернулся и пошел с детенышами Оадзи на правой и на левой ноге, с самой старухой на загривке и с новой дочкой на груди. Оадзь его погоняет да ножницами покалывает, Востроглазка от удовольствия пузыри пускает, а парни в ногах путаются и в глаза заглядывают, умильно улыбаются.

Кое-как доковылял старик до дому.

Завидела старая женушка своего старика в этаком виде и стала ему выговаривать:

— Говорила я тебе: не ходи в Черную Вараку — будет беда. Просила тебя: не дери бересту с тех берез при Луне! Мало тебе леса кругом? Ты, старик, не пове-

рил мне, ты не послушался меня. Вот и привязалась к нам Оадзь!

На другой день старик рассмотрел, кого он привез на себе к себе в дом; разглядел он свою «запасную женушку» и ее деток.

Паук — не паук и не паучиха, кузнечик — нет, не кузнечик, однако и не жаба, а и не лягушка. Ну, мокрая, скользкая лягва в женском облике.

Что делать? Надо жить и с этой страхолюдой.

Ну и стали жить.

Оадзь и дети ее боялись света. Как только утром появлялось Солнце, они так и никли, так и припадали к земле, так и расползались во все стороны. Они забивались в разные щелки, прижимались к земле и, пресмыкаясь, уползали под камни, прятались за стволы деревьев, забирались под мох, под пеньки, под обломки коры и выглядывали оттуда, пожирая глазами старика и старуху с Акканийди, словно хотели их съесть.

Старик построил для Оадзи отдельную вежу. Все щелки, все дырки и дымник Оадзь велела заделать, чтобы ни единый луч Солнца не падал на нее и на ее детенышей. Огня в ее веже не разводили — там было сыро, темно и душно. Оадзь вползла туда, и не легко было вытаскивать ее на рыбалку.

На рыбную ловлю ездили сам старик и его запасная женка. Ездили они только в сумерки или ночью при Луне.

Не успел старик построить новую вежу, как Оадзь забралась в нее, сетями накрылась, и все четверо легли спать. Старика прогнали, чтоб не мешал, а сами крепко

начали спать, даже остров задрожал. Чем ни крепче спали, тем сильнее дрожал остров Акканийди. И так дрожал, что тронулся остров с места и поплыл по озеру. Плыл, плыл и остановился поближе к Черной Вараке, подальше от жительства людей.

Теперь Оадзь не разрешала развешивать мокрые сети для просушки. Она велела бросать их в свою вежу,— там она усаживалась на мокрые сети или забиралась под них, под самый низ. Она любила подремать там днем, а ночью спать со всеми своими детьми вместе, под сетью. И опять они посматривали оттуда так, словно хотели съесть старика, и старушку, и дочку их Акканийди.

Каждый день Оадзь зазывала старика в свою вежу. Тут она усаживала его с собой рядом на мокрые сети. Подсядет к старику потеснее, выбросит изо рта свой длинный язычок, липкий и белый, и облизывает щеки старика. Ласковым голосом говорит ему разные нежности, от этих нежностей у того спина и руки покрывались гусиною кожей, пуще всего на лице, а из усов и бороды, из бровей медленно выпадали волос за волосом.

Стал старик совсем лысый. Оадзь тому рада — лижет и лижет его затылок и от удовольствия пузыри пускает и свою песню заводит на все лады, на все озеро. «Брю, брю, брю» да «рю-рю-брю-брю»,— так и заливается.

Старик, бедняга, сидит ни жив ни мертв, сам не свой, не знает, куда ему деваться. Тогда Оадзь начинает его утешать ласковыми словами, как она его съест и какие косточки отдаст обсасывать Вострс глазке, а уж пятки

обязательно даст пососать малышам — Горелому Пеньку и Мохнатому Мышку. У старика сердце замрет, замрет, да и закатится, и остановится. Не может старик дышать, не знай как, едва живой, выберется от Оадзи и уж не идет, а едва-едва ползет к своей старушке, к своей любимой дочке Акканийди.

Тут жена и Акканийди обмывали его и обсушивали, обтирали, обогревали у очага, и он засыпал, как малое дитя.

Вот что бывает, когда муж не слушает мудрой жены.

Плохое житье настало старику, и старухе, и любимой их дочери Акканийди. Оадзь не допускала прежнюю жену ездить за рыбой. Она сама, вместе со стариком, отправлялась на рыбалку.

Старик кое-как управлялся со своим большим хозяйством: и на озеро ездил, и на охоту ходил, и по дому все в порядке держал. Его старушка и Акканийди относили котел варева в вежу Оадзи. Старая старушка угощала Оадзю и детей, а Акканийди поскорее уходила в свою сухую вежу.

Ошиблись они в этом: не надо было Акканийди ходить в вежу Оадзи, не надо было, чтобы Оадзины парни видели Акканийди-девушку.

Однажды Горелый Пенек сказал своей матери:

— Я жениться хочу.

— А женись, сынок, я похвалю за ухватку!

— Как я женюсь? Я твой, я лягвы сын, а девка — невеста Пейвальке.

— А захочешь жениться — так женишься. Однако я взяла своего старика, и у меня есть муж.

Ладно. Раз задумал Горелый Пенек жениться — надо жениться. Выбрал он дождливый денек и попрыгал к веже Акканийди свататься. К двери подобрался и говорит:

— Брю, брю, брю... Акканийди, брю, брю... выйди, выйди, моя мокренькая, мокрица моя серенькая!

Акканийди вышла из вежи, а тут сноп солнечных лучей заиграл, стоит Акканийди в лучах Солнца, красотой сияет, как ягодка морошка, живая кровинка!

Горелому Пеньку на свету неможется. Шкурка сохнет, стягивается, язык усох и сузился, ничего сказать не может; «бю-бю-бю» — вот и весь его разговор. Акканийди улыбнулась, вошла в двери своей вежи и стала невидимой. Горелый Пенек остался ни с чем. Упрыгал он обратно в свою вежу, забился под пенек и оттуда пальчиком своей лягушачьей лапки манит к себе сухую Акканийди.

Захотелось жениться и Мохнатому Мышку. Этот был парень побойчее. Он не стал спрашивать у матери совета. Он решил жениться сам, построить отдельную спаленку, подходящую для Акканийди и для себя, и уйти от Оадзи, уйти от Востроглазки — он ее недолюбливал. Мохнатый Мышок Солнышка не очень-то боялся. Он любил прогуливаться в хорошую погоду. Он хотел, чтобы никто не знал, как и когда он будет свататься к Акканийди.

И вот подкараулил он, когда Акканийди пошла по ягоды. Накрылся листочком и побежал за девушкой.

Акканийди это заметила. Она накрыла несколько ягод морошки листиками, сама сказала себе: «Не есть я» — и начала звать Мохнатого Мышка от каждой ягодки, покрытой листиком. Мышок забегался, уморился —

все ягоды с листиками сгрыз, а Акканийди все еще зовет его к себе.

Тогда Мышок выбрал мягкую кочку моха, лег на нее, накрылся своим листиком и заснул.

Акканийди пошла домой, а Мышок сказал сам себе:

— Наше от нас не уйдет. Ужо!

Сети в сырой веже Оадзи не просыхали. Вконец сопрели сети. Они прохудились и начали рваться ячея за ячеей. И вот от них остались одни дыры. Живою осталась только та сетка, которую старик сам сушил на солнце, которую старая старушка сама починивала.

Этою сеткой старик не мог наловить рыбы столько, чтобы хватало на обе семьи. Украдкой он кормил свою старушку и Акканийди, Оадзи с ее детьми он отказывал в пище.

Не стерпела Оадзь, зазвала старика к себе в вежу и сказала ему:

— Старик, а старик!.. Если ты не будешь нас кормить, мы съедим сначала тебя, потом твою старуху, а дочку твою оставим на закуску. От нас она никуда не уйдет.

В этот день Акканийди с матерью решили лучше оставаться голодными, а весь улов варить для Оадзи и ее деток, чтобы сохранить своего старика. И второй и третий день они варили уху для Оадзи.

Оадзь была сыта — Акканийди голодна. Однако надо быть человеку сытым. Когда дочь и старушка совсем ослабели, старик сам сварил рыбу и накормил свою семью досыта. Акканийди была сыта — Оадзь оказа-

лась голодной. Тогда Оадзь зазвала к себе в вежу старика. Войти в вежу он вошел, а выйти не вышел.

Пришлось Оадзи ездить на рыбную ловлю самой. Она брала с собою по очереди двух из своей семьи, а одного оставляла дома следить за старой бабкой и ее дочкой, чтобы Акканийди не убежала. Ну, и ездили они и рыбачили одною и той же сеткой. Прокормиться ею они не могли.

Однажды поехали они на озеро — последняя сетка у них прохудилась; вернулись пустые, ни одна рыбина не попалась. Злые, молча уползли все четверо к себе в вежу. Оадзь забилась под старые сети, ребята к ней под бок подобрались. Сидят, едва головы видны, одни только глаза блестят. Говорят между собою по-своему, а что они такое бормочут? «Брю-брю-брю» да «рю-рю...» — поди знай, что они замышляют?

Бабка, мать Акканийди, все знала. Она знала все, что будет наперед. Она знала, что ей пришел конец.

Она научила дочку, как ей быть, чтобы спастись от Оадзи и ее детей. Она долго шептала на ушко Акканийди свой наказ. И еще она дала Акканийди сонные палочки. Потом заставила все повторить, а когда Акканийди в точности и без ошибки рассказала все по порядку, старушка повторила еще раз:

— Сотую косточку, сотенную косточку не забудь!

Легла и больше не вставала. Ночью Оадзь пробралась в вежу старой бабушки, а ее там уже не было — одно мясо да кости остались. В полдень Оадзь уже варила из ее остатков обед. Акканийди ей помогала. Потом Оадзь с детками забралась в свою вежу. Через открытые двери голодными глазами они следили за всем,

что делала Акканийди. А она взяла свои ведра, свое коромысло, из горячего родника принесла горячей воды и поставила бабкины косточки вариться на жаркий огонь.

День был солнечный, стояла жара. Солнце пекло так, что Оадзь не могла вылезти из своей вежи. Она сидела в сырости и глотала слюну.

Ну, вот и обед готов. Акканийди на улице была девушкой в самой поре, румяной и ядреной, в вежу вошла — и пропала, однако она поставила котел перед Оадзью, посреди ее детей, и сама тут же села.

Понемножку видимой становилась. Прояснилась — в котле помешивает ложка за ложкой, навар собирает в отдельную чашечку. Когда весь навар собрала, погасила костер и начала угощать Оадзю и ее детей. Оадзь и оадзята попримолкли, едят, жуют, косточки обгладывают, перед собою бросают. Акканийди те косточки собирает и складывает в кошелочку у себя на груди.

Ну, и кончили обед.

Акканийди разбросала все косточки по скатерти и сосчитала — девяносто девять косточек есть, сотенной косточки нет. Тут Востроглазка икнула, Акканийди ее в спину — стук... Сотенная косточка вылетела из глотки Востроглазки. Акканийди ту сотенную косточку схватила и спрятала у себя на груди.

Оадзь это заметила и говорит Акканийди:

— Вот ты какая? То была тихоня, а как мы тебя накормили, как наелась бабкиного мяса — стала драчунья!

Востроглазка еще и пригрозила:

— Я тебе никогда не прощу, ишь чего вздумала, драться полезла! Погоди, доберемся и до тебя.

Ну, и стали жить без старика и без старой бабки. Акканийди сетку починила, и Оадзь поехала на озеро рыбачить. С собой она взяла Востроглазку и Горелого Пенька. Мохнатый Мышок остался дома приглядывать за бабкиной дочкой. Акканийди осталась в своей веже домовничать.

Вот она с делами управилась, вежу помыла, посуду прибрала. Тогда и говорит Мохнатому Мышку:

— Мышок, Мышок, мохнатый бочок, приходи-ка ко мне, надо у тебя в голове поискать-почесать!

Ну, Мохнатый Мышок припрыгал. Он согласен, чтобы ему в голове поискали-почесали. Положил он голову на колени девушке и думал, тут-то и уговорит он Акканийди выйти за него замуж, а Акканийди достала сонные палочки, матери подарок, и только Мохнатый Мышок смежил глаза от удовольствия, что Акканийди в голове ему ищет, как она воткнула ему эти сонные палочки в глаза, и Мышок крепко уснул.

Акканийди пошла на ту горушку на их острове, которую ей указала мать. Тут она косточки ее в землю зарыла и залила их наваром. Встала на эту землю и постучала ногою три раза.

Была голая земля, а вдруг поднялся вокруг девушки дом. Красивый дом из чистых и белых костей великого кита. Она двери открыла — лучи Солнца к ней в дом вошли. С ними вместе Пейвальке явился. Сын Солнца к ней в гости пришел.

И вот она видит: на столе золотое вязанье лежит, по столу ручей меду струится. И она золотое вязанье взяла, меду испила, из солнечных лучей серебряные нити брала, золотое вязанье серебром ткала и в подарок

Пейвальке пояс вязала. И вот она золотое вязанье вяжет, мед-вино пьет, с сыном Солнца играет.

Угадывать стала, что скоро рыболовы домой возвратятся. И она не стала больше с Пейвальке играть, не стала мед-вино пить, золото вязанье вязать. Ушла, ножкой топнула, оглянулась — дома как не бывало.

Пришла домой, у Мохнатого Мышка сонные палочки выдернула. Мышок пробудился и встал. Тут и весла загремели,— то рыболовы возвратились домой. Ну и ели, и пили, и спать повалились.

На другой день Оадзь опять поехала рыбачить. Она взяла с собой Востроглазку и Мохнатого Мышка. Дома остался Горелый Пенек — пусть приглядывает за бабкиной дочкой...

Акканийди управилась по дому, посуду вымыла, полы подмела.

— Пенек, а Пенек, подь сюда, Пенечек. Я поищу у тебя в голове, почешу-поскоблю.

Пенек быстро плюхнулся в вежу Акканийди, дал ей в голове поискать-почесать. Положил ей голову на колени, а сам думает: «Ну, теперь-то я буду ей женихом»,— да размечтался, как это оно будет хорошо... и вздремнул. Тут ему Акканийди сонные палочки в глаза вставила, Пенек крепко уснул, а Акканийди скорей-поскорей побежала на горку к косточкам матери.

На горку взошла, встала на землю, где косточки были зарыты, три раза ножкой топнула. Был белый свет — стал белый дом костяной. На столе злата-серебра пояс лежит, ручей меду бежит. Она двери открыла, золотое вязанье взяла, мед-вино пригубила. Тут и Солнца свет

к ней в дом вошел, из лучей его Пейвальке предстал. Акканийди серебряные нити от Солнца брала, мед-вино пила, с сыном Солнца, Пейвальке, весело играла. И вот она с Пейвальке играет, золотое вязанье вяжет, мед-вино пьет, в лучах Солнца живет. Пейвальке свой золотой башмачок ей принес и просит, чтобы она свой, такой же. принесла.

Угадывать стала Акканийди, что скоро рыболовы вернутся назад. И она посередь пола ножкой топнула — Солнца сын ушел, и дома не стало. Акканийди возвратилась домой. В вежу вошла, сонные палочки вынула, золотой башмачок упрятала. Горелый Пенек пробудился. Тут и весла забренчали, лодка в берег уткнулась — рыбаки возвратились домой...

Оадзь стала любопытничать и выведывать у Горелого Пенька, что делала бабкина дочка, пока они на рыбалку отлучались.

Горелый Пенек отвечал, что он сладко спал, ничего не видел, что тут такое делала Акканийди. Оадзь рассердилась и сказала:

— Положено тебе имя — Пень, так и есть ты пень. Пнем ты и остался, а быть тебе просто гнилушкой.

Ничего не узнала она от Горелого Пенька.

Ну, и пили, и ели, и спать повалились.

На этот раз поехали рыбачить Оадзь, Горелый Пенек и Мохнатый Мышок. Караулить досталось Востроглазке. Довелось двум девушкам домовничать. Востроглазка работать не охотница, Акканийди вежу прибрала, полы вымыла, посуду вычистила и воды принесла. Управилась Акканийди и говорит Востроглазке:

— Отдохни, Вostроглазка, а я у тебя в голове поищу-почешу.

Востроглазка дала в голове поискать-почесать. Акканийди в голове у Востроглазки ищет и чешет, а та под косой не дает ей ни искать, ни чесать. Вот Акканийди темечко Востроглазки чешет-почесывает, а Востроглазка оба глаза своих закрыла. Акканийди в эти глаза и в уши сонные палочки вставила, а третий глаз у Востроглазки под косой не заметила, сонные палочки в него она не вставила. Востроглазка только притворилась, что она заснула. Она осталась зрячая. Третьим глазом она видела лучше всего, он у нее был самый зоркий. Она сразу углядела, что Акканийди, как только вставила ей сонные палочки, куда-то побежала. А та, добежав до заветной горушки, стала на место и топнула ножкой. Было место пусто, а тут явился дом из китовых костей. В этом доме Акканийди за столик уселась. Солнца сын перед нею стоит, и она мед-вино пьет и пояс златотканый серебряной ниткой рукодельничает и любуется. Она любуется поясом, ею любуется Солнца сын, и Акканийди с Солнцевым сыном играет.

Востроглазка все видела! А как увидела — скорей-скорей побежала домой, в старикову вежу забралась, на шкуру легла и последний глазок закрыла, будто она ничуть ничего не видала.

Акканийди меж тем золотое вязанье вяжет, мед-вино пьет, пояс златотканый серебряной нитью рукодельничает, с Солнцевым сыном Пейвальке играет, золотой башмачок на ноги свои примеряет.

— Тут и будем жить,— сказал ей Пейвальке.

Играли, гуляли, а и стала Акканийди угадывать, что скоро вернутся рыболовы домой. И она не стала мед-

вино пить и серебром рукодельничать. Заспешила, заторопилась, позабыла посередь пола стать и ногой топнуть. Остался Солнцев дом стоять, в нем Пейвальке ждет Акканийди обратно.

Акканийди домой, в свою вежу побежала. В вежу вошла, а тут-то Востроглазка не спит.

Рыболовы приехали. Востроглазка в вежу к матери переползла и рассказала ей все, что она видела.

— Бабкина дочка с Солнцем играет, бабкина дочка золото вязанье вяжет, серебряны нити из лучей Солнца берет, в пояс Солнцеву сыну вплетает и мед-вино пьет... Золотой башмачок примеряет. А мы что?

Оадзь вскричала:

— Все будет твое! Где, где, где,— кричит,— этот дом стоит?

И все они побежали дом Акканийди смотреть, какой он такой красивый стоит, где бабкина дочка с Солнцем играет, золотое вязанье вяжет, серебряные нити из лучей Солнца нанизывает, и в пояс Солнцеву сыну вплетает, и мед-вино пьет...

Акканийди эти крики услышала, бросилась она бежать к своему дому, к дому Пейвальке, к дому матери любимой, к дому Солнцева сына, с которым она играла, мед-вино пила, пояс ему златотканый вязала.

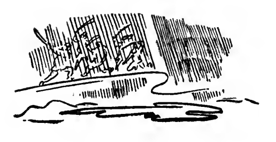
А уж вечер на землю спускался, сумерки разостлали туманы, Солнце за дальние сопки ушло и дом и Пейвальке в небо поднялися. Покинул Пейвальке свою Акканийди.

Акканийди осталась одна.

Оадзь и ее дети на Акканийди набросились. Она к косточкам матери — нет ей помощи; Пейвальке и дом улетели, она в вежу старика, только успела сказать: «Не есть я»,— и стала невидима.

Тогда Оадзь растянула одну шкуру тюленя на дымник, другую — на двери, третью — на чистые двери. Востроглазка с братьями вогнали Акканийди в тюленью шкуру, закатали, завязали, по швам зашили и в озеро бросили. Все равно ее не съешь, раз она невидима была.

5*

НАЙНАС

адзи поймали девушку Акканийди. В тюленью шкуру закатали, зашили и в озеро бросили. Из озера в озеро, из озера в речку, из речки в реку, из реки в другие реки и озера — вынесло Акканийди на волны морские, в темное море. Здесь долго носило ее вдоль морских берегов.

Когда услышала Акканийди, что тихо на морском просторе и не о камни бьется морская волна, а набегает на песок водопоймины, она распорола ножичком шкуру тюленя и вышла на волю.

Прошлась по земле туда и сюда, по камешкам прошлась — размяла затекшие ноги; тут перед нею тропа вверх по берегу поднялась. Она по тропе пошла, та ее вывела от крутого берега на гору. И пошла она куда глаза глядят. Дорогой питалась ягодами да в речках руками ловила рыбу, тем и жива была.

Шла она, шла тою тропой и вышла к дому. Стоит дом на угоре, а кругом пусто — пустое гладкое место, земля же вокруг дома сильно потоптана.

Акканийди в дом вошла.

И в доме пусто. Только кровь на полу, словно озеро, стоит. Два раза она вычерпывала кровь, и кровь опять, выступая из стен и пола, заполняла весь дом. Вычерпала в третий раз — крови не стало. Посреди дома стол стоит, на столе хлебные крошки. Она присела к столу, подобрала хлебные крошки. Принесла воды и принялась вымывать кровь из стен и из пола. Вымыла дом начисто, не осталось в доме кровавых следов.

— Я есть,— сказала.

Акканийди осмотрела весь дом. В каждый закуток заглянула. Надо ей знать, что это за дом такой и кто здесь хозяева. За печкой нашла: лежат припрятанные хлебцы — круглые риске. Она взяла, отломила кусок и съела. Порушенную риске положила на место. Захотелось ей отдохнуть и подремать. И вот она потеряла свой облик, облик растаял в тень, из тени обернулась она в старенькое, рыхлое, совсем истыканное иглой, изъеденное червями веретено. Обернулась веретеном и воткнулась в стену.

Сидит. Дремлет. Не успела она как следует глаза сомкнуть, слышит: идут.

Целый день Акканийди слышала поступь шагов. Через день пришли. Открылись двери дома, и зыбким строем вошли один другого краше, богатырь к богатырю на подбор, а впереди всех добрый молодец-краса, их предводитель. Они тут есть — и их тут нет, невиди-

мы и словно не слышны они — тенями вошли. Но тут они, шепот их Акканийди слышала.

Прошелестели голоса:

— Здесь была женщина!

— Но ее нигде не видно?

— Я слышу ее запах!

— Она здесь, я чувствую — она смотрит на нас живыми глазами.

— Ее нигде не видно?!

Они заглянули за печку, и каждый взял по своему хлебцу, а одному-то достался порушенный. Это был Найнас, их вождь и предводитель, тот, который вошел сюда первым.

— Кто здесь есть, тот тебе родня,— услышала Акканийди.

Подкрепились они, прикончили хлебы и начали игру. Они играли в молодецкий бой, схватывались врукопашную и как бы метали друг друга на землю. Мечи беззвучно блистали в воздухе невидимыми лезвиями. Бой был жаркий, бой был веселый, бой знатных умельцев. Найнас перебегал с края на край, и там, где он появлялся, жарче разгоралась борьба и струями лилась кровь. Молодцы так распалялись, что Рыхлое Веретенце начинало видеть их лица, броню их, боевые доспехи, их сильные руки. Она видела, как из ран их — неглубоких ран и царапин на коже — льется алая кровь и заливает пол. Опять кровь наполнила весь дом. Уже игра в жестокий бой шла по колено в крови. Наконец утехи перешли в тяжелый труд боевой страды. Труд кровавым потом льется и льется с лиц у воителей праведных... А на небе полыхают багровые сполохи. Кто-то запел кровавую песню воителей неба. Все подхватили эту пес-

ню о крови и оставили игру... Вышли из дома наружу один за другим, один за другим вереницей, и истаяли.

Они растаяли в воздухе, словно их никогда здесь и не было.

А кровь их осталась...

Один лишь молодец, самый светлый из всех, тенью встал у стола. То был Найнас, их предводитель. Сказал он тайным голосом сполохов:

— Отзовись та, что мой хлеб порушила. Покажись! Стар человек — будешь мне бабушкой, полвека-жено — матерью станешь, молодая, мне ровнюшка,— сестрой назову, а если девица ты — будешь моею женою!

— Здесь я,— сказала Акканийди тихонько.

Найнас метнулся туда, откуда слышен был голос. Акканийди же — порх — и перекинулась в другой угол. Найнас туда, а Акканийди уже перепорхнула на третью стену и весело смеется, совсем не скрываясь.

— Есть я — здесь я, Найнас, здесь вот... Я есть.

Но разве догадаешься, что за этими шутками прячется девица. Найнас к третьей стене бросился, хочет кого-то в руках удержать, Акканийди упала на пол веретеном и смеется и забавляется.

— Есть я — это я здесь, Найнас-воитель. Что же ты меня не найдешь!

Повторил свою просьбу Найнас.

Он был бледен, бел, но очень хорош собою, и тогда Акканийди в сумерках утренней зорьки поднялась ему навстречу и обернулась девицей ясной, румяной, как ягода морошка.

И вот ее мужем стал Найнас, вождь сполохов.

Найнас спал до утра. Заря заиграла, солнце взошло — Найнаса не стало.

Она же днем жила. Весь дом вымыла и прибрала. Волосы свои заплела на две косы.

Вечер настал — она опять, свой облик потеряв, обернулась в старое веретено и воткнулась в стену.

И вот пришли Сполохи и стали забавляться своей кровавою забавой. Играли, играли, бились, сражались, умелый бой вели. И там, где становился в ряды Найнас-вождь,— там битва крепчала, проступали лики мертвенных бойцов, а из невидимых ран сочилась алая кровь. Наконец утехи переходили в тяжелый труд боевой страды. Труд этот кровавым потом исходил и лился кровью с лиц воителей праведных. Сочилась кровь из невидимых ран и заливала дом. А на небе полыхали кровавые сполохи.

— Не есть я! Непереносимо мне это!

Но вот пронзал небо первый луч утренней зари, затухал бой, все исчезало.

А Найнас оставался с женой.

Однажды она так ему сказала:

— Мне не по силам эта жизнь. Я не могу здесь жить. Сильно вы бьетесь, умело вы бьетесь, но великой натугой живете, исходите кровью, кровь заливает наш дом. Я теряю себя. Я не есть, я болею вашей кровью,— и она начинала терять свой облик, претворяясь в тень.— Для чего это нужно? Зачем? Кто вы такие?

Найнас обнял жену, стараясь удержать ее в живом облике, и сказал:

— Тебе не след здесь быть. Тебе эта жизнь несовместима. Здесь нелюди режутся и льется кровь... Я провожу тебя к моей матери, там и будем жить счастливо — ты и я... людским подобием.

Он взял ее за руку, привел к дороге, дал в руки клубок ниток и сказал:

— Вот клубок, брось его на дорогу, куда он покатится, туда ты иди. Смотри на клубок, больше никуда не гляди, оглянешься — Сполохи схватят тебя. В пути, будет ли кто тебя зазывать к себе, песни петь о тебе,— ты не смотри и не слушай, не останавливайся и ход не замедляй, своим шагом иди, все вперед и вперед. Даже если Солнце будет тебе песни петь и в глаза тебе заглядывать — не смотри в его глаза, не отвечай своим взглядом — иди своим путем. Дам тебе шапочку...— И он взял лучей от своего света, помял, потер, потискал так и этак и сделал как бы крышечку. Потом взял и окунул в свою кровь и сказал:

— Домой придешь к моей матери — жемчугом изукрась эту шапочку. Днем при Солнце пусть она будет на твоей голове. Забудешь исполнить этот завет — я останусь один. Река ляжет поперек твоей дороги, а на другом берегу увидишь жилое место и вежу. Кликни: «Дайте мне перевозу! Дайте мне ту лодку, что Найнас своими руками шил, опругу клал и порезался!» Ту лодку пусть пригонят тебе. В нее ты садись.— И тут Найнас наклонился и тайным голосом сказал Акканийди то, что ему надобно сказать:— На ту опругу садись,— не на другую!

Найнас бросил клубок на дорогу; клубок покатился, Акканийди взяла нитку в руки и пошла своим путем-дорогою.

Шла она и лесами и вараками, мимо рек и озер шла, мимо сосен и елей высоких и древних, как мир, от веку заросших сверху донизу бородатыми мхами. Шла Акканийди по ягелям пышным и по острым каменьям. Про-

биралась по глухим ущельям, где извечно в тени лежит белый снег и водопады, обледеневшие от стужи, красными и бурыми, зелеными и голубыми потеками свисали со скал и обрывов.

Ей встречались и звери и птицы, и все ее звали к себе. Зазывает каждый чем может — птицы песнями звали, мышки-зверюшки тоненьким посвистом, зайцы об землю дробно били лапками... Медведь, ее завидев, свою песню запел, стоя по краю тропы, он просил ее зайти к нему в гости в дом, отдохнуть, вспомнить, как он к ней на остров хаживал, как они, бывало, жили-поживали у него на дворе и песни распевали. Рядом с нею он шел и пел, пел о том, что Найнаса жена светлее Солнца лицом, ярче месяца, краше ягельной тундрушки. Кланялись сосны и ели древние, дремучие, к себе зазывали, в тени своей отдохнуть. Вот и Солнца сын прилетел: засияло вокруг, заиграло, теплом-жаром повеяло, золотые и серебряные лучи прямо в руки Акканийди даются.

Акканийди шла и шла своим путем-дорогою, никуда не смотрела, не глядела, только видела нитку суровую от клубка, который дал ей Найнас-муж. Гром в туче налетел, нашумел, нагремел, закутал все облаками, густым голосом кричал:

— Садись, Акканийди, на плечи...

Вот и Солнце догнало ее, распалилось, разъярилось, ревностью пылает, в глаза норовит посмотреть, заглянуть...

Тут Радуга предстала, разогнала Солнца лучи, тучи и дожди, изогнулась дугой, встала певучей преградой и предшествовала ей на всем пути... И вот Акканийди прошла через Радугу, опустив глаза, и перед взором ее была только суровая нитка от клубка ее Найнаса-мужа.

А клубок все бежал и бежал, все вперед и вперед, а за ним без отдыха и сна поспешала Акканийди — Найнаса жена.

И вот поперек ее пути пролегла река.

Встала Акканийди на крутой бережок и звонким голосом запела:

— Дайте мне перевозу, дайте мне перевозу и пригоните ту лодку, которую сам Найнас шил, сам Найнас лодку шил, опругу клал и порезался, свою кровь на ту опругу пролил.

А ей с того берега в ответ вопрос летит:

— А кто ты такая пришла, что песню о Найнасе знаешь, кто ты такая, Найнасу близкая сердцем?

И вот пригнали лодку. Сама матерь Найнаса приехала ее встретить и спросить — кто она такая, Найнасу близкая сердцем? Матерь Найнаса спросила ее:

— О которую опругу порезался Найнас?

И Акканийди села на ту опругу, о которую порезался Найнас. Найнаса мать рада была, что близкая сердцу сына ее к ней пришла в дом, что знала она ту опругу его и на ту опругу она села сама.

Прошли первые дни. Акканийди все еще жила с матерью Найнаса в ее веже, а Найнаса-мужа еще не видала.

Мать Найнаса долго терпела, очень хотелось ей знать, кто же такая пришла к ней и на опругу Найнаса села? Она спросила невестку свою:

— Кто ты такая?

И так ответила она:

— Не есть я... Никто я...

И еще сказала:

— Дай мне, матерь, спальное место в амбаре.

И мать постелила Найнасу-сыну и ей постели из меха в амбаре. Она принесла им одеяла и покрывала надежные.

Мать Найнаса жила в своей веже, а Найнас с женою отдельно, в амбаре. Он появлялся и делался видимым в людском подобии, как только гасла вечерняя заря. И он уходил опять в свой свет с лучами ранней зари. Вставало солнце, и не должно было ему быть между людей. Несовместим он с людьми.

Однажды Акканийди возвращалась с родников и несла на своем коромысле ведра ключевой воды. Ей навстречу вышла мать Найнаса. Спросила она у невестки, может ли она ей помочь в ее горе, горе матери...

— Я Найнаса мать, я это знаю, но я не вижу его, и я никогда его не видела. Я не вижу моего Найнаса-сына, сына моего я не вижу... Но скажи мне: кто ты?.. Ты пришла, ты уже знала опругу на лодке Найнаса, ту, на которой он порезался. Ты ему близкая сердцем. Ты с ним спишь-почиваешь. Ты его видишь каждую ночь. Но скажи мне: кто ты такая, кто ты есть?

Невестка ей ответила:

— Я не есть. Я жена Найнаса.

Тогда мать говорит ей такие слова:

— Я мать Найнаса, но я не вижу его, и я никогда не видела. Народится заря утренняя — его уже нет, а днем даже имени его не должно творить. Приходит заря вечерняя, я слышу,— он здесь, но я человек, и я не вижу его и не знаю. Скажи же мне, близкая Найнасу

сердцем,— кто ты такая? Ты его видишь, ты его знаешь, ты его чувствуешь сердцем! Ты говоришь: «Я жена Найнаса!» А я говорю: я мать Найнаса, и я его не вижу, я его глазами не знала никогда. Близкая сердцу Найнаса, близкая сердцу сына моего, сделай так, чтобы я могла его видеть, хотя бы один разочек, сыночка моего, Найнаса-сына, и понять: кто ты такая. Ты можешь,— сделай так.

Акканийди — Найнаса жена — поставила ведра с водою на землю и так ответила матери Найнаса:

— Трудна твоя воля, матерь Найнаса. Может быть, и я буду матерью, и я хочу быть близкой сердцем тебе, как и сыну твоему, Найнасу, мужу моему. Положим обет: выткать звездный пояс — темный, как небо со звездами. Я скажу тогда: «Я есть!» Этим поясом широким, как полог небесный, мы затянем потолок нашего покоя и закроем для Найнаса голубое небо дня и Солнца лучи. Он будет спать среди дня. Тогда увидишь ты сына своего, матерь моего Найнаса... И если ты поймешь, что дало тебе видеть сына твоего Найнаса, ты будешь знать, кто я такая, ты это поймешь своим сердцем, матерь Найнаса, и тогда ты будешь матерью и мне — мать человеческая.

Акканийди подняла коромысло с ведрами и пошла к своему дому.

Они исполнили свой обет: соткали звездный пояс, небесный путь в ночное небо.

Мать Найнаса ткала то, что она знала лучше всего,— она всеми цветами трав и каменьев своей земли соткала основу бездонного неба.

Акканийди же взяла серебряные нити из солнечных

лучей. Этими нитями она создала звезды такими яркими, что казалось, они звенели в ночи.

— Я есть,— сказала Акканийди.

И с этого дня они стали как одна — мать Найнаса и Найнаса жена...

Мать Найнаса растянула на потолке спальни звездный пояс так, что от пола он был видим, как ночное небо в звездах.

Однажды пришел Найнас поздно ночью и лег спать. И спал он в ту ночь крепким сном. Однако спал он чутко. Под утро проснется — глянет на небо и видит: светлые звезды, черное небо. Успокоит свое сердце и снова заснет. Не раз он так пробуждался и каждый раз видел над собою глубокое черное небо и звезды.

Жена его давно уже пробудилась и вышла из дома по хозяйству. Первое, что она сделала,— развесила шкуры мехом на ветер,— пусть их обдует,— и забыла об них. А сама пошла за водой. Идет, на коромысле своем несет ведра, полные родниковой водой.

Солнце поднялось уже высоко, горячими лучами оно ожгло оленьи шкуры. Акканийди в дом свой вошла и, позабыв о шкурах, принялась расчесывать волосы.

Мать Найнаса, увидя, что шкуры уже пересохли, крикнула Акканийди:

— Невестка, смотри, твои шкуры на солнце горят!

Тут-то Найнас вскочил. Метнулся он, выскочил из дома наружу. Жаркое Солнце ожгло его. Только и видела мать Найнаса, как мелькнул он тенью и в воздухе растаял. Акканийди метнулась заслонить мужа от Солнца, но голова ее была не покрыта — Солнце схватило ее за волосы. Оно жгло ее. Она звала Найнаса-мужа, чтобы

спас ее от Солнца, от жара его, она просила оросить ее водой!

Но Солнце крепко держало в жарких руках дочь Луны, невесту Пейвальке. Когда оно сжалилось над нею, то вознесло в высокое небо и метнуло в лоно матери-Луны.

Вот она, Акканийди, жена Найнаса, идет с коромыслом и ведрами воды на плечах, вон виднеется она тенью на лике Луны... Это она, Акканийди — Я есть — бабкина дочка, Никийя — как сказано, — Я не есть и Никто я. Я есть — Найнаса прекрасная жена, сотворительница Звездного пояса Высокого Неба.

И вот она, сказка о Найнасе, вся... а прежде песнею пели.

Всё.

МЯНДАШ

(Мифы и сказки о диком северном олене)

Великий Тьермес гонит грозовые тучи. Голова его в небо уходит — десять кряжевых сосен его рост. Зеленый мох — его волосы, рвут их все ветры и никогда не сорвут. В руках его радуга, и мечет он молнии.

Собаки бегут впереди — каждая с ездового оленя.

Тьермес видит добычу, Тьермес смеется, и громы грохочут, и небо высоко уходит и падает вниз [1].

---

[1] Отражается в земных водах.

Охотится Тьермес. Он бежит; там, где стопы его коснутся земли, перевалами расступятся горы, полягут леса, два лога протянутся и потекут реки.

Из-за Норвегии, из-за Лимандров далеких, где не нашей жизни начало, гонит Тьермес добычу. Она впереди, никогда не видима богу, но близка ему для удара — вот-вот ударит молнией в сердце.

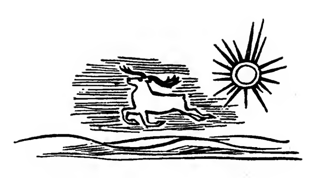
То бежит Златорогий Олень. Белый он, его шерсть серебристее снега. Черную голову держит высоко, закинул рога, летит на невидимых крыльях. Ветры вольные — его дыханье, они несут его в его пути. Глаза его полузакрыты, но не смотри в них, человек,— от силы их ты будешь слеп. Закрой свои уши, когда услышишь бег,— от той силы ты будешь глух. Опалит он тебя своим дыханием — и ты будешь нем.

Знай: то Мяндаш-пырре...

Знай: когда великий Тьермес настигнет Мяндаш-пырре и первой стрелой ударит — весь камень гор раздастся и выбросит огонь, все реки потекут назад, иссякнет дождь, иссякнут все озера, море оскудеет. Но солнце будет.

Знай еще: когда великий Тьермес второй стрелой вопьется в черный лоб меж золотых рогов, огонь охватит землю, горы закипят водой, на месте этих гор поднимутся другие. Сгорят они, как бородатый мох на старых елях. Сгорят полуночные земли, и лед вскипит. Ветер с Севера будет пламенем. Сгорит Старик с Севера.

Когда же на Мяндаш-пырре ринутся собаки и Тьермес вонзит свой нож в живое сердце, тогда конец: упадут с небес все звезды, потухнет старая луна, утонет солнце. На земле же будет прах.

МЯНДАШ-ПЫРРЕ

Из-за Каменского, из-за Имандры, из нутра Матерой земли бежит Мяндаш — дикий олень. Мяндаш-пырре имя ему, он начало дикарьского ке́гору. Мяндаш-пырре — начало жизни и краю. От края до края земли, от начала не наших пределов Мяндаш-пырре бежит.

Путь его — солнца путь, туда ему бег.

Мяндаш-пырре летит, Златорогий Олень. Белый как снег, он бежит из-за Лимандров далеких, из-за Норвеги, летит прямо к Каменскому Нижнему озеру. Замарались копыта — и не понравилась ему эта зе́мля, не взлюбилась вода. На Сыйвынь побежал. Стал на Камень крутой.

Здесь. Отсюда видна высокая Кейва, сытные земли Оаймкеджпоалла. Остоялся тут, ноги расширил — омочил нашу землю; отдых принял. Встал и подумал:

Как подумаю я, подумаю,
На три стороны, на четыре ли
Мысли-думы мои разбегаются.
Да куда же мне путь держать? *

Цокнул копытом о гладкие камни, легким скоком, играя копытцами, вновь побежал.

Хрустят его ноги, шелестят ему кормные травы и белые ягели:

— Мяндаш-пырре бежит, Мяндаш-пырре идет...

Оаймкеджпоалла-холмы под его ноги растут. Летний Наволок приходит под ноги его.

Понравились сопочки эти, и на Летнюю землю пришел он. В родниках копыта омыл.

И ел тут, и жил, и кормился, и отдыхал, и свой рог золотой уронил.

...и сказал:

— Эта кегора — Мяндаша тундра. Вершинам этих холмов — рог Мяндаша, рог головной.

И встрепенулся.

---

* Здесь и далее стихи, отмеченные звездочкой, переведены Г. Юнаковым.

МЯНДАШ-ДЕВА

В горах и вараках, на ламбинах и тундрах — где не живет человек и никогда ему не живать, куда не след ему ходить — живут Мяндаши.

Вот Мяндаш-дева, конечно, жила. Ее облик — женщина оленя. У нее родилось теля — сынок. Жил он, жил и у Мяндаш-девы скоро превратился в молодого оленя, Мяндаш-парнь.

Мяндаш-парнь ходил на охоту.

Однажды он вернулся домой. Пришел к матери и сказал:

— Вот, мать, будем жить в веже из оленьих шкур; порогом будет ча́ппыд — позвонки, доски крыши — из ребер, опоры — ноги оленя, чистое место хребетною костью обложим, а камни очага будут, как печень, гладки.

Построил вежу и сказал:

— Это Мяндашей вежа.

Перевернулся и в человеческом облике стал. Перевернулась Мяндаш-дева и в человеческом облике предстала сыну. И вот Мяндаш-парнь матери сказал:

— Я хочу жениться и взять дочь человеческую.

Мяндаш-дева говорит:

— Сынок, ты не сможешь жить с человеческой девушкой. Она другого запаха. Она не сможет быть чистой, как ты. Ты Мяндаш, дикий олень. Она тебе не будет обрядной. От ее запаха ты всегда будешь прядать ушами. Тебе не будет терпения жить в своем доме.

Но Мяндаш-сын сказал:

— Приведи человеческую дочь. Однако будем жить. И она будет меня беречь.

Тогда Мяндаш-дева вышла на волю и пошла искать жену своему сыну. Обернулась дикою важенкой и переплыла через Мяндаш-йог — кровавую реку. В Мяндаш-реке волны из легких, а камни из печени. Перешла она через реку и побежала вперед. Бежала, бежала и пришла к человеческой веже. Обернулась женщиной и просто женщиной вошла в дом человека. Вошла, сняла каньги с ног и спросила:

— Которая дочка пойдет моему сыну в жены?

Старик, который жил в веже, имел трех дочерей. Старшая дочь говорит:

— А я пойду!

— Ну, если ты пойдешь,— сказала Мяндаш-дева,— то положи мои каньги сушиться. Хорошо их расправь и просуши.— Сама вышла из вежи наружу.

Каньги были не простые. Внутри из пойды, а стельки из самой нежной, самой вкусной пойды, тонькепойды.

Вот ночь Мяндаш спала, а утром пробудилась и говорит старшей девушке:

— Принеси мои пойденные каньги и хорошо расправленные стельки.

А у девушки жир-то из канег съеден! Вместо жира она положила в каньги траву, а стельки сделала из простого овечьего сена. Принесла к Мяндаш-деве эти каньги и сказала:

— Суй ноги!

Мяндаш обуваться стала, а в каньгах-то сено! И стельки не те!

Ну Мяндаш-дева ничего не сказала.

И пошли они, Мяндаш-дева и дочь старика. Пришли к Мяндаш-реке. Спрашивает Дева:

— Как ты, Пейнтьйоллькe [1], пойдешь через Мяндашйог, кровавую реку, где волны из легких, где камни из печени?

А та и говорит:

— Как ты, так и я.

Ничего не сказала на это Мяндаш-дева. Обернулась дикою важенкой, переплыла через Мяндаш-реку и побежала вперед. Молодица осталась на берегу реки. Бродила, бродила, тонула, тонула, едва-едва перебралась через реку.

Мяндаш-дева домой пришла. А около вежи бегают пыжики-ребятки.

— Подьте, встретьте молодицу,— сказала им Мяндаш.

Они побежали, копытцами перебирая. А у молодицы

[1] Сползший чулок.

в руках посошок. Этим посошком она их побила всех по носу, до крови. Мяндаш-дети домой убежали.

Вот молодица пришла к веже Мяндашей. Вежные двери открыла и говорит:

— В Мяндашей вежу войду — через чаппыд-порог шагну. А чистое-то место хребтовою костью обложено! А опоры-то — ноги оленя! А крыша-то из шкур!..

Тут Мяндаш-дева сказала:

— Здесь, в камень превратись.

Та окаменела.

Вот Мяндаш-парнь с охоты возвратился. Спрашивает мать:

— Мати, привела ли, нет ли жену?

И Мяндаш-дева сыну ответила:

— А здесь, камнем стоит.

Тогда Мяндаш-парнь сказал:

— Если эту камнем сделала, так веди другую.

Вот Мяндаш-дева обернулась дикою важенкой и опять побежала к тому же старику. Переплыла через Мяндаш-реку, где легкие — волны, печень — камни,— кровавую реку, и пришла к веже. Обернулась человеческой женкой и в дом вошла.

У старика осталось две дочери. Мяндаш-дева спросила:

— Которая девка пойдет за моего сына замуж?

Средняя кричит:

— Я!

— Ну, ты и пойдешь,— говорит Мяндаш-дева. Сняла каньги, дает средней девке.

— Возьми каньги и просуши. Стельки хорошо расправь и положи сохнуть.

Та дернула стельки из канег, а стельки-то из тонь-

ке-пойды. Она каньги положила сушиться, а тоньке-пойду съела.

Мяндаш проспала ночь, а утром встала и говорит средней девке:

— Поди подай мне каньги обуть.

А у девки-то стельки съедены! Вместо них простое сено положено. Мяндаш-дева стала обуваться, а стельки-то не те! Простое сено положено, а тоньке-пойды нет. Мяндаш оделась.

— Пойдем, однако! — сказала.

Пришли к реке, и Мяндаш-дева спрашивает:

— Как ты пойдешь через Мяндаш-йог — кровавую реку? В ней волны из легких и камни из печени.

А та и говорит:

— Как ты, так и я.

Мяндаш-дева обернулась дикою важенкой и переплыла через реку. Молодица же осталась на берегу. Бродила, тонула, едва-едва перебралась через Мяндашей реку.

Мяндаш прошла к своей веже. У вежи играли пыжики-ребятки. Она им сказала:

— Подьте навстречу молодой.

Они побежали молодицу встретить и привести. А у девушки был в руках посошок. Она всех их побила по носу до крови. Они домой убежали к матери, показали ей мордочки и говорят:

— Вот как молодая нас встретила.

Молодица пришла к веже Мяндашей. Пришла, двери открыла и говорит:

— В дом Мяндашей войти — через порог из шейных позвонков перемахнуть. Из хребтиных костей полы

уложены. Как печень, гладки камни очага, и опоры — ноги оленя...

Мяндаш сказала:

— Тут, в камень превратись.

Девка окаменела.

Мяндаш-парнь с охоты пришел. Прямо к матери идет.

— Мать, где же мне жена?

Мяндаш-дева ему отвечает:

— Тут, камнем стоит.

— Ну, когда камнем сделала и эту, так иди приведи мне еще жену.

Мать обернулась дикою важенкой и побежала. Переплыла через Мяндаш-йог, превратилась в женщину и вошла в вежу к тому же старику. У старика осталась одна дочь. Говорит ей Мяндаш-дева:

— Пойдешь ли ты за моего сына замуж?

Девушка ей в ответ:

— Какая я буду жена твоему сыну? Он Мяндаш! Я сыну Мяндашей женой не гожусь.

— Иди, дочь человеческая, в вежу Мяндашей жить,— говорит Мяндаш-дева.— Иди, вот прими мои каньги сушить и стельки расправь хорошо.

Девица каньги приняла, отнесла их сушиться, а стельки расправила, развесила и высушила исправно.

Мяндаш-дева ночь спала, а утром, пробудясь, говорит:

— Принеси мои каньги со стельками.

Девушка тоньке-пойду хорошо просушила и каньги со стельками подала Мяндаш-деве надеть. Мяндаш-дева обулась и пошла. И вот дочь человеческая в Мяндаш-вежу идет.

Идут они вместе и приходят к Мяндаш-реке, и Мяндаш-дева спрашивает девицу:

— Как ты, дочь человеческая, будешь через Мяндаш-реку идти? Мяндаш-йог — кровавая река, в ней легкие — волны, печень — камни.

Девица сказала:

— Переходи, Мяндаш-дева, через Мяндаш-реку, а я как-нибудь, может быть, перейду.

Мяндаш-дева через реку переплыла, а девушка осталась у реки на берегу. Отщепила она кору ольхи-дерева и села у воды. Ольху-дерево откусывает, ольховую кору мелко жует, как пылью сыплет в реку и поет:

Пусть волны — легкими, пусть камни — печенью,
Ты сохни-сохни, река Мяндашей,
Ой, кровава река! *

Мяндаш-йог высохла досуха, и дочь человеческая перешла через реку. Ольху кусала, мелко жевала ольховую кору, бросала в воду и пела:

Пусть волны — легкими, пусть камни — печенью,
Беги-беги ты, река Мяндашей,
Ой, кровава река! *

И Мяндаш-йог опять потекла.

Девица пошла вперед. И вот показалась вдали Мяндашей вежа. Здесь девица села.

А Мяндаш-дева к дому пришла. Вокруг вежи пыжики-оленцы играют.

— Подьте, ребятки, встретьте молодую.

И они, перебирая копытцами, побежали встречать молодицу. Прибежали и встали перед ней. Она их не била. Она каждому олененочку повязала уши красным

сукном. С радостью они вернулись к матери домой. Кричат ей:

— Вот как мы встречены молодицею! Она ввязала нам в уши красное сукно.

И Мяндаш сказала:

— Это хорошо.

Тут Мяндаш-парнь с охоты пришел.

— Где мне жена? — сказал.

Мяндаш-дева ему говорит, что там, на краю болота, ждет.

Мяндаш-парнь диким хирвасом побежал. Устремился невесту смотреть. А девица у болота сидит и поет:

Вот он бежит. Вот он бежит,
Мяндаш-парнь, Мяндашей сын.

А он, не очень близким кругом, обежал вокруг нее и вернулся к матери домой. Спрашивает его мать:

— Видел ли невесту?

— Видел,— ответил Мяндаш-парнь.

— Можешь ли с нею жить?

И он сказал:

— И с ветру и с подветру был. Жить могу.

Вот Мяндаш-парнь построил себе вежу и предстал перед дочерью человеческой красивым человеком и взял ее женою.

И вот Мяндаш-сын живет с человеческой дочерью. Жили они хорошо. Жена его берегла, а он ее строжил. И он дал ей запрет: «Нельзя шкуры-постели, даже детские, ребячьей мочой замочить».

Детей у них было много и постелей было много же.

И вот они живут. Живут очень хорошо.

Но однажды она не досмотрела: мальчишечка-дитя пустил струю и замочил постель.

Тут Мяндаш с охоты возвратился. В вежу входить стал и... не успел еще человеком обернуться, как ему из дверей нечистый запах в нос ударил. Он чихнул и сказал жене — Мяндаш-каб своей:

— Я тебя строжил — нельзя замочить постели, а у тебя постеля мокрая! Плохой запах идет. Я не могу больше жить! Тяжелый дух тянет мне уши, трепет и дрожь мне от него.

И он убежал к материнскому дому. Пришел к матери и сказал:

— Мати, я не могу больше жить! Тяжелый дух уши стягивать стал.

Мать ему сказала:

— Не говорила ли я? Не может Мяндашей сын с человечиной жить. Так вот слушай, дитя: в дом Мяндашей вернись. Вот тебе материнская грудь. Вот тебе сосок один, и другая титька моя, и третья, и четвертый сосок. Живи! Но бойся, сыночек, того, кто «черен мехом шкуры» [1], и берегись «из щели кишки стерегущего» [2] и «из-за дерева и камня краснеющего — краснoликого» [3].

И, сказав, Мяндаш-дева Конньтаккою [4] стала и всех в облике диких оленей из Мяндаш-вежи вывела. А Мяндаш-каб — жена Мяндаш-парня — обвернула вокруг себя кислую, мочей намокшую постелю и, оборотясь ди-

[1] Медведь.
[2] Волк.
[3] Человек.
[4] Конньтакка (Димарья) — старуха прародительница.

кою важенкой, тоже побежала с ними. И превратилась в вожака диких оленей. И будто колоколец рога ее стали для диких.

И вот великим множеством сотен растянула она стада диких оленей по тундрам и ламбинам нашей земли.

— А теперь скажи ты мне, вы люди ученые. Что это такое — рассказываю, как живых вижу, а где они? А ведь были они, обязательно были — раз есть мы, то и они были... Это уж точно.

ПЕСНЯ О МЯНДАШЕ

Были эти люди. Был Мяндаш. Мы все, живущие тут, на нашем Теплом наволоке, все мы кровей его жены — Мяндаш-каб, Матрены. Семиостровцы, те уже не наших кровей, у них и речь другая. А что до Каменчан, то все мы каменского роду, все мы ментушане, хоть и разные фамилии — Койбины, Телыши, Матрехины,— все одной крови народ, все — нашего роду. Вот хочешь верь, хочешь не верь — воля твоя, а так оно есть. Был Он, и эти люди все были, и эта Мяндаш-каб была. Она нам вроде матери приходится — мадерахке. Это так же верно, как вот я против тебя сижу. Это надо понять, раз я тебе говорю эти слова, я жив человек, так и он был жив человек.

Не я эту песню знала — мой муж. Илья жил охотой, и ни о чем другом заботы у него не было. Всю дикарью повадку он знал — и у нас, и в сторону Коло, вся земля

ему была как открытая душа. Илья неделями пропадал в лесах и на Кейве. И каждого возвращения его я ждала, как в первый день свадьбы нашей.

Набегает словно сон или видение... И родится из глубины души волна: что это явь или мечтание такое? И эта волна родится, бежит живыми словами в груди... Так Илье моему, бывало, придет эта песня волной, и он запоет. Соседи услышат — все придут, его не трогают, словечко никто не скажет, а он поет. Там же, где дитятко убегает от матери,— слезами поет и мы все в слезах омываемся.

В Каменском мы с ним жили, от роду его. В нашей жизни на нашем жилом месте не было и не бывало драк или свары, пока он жил. Если он прознает, что между соседями завелся раздор — он просит меня звать к себе тех людей. Обязательно в тот час звать, как застигнет его эта песня. Они придут к нему. Найдет он для них нужное слово — помирит.

Это не сказка. По-нашему ловта называется. Это истинно живое было. Его духом жили мы. Жили и хвалили бога.

Какой Илья был из себя? А... худощавый был мужик, ростом высок, волос черный. Глаза словно не нашего житья, песню запоет — не веселыми глазами смотрит, тоскует. На охоту — не ходил, а летал; загорится, все забудет, глаза веселые, пойдет и зачнет свою песенку:

Спасибо тебе, осень черная!
Ах да спасибо тебе, суземок великий!
Спасибо, суземок, за жизнь твою.
Сыт я человек.
Спасибо за оленя дикого,
За рога его красивые!

Я от него грубого слова не слышала.

Никто этой ловты по-нашему не знал и не знает, и никто при нем, ни после него этой песни не пел. Только он один мог петь от начала и до конца. Унес он эту песню. Я знаю сказать ее, а родятся ли слова его песней, то не могу знать. Если родятся — поспей записать, твое счастье.

Плакать буду — не мешай.

Жил старик и старуха. Ну, и родились у них три дочери. Жили и жили. Старуха встала утром и принялась огонь разводить, а тут у лыпса ворон крыльями затрепыхал. Старуха испугалась:

— Вставай, старик, скорее!

Старик поднялся и выглянул из вежи. А перед ним предстал красивый человек большеносый, весь в черном, воронова крыла.

Старик позвал гостя в вежу, а старуха питенье и еденье на стол подала. И вот завелась беседа, началось сватанье.

Человек просит в жены дочку. Старики стали дочку отдавать и отдали старшую.

Ну, и пошла дочка их с мужем в свой новый дом. А старик со старухою живут-поживают.

Жили и жили. Старуха стала огонь разводить. На лыпс глянула — ласты морского зверя виднеются. Испугалась старуха:

— Вставай, старик, скорей!

Старик поднялся и выглянул из вежи, а перед ним предстал морской зверь. В вежу вошел — толстым человеком сел у очага. Ну, поели и попили, и беседа завелась. Сватанье началось. Жирный человек начал сва-

тать у стариков дочку. Старики стали дочку отдавать и отдали среднюю.

Морской зверь домой пошел, жену к себе повел. А старик и старуха по-прежнему зажили.

Жили и жили. Однажды стала старуха огонь разводить, на лыпс глянула, а в нем рога дикого оленя красуются.

Старуха испугалась:

— Вставай, старик, скорее!

Старик встал, из вежи выглянул, а перед ним Мяндаш — дикий олень. Старик Мяндаша в вежу позвал. Он в вежу вошел — человеком предстал, очень красивым.

Старуха питенье и еденье на стол подала, ну, и завелась беседа. Сватанье началось. Мяндаш просит в жены дочку. Старики стали дочку отдавать и отдали младшую. Мяндаш-парнь ушел домой с молодою женой.

Старик и старуха вдвоем остались. Пожили — надо к детям в гости сходить, проведать, как они живут.

К ворон-зятю пошли. Стали подходить — вороновы дети вокруг вежи летают. Увидели и закричали:

— Мама, мама, бабушка с дедушкой к нам в гости идут!

Дочерь старшая из вежи вышла. Отец и мать к дому приблизились — она подошла, поздоровалась с отцом, с матерью и в вежу их ввела, а глаз-то один выклеван у дочери их... Наготовила она еденья и питенья, и стали они есть и пить. Пока пили они и ели — солнце закатилось, ворон-зять в вежу вошел человеком. Поздоровались. Вместе сели, поели объедков разных, попили и спать повалились.

Утром проснулись, поели, попили, с дочерью и зятем попрощались и домой пошли.

Недолго пожили. Зятя, морского зверя, проведать пошли. К зятю пришли, тут тюленята-серки у вежи играют и матери кричат:

— Мама, мама, бабушка с дедушкой идут!

Ну, и дочь средняя из вежи вышла к отцу и матери навстречу, а рука-то наполовину отгрызена. Ну, поздоровались они, отец и мать в вежу взошли.

Наготовила дочка еденья и питенья, и стали они есть и пить. Ну, солнце закатилось, зять толстым человеком в вежу вошел. Поздоровались. Вместе сели и угощались разной рыбой и наедой, и спать повалились. Утром, встав ото сна, поели и попили, с дочерью и зятем попрощались и домóй пошли.

Вернулись домой, пожили недолго — к Мяндаш-зятю направились. Идут, пришли к веже; Мяндаша дети, Мяндаш-парнь, все мальчики, один к одному, увидели их и закричали:

— Мама, мама, дедушка с бабушкой к нам в гости пришли!

Мяндаша жена из вежи наружу вышла, а сама-то одета в суконное платье, длинное и черное, гладкое платье. Отец с матерью поздоровались, она их в вежу ввела и начала готовить питенье и еденье.

Вот и солнце закатилось. Тут чистые двери открылись, Мяндаш свежего мяса положил, внутрь вежи заглянул и увидел, что тесть с тещей у него в гостях. Мяндаш в вежу вошел человеком и перед тестем и тещей пригожий предстал. Поздоровались. Мяса свежего, мясного отвара поели, попили и спать повалились. Утром, встав ото сна, зажили. Мяндаш-зять охотиться ушел. Бабушка сплела красные ошейники для каждого

внучка и повязала им на шеи. Внучки играли в этих красных ошейниках, и все было хорошо.

Жили и жили. Мяндаш-зять домой возвратился оленем с рогами красивыми, а в дом войдя — человеком, и спали ночь, а утром, встав, старик и старуха назад, домой, отправились, в свою вежушку. А Мяндаш-зять их не пускает, оставляет здесь в его доме жить.

Старик один ушел. Что было добра, что было живота, у себя дома собрал и назад вернулся. Ну, и стали жить.

Жили, жили. Старуха стала браниться, что не по ее обычаю здесь поступают: постель мокрую после сна детей надо сушить, а не выбрасывать в воду. Жили, жили, и Мяндаша жена послушалась мать — положила мокрую постель на дверь, сохнуть на солнце. И забыла. Солнце закатилось. Мяндаш вернулся домой, к дверям вежи подошел, а на них постель положена сохнуть, от нее кислый запах детский исходит. Мяндашу этот запах в ноздри ударил, ему уши стянуло назад, он чихнул, а обернуться не мог, не мог он принять человеческий облик.

Мяндаш воскликнул:

— Зачем положили постелю сушиться? — и побежал в лес, в тундры побежал...

И все дети, все Мяндаш-парнь, ребятки его, все за ним побежали один за другим.

И даже самый маленький, тот, который на коленях у матери был и грудь сосал, и тот встрепенулся, в теленочка-сосунка превратился и побежал за ними вослед.

Мяндаш-каб осталась одна, вскочила, за ним метнулась, маленького зовет к себе на колени, домой к себе зовет:

Ты поди ко мне, сынок, поди,
Есть у мамы молоко в груди,
Ты поди, сынок, ко мне, поди,
Припади, сынок, к моей груди,
Отогрейся у моих колен.
Ты поди ко мне, сынок, поди... *

А Мяндаш-парнь отвечает ей:

Не вернусь я, мама, не вернусь,
Мне раздолье дикое милей,
Жар моих рогов меня зовет,
Фырканье ноздрей меня влечет,
Дальний хруст копыт меня влечет,
Пуркой поиграть меня манит.
Не вернусь я, мама, не вернусь... *

Тогда ответила мать:

Если к матери не возвратишься ты,
От бесчестного уйди, сынок,
Но к счастливцу ближе подходи,
Ты сыщи охотника, сынок,
Ты закрой-прикрой свои глаза,
Не беги от пулюшки своей,
Пусть пробьет она твои бока,
Подойдет небесный человек,—
Хлебом-солью будешь ты ему *.

Супруга Мяндаша, Мяндаш-каб, осталась одна. И стала жить, и замуж вышла. Замуж вышла — не живет, а плачет,— своего Мяндаша вспоминает.

Мяндаша вспоминает — песню поет:

Кипел большой котел, бывало,
И пламя днище обнимало,
И был просторен лыпс.
И пламя очага сверкало,
И лыпс родной обогревало...
Да все давно ушло.

Теперь с отродьем человека
Небесного живу.
И котелочек с ноготочек
Себе варю *.

Однажды спала Мяндаш-каб, и приснился ей сон. Мяндаш приснился, привиделся ей Мяндаш мужем. Он сказал ей ласковым голосом:

Жаль тебя мне, женушка.
Знаю я, родимая,
Как живешь ты, мучишься,
Как ты горе мыкаешь.
Молви слово мужу ты:
Пусть стрелит-застрелит он
В месте во святом меня,
Пусть придет он раненько
И меня добычею
Заберет-захватит он.
А мою постелю [1] пусть
Под свою подложит он
И не кажет улице *.

Утром встала Мяндаш-каб и научила мужа велению Мяндаша.

Муж послушался. Он пошел на то место и подстрелил дикого оленя. Добыл и принес свежее мясо.

И стали жить. И муж стал хорошо промышлять.

Ну, и стали жить, а теща бранит дочку, зачем она не сушит постелю, а бросает в проточную воду. Послушалась дочь своей матери, положила шкуру сушиться на солнышко, а сама ушла в вежу. Солнце закатилось. Женка из вежи на улицу вышла, чтобы шкуру прибрать, а постели-то нет!

Невесть куда делась постеля!

---

[1] Шкуру.

«МОЛИТВА МЯНДАША»

И старый Мыхкал сказал мне:

— Петь-то уж я не буду,— и он начал петь дрожащим голосом, про себя, чтобы вспомнилось; заметив, что рука моя потянулась к карандашу, он отрицательно покачал головой и перешел на сказ:

— Слушай, тебе сказываю, а не карандашу!

Мяндаш-хирвас сел на задние ноги и молился о своем. И к нему, к хирвасу, пришел охотник и сел против него. И они стали разговаривать.

Мяндаш укорял человека, он напоминал ему, как он, Мяндаш, научил его охотиться на дикарей, как научил прятаться за кусты, рядиться в еловые ветки, и надевать на себя оленьи рога, и за камень хорониться — не был бы виден охотник дикарю. И не он ли, Мяндаш, вложил в руки человека лук, на прокорм его жены и детей? И дал великий завет: в хирвасном стаде,

в осеннем стаде диких оленей, убивал бы только одну важенку на прокорм семьи, но не больше того, а на хирваса осеннего стада — запрет...[1]

— Так я учил, и это было ведомо всем!

А теперь хитер стал человек: ложится на землю, ползет на животе и нападает неведомо откуда, и выстрелы гремят с разных сторон. Дикари слышат гром, но неведомо, откуда посылает его человек. Мы боимся кормиться, мы жить боимся. Теперь охотники добывают и одну важенку, и другую, и много берут сразу в один день удачной охоты. И хирвасов бьют, даже в осеннем стаде! Так ли я учил тебя, небесное отродье?

Охотник же засмеялся. Неразумен душою, он стал похваляться своею хитростью, своею удалью и удачей, своим умением нападать и прятаться.

На это Мяндаш сказал:

— Теперь, когда ты перестал жалеть хирвасов и важенок, Мяндашевых детей, придет время — и не станет охоты на дикаря!

И Мяндаш повторил тому человеку:

— Пусть охотники жалеют важенок и хирвасов дикарьих. Не будут жалеть — кончится им охота на дикаря! — так он сказал.

Это правда, было такое в досельные времена, давно, однако, было оно. При дедах еще, отец мой был молодой парень, он и рассказывал мне.

И сбылось же, не стали жалеть дикаря, много важенок выбивают, не берегут хирвасов... И вот нет охоты на дикаря. Видишь, то его слово пришло!

---

[1] Убить хирваса в осеннем стаде — значит оставить стадо без производителя.

БРАТЬЯ-РАЗБОЙНИКИ

Жила старушка с сыном. Жили они, жили, мальчик вырос и стал взрослым парнем. Он задумал жениться.

— Поди, мама, сосватай мне невесту!

За невестой ходить матери легко. Отправилась старушка. Посваталась. От невесты дали слово:

— Есть место!

Пошли старушка с сыном в дом невесты. Их приняли хорошо: посадили в большой угол и угостили, как заведено со старины. И вот по-настоящему сосватались и начали пировать. Невеста среди пира вышла из дому. Стоит она, беседует с сестрицами и с подружками. Откуда ни возьмись вокруг нее завихрился ветер, поднялась пыль, рябь по озеру прошлась, и взвился в небо столб пыльный... Была девица — нет девицы. Бро-

сились туда-сюда, куда девка делась? — нету девицы, нет засватанной невесты.

Вернулся парень домой один. Поутру встал обокраденный жених и сказал матери:

— Мама, — говорит, — испеки мне подорожников. Раз невеста потерялась, как мне, мама, жить? Я пойду искать мою суженую, мою пропавшую невесту.

Взял подорожники и отправился в путь.

Шел, шел и забрел он в топкие болота. Притомился, сел отдохнуть на кочку. Вдруг слышит: голос доносится издалека — кто-то кричит, спасенья просит. Он поспешил на голос. Глубокий мох проседает под ногой, посреди моха яма, окно озерное. Из нее-то слышен голос. Лег парень, распластался, в яму заглянул.

— Ты что? — спрашивает.

А там одна голова видна.

— В яму упал! Болото затягивает. Добрый человек, помоги мне.

Ну, парень веревку с себя размотал и один конец бросил в яму.

— Хватайся за веревку, да держись крепко, я тебя выдерну.

Ну, выбрался тот на землю и говорит:

— Теперь давай побратаемся, ты будешь мне старшим братом, а я тебе буду младшим. Где бы мы ни были, что бы ни случилось — будем выручать друг друга! Я тебе дарю мою саблю.

Парень саблю взял. И пошли они, каждый своей дорогой: спасенный — к северу, а парень — к югу.

Бабушкин сын шел и шел своим путем-дорогою, а от великих моховых болот никуда не мог уйти. Петлял он по болотам и вдоль и поперек не один день. Как-то

вышел на простор, смотрит, а за моховым болотом, на высоком угоре, виден большой огонь.

— Ну,— говорит,— пойду на огонь. Устал я очень. Зайду в дом, отдохну. Может быть, попаду я к разбойникам в руки, а все ж таки крыша будет над головой.

И он пошел через мох, прямиком на огонь. Пришел к большому дому. Дверь открыл. В горенке бабушка сидит, левой рукой куделю сучит, в правой веретено вертит, пряжу прядет.

— Здравствуй, бабушка, куда бы мне влезть погреться, отдохнуть, и обсохнуть, да соснуть бы с устали?

— Да влазь,— говорит,— на печку к югу.

Забрался он на печку. Печка истоплена, тепло, как летом. Смотрит парень с печки, что бабушка делает? А бабушка прядет, прядет, да и задремлет, прядет, да и задремлет, прядет, прядет, да и задремлет.

Тишина вокруг, ни ветра, ни дождя; тихость над угором. Слышно, как травы растут.

Очнулась старушка и говорит:

— Скоро Нырьел, Север, со дождями падет. Скоро придут,— и принялась ужин готовить.

Парень слушает, что такое бормочет старая, а сам думает:

«Будут, вот-вот придут разбойники, живым не оставят!»

Вот и пришли, явились те, которых ждала старуха. Сходятся они сюда, в дом, все с разных сторон налетают, и у каждого свой ход. У них в доме четыре стены, четыре угла, четыре двери, четыре дыры по углам. Вот и влетают в них буйными ветрами эти разбойники. В дом влетит — смиренным парнем обернется и на свое место, за стол, усядется.

Собрались все восемь братьев-разбойников. Старуха питенье-еденье подает им, а сама говорит:

— Вы там где-то ходили да летали, а мне кусок мяса сам нашелся!

От этих слов поежился парень на печке, однако бежать уже поздно. Решил: будь что будет!

Молодцы между тем стали ужинать. Парень сидит на своей печке, ждет, уж не им ли будут закусывать? Глядь, а на месте старшего сидит тот человек, которого он из ямы выручил.

Поужинали. Двое молодцов, помоложе, встали и к нему на печку забрались, греются, тепла набираются. И не слышно их, и не видно, и не толкаются! А наибольший среди этих разбойничков взял стул отдельный, посередь дома поставил, уселся и говорит:

— Ну, какой ты там есть, кусок мяса не пареный, не жареный, спускайся с печки вниз, сознавайся, какой от тебя прок?

Парень с печки слез, встал перед старшим и сам его спрашивает:

— А не выручал ли тебя кто из беды?..

— Выручали меня из беды, и не один раз, было дело,— говорит старшой,— да тебе-то что?..

— Ну, если выручал, так разве ты не можешь признать?

— Не могу спознать. Много разных людей! Где вас всех узнавать. Если выручал — так есть ли мой знак у тебя? Ты то сказывай.

— Есть твой знак у меня,— ответил бабушкин сын и выхватил свою саблю наголо.

Осмотрел старшой саблю, нашел свое клеймо и говорит:

— Верно, ты мой назва́ный, ты мой старший брат! Я тебя признаю!

И берет его за руки, и ведет его в большой угол, усаживает и величает его гостем дорогим. Все опять уселись по своим местам, и стали оии мед-пиво пить, пировать.

Старшой говорит:

— Ну, братья мои родимые, все вы моложе меня. Бывало, и не редко я выручал вас из беды, а вот человек, который меня сумел спасти от вериой погибели. Не выручи он — не выйти мне живому из глубокой трясины. Вот что скажу вам, братья мои: слушайте его все, и я буду слушать его и почитать. А ты, брат мой названый, запомни братьев своих. Вот смотри: это — Сайв, по-русски сказать, шалонник...— и показывает на парня-верзилу.— Весь-то он иепричесанный, рыжий, оборванный, в лохмотьях... видишь, растрепа косой. Порядка от него не жди. Шатается он по свету без толку, с дождями знается. Самый непутевый мой братец, но зла от него не жди. А вот Нырьхте, по-вашему юг, и его напарник Летник,— это ребята теплые, самые смиренные мои братья. Они тут на печке живут, тепла набираются. От них морошка и всякая ягода зреет. Тавялло, поднимись, туманная душа! Он у нас как налетит с востока, заляжет и не шелохнется днями. От него оленям приплод, а ои об том и заботы не имеет, самый ленивый пареиь, безвредный, однако, все больше с туманами путается. После меия старшой — полуночник; этот любит, чтоб его уважали, неразговорчивый он, все больше помалкивает да подмораживает! Ну, а этого мальчишку, он самый младший, мы ему имени еще не придумали, побережиик он, вдоль бе-

рега лётает. Встань, когда с тобою говорит старший брат.

Парнишка не встает.

— Ты зачем опять вчера напроказил? Что тебе, места мало гулять? Сначала ко мне забрался — сколько судов зря загубил, потом к брату Западу метнулся. А там зачем лишних вдов у рыбаков наделал? Долго ли ты будешь проказить? Самый безумный сорванец. Ну, про Пейвелле говорить нечего, он давно женатый, остепенился, у себя на западе больше сидит, делом занимается. Ну, однако, и он с дождями заодно. Со снегом, да с морозом только я, Нырьел — Север, да Полуночник знаемся. То знай — мы тебе верные братья и помощники, вреда от нас не жди, но умей уважить каждого.

Тут и ели они, и пили, и песни пели. Гуляли всю ночь, только перед зорькой заснули. Немного времени спали, а наутро все уже разлетелись по своим краям. Каждый на свою сторону, на свой угол вылетел. Парня оставили дома одного.

Улетая, Север сказал матери:

— Мамаша, чего только захочет наш названый брат, то пусть все ему будет готово...— и умчался, будто тут его и не было.

Парень вышел погулять. Только за порог дома ступил, а тут птичка ему под ноги — порх. Вокруг него вьется, ну, прямо чуть не в руки просится, а поймать — не дается. Он за птичку — а она уже на веточке, уже дальше летит. То крылышками трепещет над головой, то сядет — его подманивает, поддразнивает, с кустика на кустик поскакивает, так и завлекает его.

Гонялся, гонялся он за птичкой и вышел на неве-

домую тропу. Тропинка не узкая, недавно хоженая. «Пойду-ка я попроведаю, что за тропа она такая?»

И пошел и пошел; шел-шел, шел-шел, летел не летел, а ему уж очень далеко показалось. И вот за листвою, за сухими ветками увидел дом. Дом не простой, бурелом вокруг наворочен, а сама-то изба будто ветром переверченная, смола пóтом из нее выступает. Захотелось ему посмотреть, а что в доме есть? Подошел с одной стороны — ничего не увидел. Подобрался с другой стороны — ничего не видать. С третьей стороны подошел — оконце нашел, стекла смолой затекли, через смолу разглядел: в горнице ходит девица красивая. Слезы льет, невеселую поет песню.

— Вот чудо,— удивляется парень,— как моя невеста! Она и есть!

Глазам своим не верит. Повернулась девица, а у ней в руках платочек, его подарёныш. Еще раз обошел весь дом кругом — больше никого там нет, вход один. Он в двери — хотел их взломать,— однако двери на затворе и к себе не подпускают. «Это хорошо,— подумал он,— никто другой не войдет»,— и пошел в обратный путь, в дом своих братьев названых.

Старушка ему питья и еды дала вдоволь и постель приготовила.

— Далеко ли бывал?

— А не близко ходил, малохоженой тропой!

— Не видал ли моего сумасброда старого... Чего он там безобразничает?

— Нет, не видал я ни старого, ни малого...— а про девицу свою промолчал.

Ну, и больше ничего она не спросила, и он ей ничего не сказал. Сидит старушка тихая, прядет свою ку-

делю, веретеном вертит да дремлет помалу. Тишина кругом... Тихость и в лесу и на угоре, и на болотах тихо. Парень лег спать. Ну, чего больше делать?

Вот и вечер настал. Не успело стемниться,— со всех сторон начали братья слетаться. Старушка им наладила пированье, и пошла у них похвальба на все радости и горести, с которыми они прилетели хвастаться.

— Ну, а ты?— спрашивает Север,— ходил ли ты куда-нибудь, брат мой старшо́й?

— А ходил,— отвечает он,— и тропинушку нашел свежехоженую. По этой тропинушке чудо птичка летает, а в конце тропы чудо дом стоит.

— Близко ли, далеко ли?

— Да не близко, однако и не так чтобы уж очень далеко. Птичка знает!

— Мы здесь близко живем, а дома такого чудесного не знаем и не слыхивали о нем ничего. А есть ли в доме кто?

— С одной стороны подошел — нет ничего, с другой стороны — нет никого, с третьей стороны заглянул,— а там девица, моя заручённая невеста, горюет.

— Ну, если твоя, так ты ее и получишь. Нашему слову верь!

Ну, овечерелось и стемнело вовсе, собрались братья вместе на совет.

— Брат мой, собирайся в дорогу один,— сказал Север.— Мы знаем, чей дом ты нашел,— это матери нашей враг и обидчик. Нам в его дом ходу нет. Нам всем идти туда не годится. Никто нас скопом в дом этот не пустит, а стены его не пробьешь. Одного тебя, путника ночного, всякий пустит на ночлег. Мы же от тебя не отстанем, в том не сомневайся.

Ну, и отправились они тихим ходом, неслышными шагами, суховеями. Идут, друг за друга затеняются. Подошли к чудо дому. В лесу, в буреломе, захоронилися. Смотрят, что там есть?

И вдруг загудело, зашумело, свист по всему небу раздался. Тьма непроглядная наступила. Великим столбом до неба поднялся от края земли Ураган. Он налетел на чудо дом и сразу опал, не стало столба,— человеком обернулся и в дом вошел.

Парень пошел один, напрямик к самому дому, в те же двери, что и Ураган. Постучал. Ответа нет. Стучит.

Тем временем все восемь, один за другим затеняясь, невидимые за парнем, к стене притиснулись. Стучался, стучался парень — никто не отзывается, ну, однако, он свое знает — стучит... И откликнулись. Дверь не открывая, неведомой силы голосом спрашивают:

— Кто тут есть? Сколько вас?

— Я тут есть, один.

— Ну, если ты один, то входи! — ответил голос и двери открыл. Не успел он двери распахнуть, как все братья сквозняком ворвались в избу, все восемь сразу. Они скрутили хозяина дома, в прах его обратили и пустили на ветер, развеяли, как и не было старого.

Оказалась девица одна. Испугалась, бедная, а братья ей говорят:

— Ты, девица, не бойся, мы тебе добра желаем.

Тут-то парень к ней подошел и признался. Обнялись они, и радовалась она, родимая душа, что нашел ее суженый, что не поддалась она уговорам старого.

— Мало было шуму, а вы еще и девку привели,— ворчала бабушка, а сама им питенье и еденье готовит, скатерти постилает и улыбается во весь рот.

Девушка ее не боится, помогает старушке, как надо быть.

Парня и девицу посадили рядом и ну свадьбу играть! Говорят братья своему названому брату:

— Не печалься, невесту твою мы никому в обиду не дадим.

На другой день встали спозаранку и все девятеро поехали в дом, где жил неведомой силы старик.

Приехали. Дом-то большой, а добра там всякого навалено видимо-невидимо, и все то без ладу, без толку и без разума свалено кучами — настоящий бурелом. Съездили за этим добром раз, съездили два, три раза съездили, а всего обрать не могли. Целый месяц они возили из старого дома к себе и не могли все вывезти. Вот до чего силен был старик!

Перевезли все, что было, в дом матери-старушки, и стало в нем тесно. Заспорили, как им быть дальше. Ну, известно, где тесно, тут и свара. Парень с девицей говорят:

— Мы домой поедем!

— А мы новый город построим,— кричат братья.

А бабушка их не пускает. Не согласна. Говорит:

— Там очень шумно жить. И с Ураганом-то я не ужилась, а вы хотите, чтобы я в городе жила! Не будет этого,— и отказалась.— Я тут останусь, в тишине.

— Ну, что будем делать, раз она не пускает?

— Бросим жребий,— кому выпадет — тот с матерью останется!

Бросили орел и решку. Жребий выпал на парня с девицей. Ну, братья их оделили в долю от всего добра, а сами разлетелись по белу свету, искать, где им города строить.

Ну, бабушкин сын как есть счастливый стал человек: невеста нашлась, сам он оказался у большого дома, при новом хозяйстве. Матерь свою он сюда же привез, тут она в тишине и век свой кончила.

Брат Нырьел облюбовал себе северные страны, рядом Полуночник жил, за морем, в полуночных краях ютился. Юг и Летник позабыли свою печку, где тепла набирались. К брату Северу они редко стали заглядывать в гости, да и то вместе со Стоком, тоже редким здесь гостем. Залетят, погреют землю и травы, дадут тепла морошке и ягодам и опять к себе домой убираются. А где у них этот дом или город,— то неведомо. Пейвалле постоянно тянул свои ветры, когда и как ему положено. Побережник все бранился и ссорился с Севером, мало ему своей земли, так обязательно то к Северу залетит, то к Западу, и все рывком, на бегу, без толку, на беду и на зло людям.

Один Шалонник остался, неприкаянный, шатается по свету без ладу, без приюту. Шалый и вовсе беспутный холостяк какой-то получился.

Так вот и жили братья-разбойники и век живут, и кто знает, где они там, где летают, без отца, без матери?

ТАЛА

РАЗИАЙКЕ И ТАЛА

(Рухтнас Чумма)

Великий Рухтнас с братьями и женой Разиайке-Настай ходили чумом по ягелям и пастбищам Теплого Наволока. Пасли они оленей на пользу себе, на благо оленям и пастухам их и людям в прок. А Тала — его дом стоял недалеко — проказил около них — оленей таскал, обижал соседей, ребят у них крал; держал подневольных работников. Тала мешал Разиайке. Она свою песню не пела. Она травам и оленцам малым, она оленьему

кегору не могла порядок держать, как велит ее совесть и разум. Тала мешал. Ничего не могли поделать с этим Талой, чтобы хорошим он был соседом.

Немалые заботы доставляли эти Талы людям Теплого Наволока. Много об этом говорили и спорили Рухтнас и братья его, а как избавиться от них, не знали.

Слушала эти разговоры мудрая Разиайке-Настай, а однажды, как она сказала братьям, так они и сделали.

А сказала она вот что:

— Душу его надо узнать. Надо вызнать, где она схоронена.

И вот великий Рухтнас с братьями ушел в поднебесье. Там у него были свои дела, надо было те дела справить.

Разиайке-Настай осталась в своем чуме одна. Если солнце стояло на небе, Разиайке любила открывать крышу чума на всю половину. Она сидела на мехах и золотым веретенцем пряла нитку. Очаг курился. Это было хорошо. А песню петь она опасалась. Разиайке сидит в белом пёчке, в белых каньгах, красные бровки куропаток да красные лапки гусей и уток висят у ней по плечам и на спине. Очень красива была Разиайке-Настай, и песня ее была хороша, но петь ее нельзя,— пришел ущерб ее жизни. Рухтнас не велел ей песни петь. Тала был опасен. Тала мешал ее жизни.

Рухтнас ушел, Разиайке запела.

На ту пору мимо чума проходил Тала. Он услышал Разиайке, увидел ее и захотел на ней жениться. Он захотел, чтобы она свою песню пела только в его доме, только для него самого.

Смекнул он, что Рухтнаса дома нет,— подкрался к

чуму со своими работниками и похитил Разиайке у Рухтнаса.

Тала утащил Разиайке в свой дом стоячий. В этом доме жила его мать, старая Талахке. Привел он Разиайке к старухе и сказал:

— Вот моя молода.

А самой Разиайке сказал так:

— Если ты за меня замуж не пойдешь, я тебя убью!

Разиайке и согласия не дала, и не отказала Тале в его просьбе.

Жалко ей свой чум покинутый: в нем у нее жизнь была привольная. Захотела чум открыть — убери шкуры с половины крыши. Захотела на другое место поставить, где тебе вольнее кажется, где красивее, где на вольных ветрах дыхание легкое,— ставь на мягкие ягели, на душистые травы, чтобы цвели они, росли и множились упованием хозяйки их, Разиайке.

У Талы дом — полное хозяйство, все есть: и овцы, и коровы, и олени, и чего-чего только нет в его доме, всего полным полно. Ну, а дух-то в доме?— Талы дух. Как ни говори — у Талы человечье основание! В его доме человечиной пахнет.

Устроил Тала свадебное угощение. Ну, и пили они, и ели, и пировали. Сам Тала песни пел, и Разиайке он просил песенку спеть. Однако Разиайке от того отказалась.

После гулянья говорит ей Тала:

— Ну, молода, теперь будем спать.

А Разиайке не идет; не хочет она ложиться с Талой спать.

— Я не могу, Тала, с тобою спать и не буду.

— Почему ты не будешь спать со мною?— спросил Тала.

Разиайке так ему ответила:

— Вот железная паньга от узды моего оленя; если ты разорвешь ее своими руками, тогда я лягу спать с тобою. Мой Рухтнас только глазом посмотрит — и паньга разлетается на части.

Тала взялся разорвать Разиайкину паньгу. Однако как ни бился — и ломал-то он ее, и растягивал, и языком лизал и слюнями мусолил, и зубами кусал,— разломать эту паньгу он не мог. Устал.

Тогда он подсел к молодой, под правый бочок, и говорит:

— Давай отдохнем с тобою вместе.

Разиайке ему говорит:

— Пока не разорвешь мою паньгу, спать я с тобою не буду.

Тала перевалился на другую сторону ложа из мехов, подсел к ней с левой стороны и говорит:

— Печок беленький, канежки беленькие, красные кисточки по плечам, и личико белое, и ручки белые — я тебя съем! А нет — сломаю!

И притулился к молодой.

— Что тебе меня ломать — ты паньгу сломай... Паньгу сломать не можешь, а ко мне тулишься. У тебя, видно, душа не на месте, раз не можешь паньгу сломать.

Тала около молодой и так и этак присосеживается. Однако не родятся у него такие слова, чтобы Разиайке их слушала. И ухватки-то его ей не по нраву: то он за паньгу возьмется, то опять досаждает.

Стало скучно Разиайке. С досадой она от Талы из одного угла в другой уходит. Захотела она на речку пройтись — хотя бы водицы в дом принести.

А Тала ее не пускает.

— Убежишь! — говорит.

— Тогда навяжи на меня колокольчики, и ты будешь слышать, далеко ли я ушла.

Эта выдумка Тале понравилась. Он согласился и привязал ей три пары колокольчиков: одну пару на шею, а две других привязал к рукам. Через плечо он обвязал Разиайке вожжой, а один конец ее протянул к себе в дом. Улегся на шкурах на самый конец вожжи. Так он караулил Разиайке, пока не заснул.

Разиайке вышла из дома через чистые двери и пошла к роднику за ключевою водой. Тут ребятки, оленцы малы, среди которых она дома в чуме жила, увидали ее, прибежали с луговин, перелесков, березнячков и ягельников, окружили ее и запрыгали вокруг, заиграли. А кругом-то, кругом вольные ветры веют, гуляют по воле, по широкому простору.

Тала приказал работникам всех оленцев этих разогнать.

Разболелося сердце Разиайке — что-то в тундре без нее деется, что на ягелях, есть ли в ветрах хозяйский уряд? Каково-то травы растут?— о том ее забота.

Разиайке воды зачерпнула... А не хочется ей опять в дом Талы возвращаться. Она упала и прикинулась, будто очень больна — застонала, заохала, бедная, а сама не забывает, что ей надобно выпытать у этого Талы.

— Ох, ох, ох-охошеньки, ой-о, как мне больно, Талушка, за душу твою, наверно, кто-то через твою вожжу переступил, чтобы твою душу испортить и душеньку старой Талахке... Посмотри, поищи хорошенько — на месте ли души-то ваши?

Проснулся Тала, протер глаза, к Разиайке выбежал, сел около нее на корточки и утешает больную:

— О-го-го, по мою душу никто не ходил и не хаживал, и никто ее не достигнет! Она далеко, дальше далекого, за тремя мышиными землями: мышки «норушки победный хвост», пеструшки мышки «бей башкой», мышки «побегушки — неспокойная совесть». В каждой земле по два озерка маленьких и по одному озеру великому. На каждом озере по лодке стоит, а весел-то нет, как поплывешь?

Забежал в норушкину землю — хватай мышей за хвосты. Мыши головы в норки упрятали, а наружу хвосты выставили. У них хвосты непобедимые, так этим мышкам отроду сказано; они веруют — кто их хвост увидит, тот окаменеет. Все хвосты из норок торчат, угрожают, а ты знай дергай да в мотки сматывай. Наберешь пять клубков хвостов — дальше в путь. Одну бесхвостую добыл — на нос лодки посади. Поехали. Сама лодка идет, мышка-рулевой только усиком поводит, туда-сюда правит. А на большом озере лежит опрокинутый карбас. Ну-ка, переплыви! Как ты к карбасу подступишься? Ага! Надо знать, как найти мой тяжелый батожок, мою культалу. Культалу нашел — из рук не выпускай, пока назад не вернешься. Культалой стукни по брюху карбаса. Он живо перевернется и перевезет тебя на пеструшкину землю, мышиную ж. Тут пеструшки живут. Опять мышей наловишь, нахватаешь самых бойких, которые не убегают, а на тебя наступают, не пускают, куда тебе надо, фыркают. Слыхала ли, как они свистят-то, а головкой-то тюкают, как топориком — тюк, тюк... Хватай пеструшек самых крепких, а самую пеструю — на нос корабля. Ну, теперь плыви, не робей.

Любо так-то ехать. Перевезут куда надо. Кончилось последнее маленькое озерко, добрались до великого пеструшкиного озера, тут опять ищешь перевернутый карбас. Стукни его культалой, не бойся, дай ему хорошенько,— он перевернется и поплывет куда надо.

В землю мышки-побегушки прибыли, ну тут успевай только за ними бегать; ты за ними, а они тебя за пятки хватают, не пускают, грызут, они все грызут: у них совесть неспокойная. Еще у предков их была бабушка жирная-прежирная, они и перепутали, думали сало едят, а сами эту бабушку съели. С тех пор у них совесть-то неспокойная, они все и грызут, и себя грызут, и все, что им попадется. Ничего, не робей, хватайся за пятки, они к тебе сами в рукавицы заберутся. Напихай их полные карманы, самую бойкую побегуху рулевым на каждую лодочку, на каждом озерке, ставь и езжай. Эти мышки побойчее тех, которые раньше были, они кусачие, а ты терпи, знай культалой подгребай. Они кусают, а ты поскорее гребешь и гребешь. Приехали на самое наибольшее озеро. Культалой оберни перевернутый карбас. Культалу не бросай, пригодится. Теперь плыви, опять же с мышкой за старшую. Не обижайся, что они к тебе заберутся во всякое место и будут грызть тебя без жалости и без совести. Они кусают тебя, и кусками мясо твое рвут, и тут же плюются, и кусками его бросаются и пачкаются. Терпи. До того доведут, что понадобится забежать, обязательно надо будет заглянуть в пять раз пачканный лесок. А он тут и есть,— мимо ехать, с правого галса наволоком выступает. Ну, обойдешь лесок пять раз, все,— и сам сходишь, и все твои мыши и мышата выбросят из себя всякую грязь, искупаешься, а тогда уж садишься в лодку и едешь как

по писаному и прямо на остров прибываешь. Не сробеешь, перетерпишь все, цел остался — значит, орел-птица, хозяин тех мест, сразу поймет: себя не жалел, страху не имел, со всего своего духу за душой поспевал, себя рад отдать, только бы душу иметь, ну, значит, настигло тебя с этой душой. Надо тебе уважить, душу отдать. Ладно. Так-то вот, приехали на остров, а остров-то не простой. Кругом, куда ни глянешь,— вода, а на острове две великие сосны стоят, у третьей же макушка срублена и тут же у корней лежит.

Здесь рундук находится. На обрубе сосны — амбар серебряный, а в амбаре орел-птица живет. У того орла в утробе моя душа яйцом свернулась. Как достать яйцо, знаю только я. А ты говоришь — мою вожжу переступили! Переступай! Хоть пляши! Хэ-хэ...

— Ох, ох! — пуще прежнего болеет и охает Разнайке.— Ну,— говорит она,— значит моя болезнь потому, что через вожжу Талахке перешел плохой человек.

Талахке эти речи на смех подняла:

— Ха-ха, душа моя недалеко лежит, да глубоко, под угол дома закопана на сажень глубины! — и Талахке вышла из дома, на восточном углу его, топнула ногой.— Тут. Кому тут ходить?

Молода сидит, помалкивает, слушает да на ухо мотает. Пришла она в дом и легла на мех, на шкуры, отдохнуть.

Вот и работники из стада пришли. Им бы обогреться, холодным, подкормиться, голодным, а Тала их за дровами погнал,— на ночь-то глядя. Тех пастухов, которые дома дневали, он выгнал в стадо на всю ночь. Талахке сунула было каждому по куску мяса, но Тала накричал на нее и велел вернуть мясо, собакам выбросил, сказал:

— Будут жрать — волка упустят!

Так и ушли оии, иевеселые, подиевольиые.

Разиайке лежит, будто совсем расхворалась. Тала сам ей постелил, подушки взбил, одеялом укрыл и сказал ей:

— Отдыхай, молода, а потом будем спать!

Ночь прошла, работиики в стадо ушли, другие из стада вериулись. Надо и Тале идти по хозяйству. Взял ои палку, культалу, чтобы пастухов поколачивать, рукавицы и всякое, засобирался он, а молода его просит:

— Мие полегче стало, ты позволь-ко мне, Талушка, пойти ягоды собирать. Не бойся, я ие убегу. Ты посади меня иа вожжу и сбрую с колокольчиками иакиив. Колокольчики будут бреичать, а Талахке зиать, где я хожу...

Тала обиделся, иикак молоду не хочет по ягоды отпустить. Одиако Разиайке иа своем настояла. Тала нарядил ее в сбрую с колокольчиками, вожжой опоясал, коиец вожжи Талахке в руки отдал. Собрался и ушел к пастухам, к работиикам своим.

Разиайке вожжу с колокольчиками развесила по камиям да по кустикам, а сама побежала на мышиные земли, дальше далекого.

Ветер дует-подувает — вожжа мотается, колокольчики звеият, Талахке молодую стережет, а молодая уже давно убежала туда, где культала запрятаиа.

Достигла лодки иа первом озере мышиной земли, тут мышиных хвостов иахватала, в кармаи напихала, они клубками свернулись, одну мышку на нос лодки посадила — поехала; другую мышку на иос второй лодки, другого малого озёра, посадила — поехала; добра-

лась до великого озера — тут большой карбас стоит, перевернутый вверх дном. Она глядь туда, глядь сюда — где культала ухоронена? А та карбас подпирает! Она ее ногой вышибла, схватила и давай карбас в озеро загонять. Карбас в воду сполз — она в него прыгнула и поплыла. Разиайке культалу крепко держит, из рук не выпускает.

Карбас в пеструшкину землю ткнулся — тут мышей-пеструшек полно. Эти мышки не даются, головками дерутся, не пускают. Она и этих мышей наловила, в карман напихала, на первую лодочку, на самый нос ее, одну пеструшку поставила. Поплыли. Через второе озеро так же перебралась — лодка в берег ткнулась. Побежала до великого озера, тут на берегу карбас лежит вверх животом. Она его культалой стукнула, в воду загнала, и карбас поплыл по большому озеру. Вот и царство мышек-побегушек. Они без ума, без совести ее грызли. Разиайке устояла, все выдержала. В пять раз пачканный лесок не заходили. Поскорее она всех мышей искупала, сама окунулась, всполоснулась, и дальше поехали. Вот и остров стал виден. Кругом, куда ни глянешь, вода, а на острове две великие сосны стоят, у третьей-то сосны макушка срублена, на земле валяется, сухая; тут и рундук железный. На обрубе сосны построен амбар чистого серебра. Разиайке по рундуку культалой стук — рундук рассыпался. Там топор лежит. Она топор схватила, сучья на сухой вершине обрубила, сушину эту к амбару приставила и по сучьям, как по лесенке, в амбар взобралась. Там по полу ходит орел, золотой цепью к амбару прикованный. Клюв раскрыл, зашипел, крыльями затрепыхал, на Разиайке ходом пошел; она ему в глотку всех мышей комками

побросала. Орел напитался — закрыл глаз правый, зевнул, закрыл глаз левый, зевнул и заснул крепким сном. Он думал, что с ним шутки шутят, что это подружка Талы пришла, а Разиайке-то ему голову свернула, утробу рассекла, яйцо орлово добыла и запихала в карман. Тем же путем домой побежала. Все мыши, которые в лодках сидели по озерам, ее везли. К вечеру она была уже в доме Талы. Сбрую с колокольчиками надела, вожжу через плечо перекинула. Культалу у того угла спрятала, где Талахкина душа была зарыта. В дом вошла, все с себя скинула и на меха, на постели, легла отдохнуть. Устала.

Тут и Тала вернулся. Увидел Разиайке и говорит ей:

— А-а, молода, моя молодая пришла! Каково ягод собирала?— говорит ей Тала эти слова, а сам жалеет ее, что устала она, далеко ходивши! И он сам, своими руками, и кормил и поил ее. И вдруг заметил, что у нее подол платья озерным илом забрызган.

Он сказал ей:

— Не гоже в грязном платье быть... Скинь платье, женушка, скинь, я вымою сам, а то страшно будет со мною спать ложиться.

— Я сама себе платье постираю,— говорит ему Разиайке. И она попросила отпустить ее на двор да не обвязывать вожжой с колокольчиками.

— Я постираю платье, а ты тем часом сломай мою паньгу, тогда ночью мы ляжем спать вместе. Смотри, уж близится темное время!

Тала отпустил ее, не связывал вожжой с колокольчиками. Тала стал над паньгой трудиться, а Разиайке принесла воды, в котел ее налила, огонь развела и нача-

ла воду кипятить. А сама схватила культалу и давай ею Талахкину душу откапывать. А культала сама землю роет, сама Талахкино яйцо добывает. На дне ямы Разиайке нашла заячий мех, яйцо лежало под углом дома. Только коснулась Разиайке яйца, как Талахке заохала и застонала. Сначала невесть куда побежала, потом поползла, затем и вовсе слегла — еле-еле дышит. То Разиайке ее яйцо жмет и теснит, Талову же душу она поглаживает и пригревает рукой. Тале на душе весело, а Талахке стонет:

— Ах, сынок, ох, сынок, я вовсе усталая, ты кого это в дом привел? Ты злую женку привел, не она ли мою душу нашла? Вовсе мне плохо стало. Ох-хо, помираю! Ах, конец мой пришел.

А Тала на такие слова Талахке сердится, не дает в обиду свою Разиайке, не дает матери рот раскрыть и все еще со своей паньгою возится.

— Я,— говорит,— свою любимую, милую привел, поспеваю как бы с нею песни петь, как бы поскорее с нею в постелю лечь, а ты мешаешь, ничего не делаешь, валяешься да еще жалуешься, что неможется тебе, и на женочку мою наговариваешь. Делать тебе нечего, вот что! — И он ухватился зубами за паньгу, дернул и зуб сломал. Паньга осталась цела и невредима.

Разиайке тем временем стиркой занималась, свое платье мыла, а сама в костер все больше дров подкидывала. Огонь пылает — самый сильный жар дает. Вода вот-вот закипит.

И забурлил крутой кипяток. Разиайке опустила в котел орлиное яйцо с душой Талы, а потом и душу Талахке начала парить. Тут-то и Тала заохал, завзды-

хал, ослабел, совсем занемог. Руками по стенам дома шарпает. Разиайке смотрит на яйца, смотрит на дом, а крыша-то так и ходит ходуном. Все суставы в доме расшатались, дымник из дырок вышел. Как Тала вздохнет, то весь дом поднимается и ширится, как Тала дух выпускает, то крыша дома опадает и очаг в нем гаснет и дымит.

— Ох, ох, ох! — доносится из дома. А Разиайке знай дров подбрасывает; котел заклокотал пузырями — яйца лопнули. В последний раз вздохнул Тала, и — дух вон... кончился Тала этот.

Тут и Рухтнас вернулся. В двери дома заглянул — Талахке жива. И велел Рухтнас брату своему Кавраю (он посмелее был) убить эту бесполезную Талахке. Тала раньше помер, у него душа-то, вишь, не крепка была.

Рухтнас приказал созвать всех работников Талы. Он спросил у них:

— Хозяина у вас нет! Как вы будете жить?

— Мы не знаем, мы ничего не знаем! — ответили те подневольные души.

— Пусть ходят с нами, полно им у Талов маяться! — велел Рухтнас.

Все, что в амбарах у Талы было, все Рухтнас собрал, все увезли к себе и оленей угнали. Работники Таловы были рады жить у Рухтнаса.

И начал Рухтнас всех Талов выгонять за море. С тех пор больше Талов не стало.

Разиайке по-прежнему правит порядок в своем чуме и песни поет травам, ягелю рост дает, и золотое веретенце в руках ее вертится. То она в сторону юга завьет

его — олени по ветру на север потянутся, то завертит его на север — олени на юг поворачивают. А вокруг чума оленцы малые, пыжики, бегают и резвятся, играют и прыгают вокруг чума хозяюшки-матери их, Разиайке. То радость сердца ее, то ее песня:

Матерь-важенка деток пасет,
Матерь-важенка стадо ведет,
Матерь-важенка несмышленышей
Бережет.
Матерь-важенка спать повалится,
Да не спит она, все глядит она,
Не грозит ли где деткам маленьким
Вражья рать.
Вот и детки спят, и ребятки спят,
Ножки вытянув, лежат.
Солнце нежит их, пригревает их,
Детки малые спят, покоятся.
Только мать не спит,
Все кругом глядит,
Как мхи да травы растут,
Как ветры вольные несут
Березовых листочков дух,
И почек прель смолистую,
И сытный дух грибной,—
Несут из леса темного
По тундрам да по варакам.
И вновь встанет она —
Матерь-важенка,
И пойдет она, поведет она
Малых деток в кормные ягели.
А детки глупые,

Малютки пыжики,
Олешки безрогие —
Ушки черные,
Шкурки мягкие,
Ножки тонкие,—
Все идут за нею, бегут,
Хрустя своими копытцами.
Найдет матерь-важенка
Место кормное — тут останется.
Дети прыгают, дети кормятся,
Да на солнышке дети греются.
Ножки — вверх, ножки — вниз,
Рожки — стук, стук, стук!..
Разбежаться,
Лобик в лобик
Упереться,
Не сдаваться!
Разбежаться, пободаться...
Встать на дыбки!..
И опять
Матерь-важенка
Спать повалится.
И снова встанет она,
Пробудится она ото сна,
И пойдет она, поведет она,
Позовет, поманит деток маленьких
И найдет им ягельное
Место кормное
И пучек травы сытненькой,
Кустики с жирными почками,
Со сладкими корешочками.
И олешки малые,

Детки-пыжики,
Все играют, резвятся,
Рогами бренчат,
Норовят подраться.
И скачут и прыгают,
Копытцами стучат,
И бодаются рожками,
И кормные травушки щиплют,—
И идут и идут вслед за матерью...
Разиайке-матери — благо! *

ТАЛА-ОЛЕНЩИК

Жили старик со старухой. И родился у них сын. Сын вырос и говорит отцу-матери:

— Я жениться хочу... Вы уже старенькие, я хочу сам хозяйством заниматься. Благословите или нет жениться?

Отец-мать благословили его.

Сын молодую взял, женился. Молодая бойкая оказалась женочка.

Настало время охоты на диких оленей. Вот собрались они всем домом, уложились в кережи и поехали. Старики позади, молодой с молодою впереди. Едут. Они по суземкам следы высматривают, диких оленей ищут.

Ехали, ехали — вдруг им тропа легла поперек пути.

Что за тропа? В этих местах никаких таких троп отродясь не бывало! Остановились они, подозвали своих стариков.

— Какая такая тропа?— спрашивают.

Старики туда-сюда глядят, хвать — след, не наша нога, говорят.

Ну сейчас же раз, раз — оленей в кусты, сами под елку. Молодой на лесину взобрался, смотрит: где что видно?

Пригляделся: в лесах варака виднеется, от нее дымок курится.

Старик говорит:

— Там некому быть, там наши угодия!

Ладно. Где дым курится, там живая душа найдется. Поехали на дым.

Подъезжают к этому жилому месту, смотрят, а то не саамская вежа, то чум Талы стоит.

Какой он, этот Тала? Что за Тала?— спрашивают друг друга. Никто не знает.

Женочка говорит:

— Подождите-ка меня! Я посмотрю, кто там есть?

Распорола ножиком свои яры и в чум Талы вошла. Там сидит старушка — Талахке.

Поздоровалась женочка и говорит:

— Дай, бабушка-талакушка, твой корничек, надо мне в ярах дырку зашить.

Талахке дала этой женочке свой швейный корничек. Та взяла, открыла, а там, под крышку, человечьи пальцы вшиты. Она один палец выдернула, корничек вернула, а яры давай скоро-наскоро зашивать.

Талахке у нее спрашивает:

— Куда поезжаете, соседушки?

— А мы дикарей добываем,— отвечает женочка.

Талахке смотрит на нее, а у самой слюни текут, такая эта женочка мяконькая, жирная, румяная, как морошка-ягода. Талахке проглотила слюну и говорит ей сладким голосом:

— Оставайся, женочка, со мною, поди ко мне в чум, я дам тебе теплое место, кормить буду жирно и смачно. Оставайся, крутогузочка моя...

Ну, женочка знает, как сказать!

— Приду, приду, бабушка-талакушка, приду обязательно и всех своих приведу, только вот надо оленей поставить на корм. Я сейчас...— А сама прыг из чума да к мужу бегом. Все ему рассказала и показала мертвый палец.

Они поскорее отсюда прочь — назад, к людям.

Талахке сидит, ждет. Слушает-послушает — нет никого.

— Како их не слышно мне? Носом чую, ухом пусто.

Сидела-сидела, ждала-пождала — не утерпела, поднялась-таки, толстая, и вышла наружу.

Взглянула под руку — а нет никого, одни следы саней от чума в кусты уходят.

Тут она руками всплеснула и заревела на весь лес, да еще и в котлы забренчала:

— Ой, сыны ж вы мои, сыночки! Ох, и подьте, сыночки мои, к вашей матери скорей-поскорей.

Сыновья из леса примчались, спрашивают мать:

— Что случилось, чего ты, мать, испугалась, чего опечалилась, что потеряла? Зачем ты истошно, без ума, без памяти кричишь?

— Как не кричать? Как мне не кричать! Женочка была! В руках женочку держала, женочка жирна, гузка крутая, бока мяконьки, мясцо сладенько! Ай-ай, смачное мясцо убежало, а и как же мне тут не кричать, не плакать!

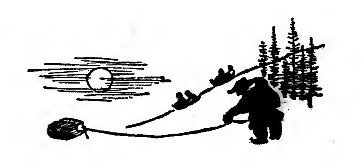
Ну, сыновья ей говорят:

— Никуда не уйдет твое вкусное мясцо! Тут оно будет!

Талахке села на пол и заплакала, а сыновья вышли да на оленей и давай ту женку догонять.

А им навстречу по дороге уже народ строем идет. Все на лыжах, и луки в руках, на сыновей Талахкиных стрелы направлены.

И открыли стрельбу, криком и шумом напугали сыновей Талахки. Они убежали в глухие леса, а мать свою толстую едва-едва уволокли с собой. Народ все, что было живого — овец, ручных песцов, и собак, и стадо оленей,— все взял под себя. С большим стадом оленей вернулись назад, в погост. Тут все стадо и все добро разделили между собою. Однако женочке выделили половину и отдали сполна.

ВЕЛИКИЙ КОЛДУН

Раз поздно вечером собрались мальчики и девочки кататься на санках. А матери не велят им кататься.

— Ребята, довольно вам играть. Луна взошла — пора домой. Вот уже Тала придет, он вас всех утащит к себе.

Однако ребята не послушались. Пошли кататься при луне. На горке светло, а что за горкой — о том они не думают. А Тала пучеглазый тут как тут.

Притаился в тени и говорит:

— Катайтесь, катайтесь, детки, а я вам чикум-бакушки устрою.

Вот ребята с горки покатились, Тала выскочил из-за камня и расставил поперек дороги большую кису — мешок из тюленьей кожи с костяными затворками.

Ребята в мешок вкатились и... гапрр... Затворки

щелкнули и заперлись. Суму, полную мальчиков и девочек, Тала вскинул на спину и пошел себе домой. Нес, нес и устал. Остановился, повесил мешок на сучок и сказал:

— Усните, детки, а я пойду за три-четыре озерка в пять раз пачканный лесок посидеть и отдохнуть.

И ушел.

Ну, ладно... Время идет. Тала где-то ходит, а ребята висят.

— Что будем делать?— шепнул один.

— Ик... Тала нас съест,— сказал другой.

Девочки заплакали.

Тогда самый маленький мальчик спрашивает у девочек, есть ли у них иголка с нитками и наперсток?

— Есть, есть,— ответили девочки и дали ему иголку с нитками и наперсток.

— Ладно,— сказал мальчик,— я складным ножом кису эту распорю, а вы даром время не теряйте, таскайте камни.

Мешок распороли, ребята выскочили и ну таскать камни и складывать в кису. Наложили ее полную камней, мальчонка в мешок прыгнул. Дети зашили его и убежали домой.

Мальчонка остался один и висел в мешке вместе с камнями.

Вернулся Тала и спрашивает:

— Есть ли вы тут? Все ли вы тут?

— Есть, есть, Тала, все мы тут,— ответил мальчик.

Тала взял кису, перекинул через плечо и пошел. Идет и кряхтит.

— Охо-хо-хо, тяжелехонько. Очень уж много ребят на обед мне попалось.

Едва-едва дотащился Тала до своего жилья. Пришел он к дому, поднялся на крышу, заглянул в дымовую дыру и крикнул своей хозяйке Талахке:

— Талахке, Талахке, дома ли ты?

— Дома я, дома,— ответила Талахке.

— Готовь большой котел, берестовый котел подставляй! Слишком много — ох! — очень уж много я принес мяса!

Талахке поскорей подвесила большой берестовый котел, влила воды, обхватила его обеими руками и держит.

— Готово! — кричит.— Спускай мясо!

Тала открыл кису, тряхнул раз, а из нее посыпались камни. Котел сорвался, пепел и дым поднялись столбом.

Талахке закричала:

— Ух ты старый пень! Апчхи! Весь котел, весь обед нам испортил... Пфу! Где тут мясо? Где тут парнишки? Где тут девчонки? Тут камни и больше нет ничего!

Тала не слушал, что кричала ему Талахке. Он думал, она кричит ему, что первый котел уже полон ребят.

Он крикнул ей в ответ:

— Давай побольше котел! Давай медный котел... подставляй знай.

Тряхнул он кису во второй раз... и мальчонка выпал. Талахке кричит своему старику:

— Довольно, хватит камни сыпать... Все мясо разбежалось, один мальчонка остался, да и тот, гляди, убежит.

А мальчонка, из кисы выпав, сел в сторонке, ножик свой в руке зажал и ждет — что дальше будет?

Тала опустился с крыши, в дом вошел, ущипнул парнишку за бочок и сказал:

— Хм! Это будет жирное мясо, мня, мня. Иди-ка ты, парнишка, в лес да выбери поскорее такой вертел, чтобы тебе вкуснее было жариться нам на обед.

Мальчонка сбегал в лес, вырубил вертел и подал Тале. Поглядел, пучеглазый, и сказал:

— Мня, мня... этот вертел не годится. Посмотри, Талахке, каков этот вертел?

Талахке понюхала палочку и выбросила ее за двери.

— Вовсе негодный вертел. Подай другой...

Мальчонка выскочил на улицу, принес тот же вертел и подал Тале.

— Этот вертел еще хуже... Талахке, он не хочет на своем вертеле жариться... Ладно, поедем, Талахке, сами, поедем за три-четыре озерка, в пять раз пачканный лесок, там я видел очень хороший вертел.

Талахке согласилась. Уходя, она сказала мальчику:

— Оставайся тут и качай нашего Талашку, чтобы он не плакал, не кричал.

Уехали Тала и Талахке.

Мальчонка принялся качать люльку с Талашкой. Талашка кричит, а мальчонка люльку качает. Качнет вправо — стук об стену, качнет влево — стук об стену. Так он качал люльку, пока Талашка не замолк.

Тогда мальчонка запихал Талашку на самое дно люльки, поверх положил обгорелую головешку, а сам собрал все свои камни в кучу, сел на нее и принялся ждать.

Вот вернулись Талы. Заглянула Талахке в люльку и ахнула:

— Ох, си-су-у-у! Он нашего Талашку изжарил — одна лишь головешка осталась!

Тут-то Талы рассердились. Схватили по большущему ножу и давай их точить.

— Я этому мальчонке голову снесу! — кричит Тала и чирк ножом по камню.

— Я его зажарю! — кричит Талахке и чирк, чирк ножиком по камню.

Однако мальчик время не терял. Он схватил свой ножичек и тоже начал точить его на камне; точит нож парнишка, а сам бормочет, сначала тихо, а потом все громче да громче:

— Мой отец большой колдун, моя мать большая колдунья, и мой дядя колдун, и мой дедка колдун, и моя тетка колдунья, и моя бабка колдунья, и я сам — великий колдун! — вдруг крикнул он да ка-ак чиркнет ножиком по камню — искры так и посыпались.

Талашка проснулся и заревел во все горло.

Тала испугался и начал плакать:

— Ох! Да пропала же моя головушка!

Талахке с перепугу затопала ногами на своего старика.

— Старый пень, убирайся со своим мальчишкой-колдуном! Неси его туда, откуда притащил.

Тала запихал парнишку в мешок и пустился что было мочи наутек от своей Талахке.

Бежит, бежит, устанет — остановится, только сядет отдохнуть и пот утереть, а мальчик ка-ак крикнет из мешка:

— Мой отец большой колдун, моя мать большая колдунья! И я сам великий колдун!

Тут уж Тала вприскочку пустится бежать. Вот до-

нес он мальчишку до той дороги, где дрова возят, и говорит:

— Ну, теперь, паренек, иди сам, сам уж иди...

А тот ему в ответ:

— Ну, нет, нет, Тала, я не знаю,— говорит,— дороги.— А сам знает лучше, чем Тала.

Тала пуще прежнего бежит, через кочки скачет. И вот донес до родника.

— Ну, поди теперь, детка, тихохонько, тихохонько, не шуми, а то мою золотую голову погубишь.

Паренек ему в ответ:

— Мой отец большой колдун, моя мать большая колдунья, и я сам великий колдун!.. Не знаю, Тала, нет, нет, ничего не знаю!

Тала опять побежал, к самому дому отца парнишки, принес он его к самым дверям.

Но мальчик твердит свое:

— Не знаю, не знаю, мой отец большой колдун, моя мать большая колдунья, я и сам колдун великий! — и представляется, будто сам не может двери открыть.

Талушка в сени вошел, а мальчишка твердит свое.

— Не знаю,— говорит,— ничего не знаю, Тала, ничего.

Тала ему говорит:

— Тише, тише, детка, не погуби ты мою голову...

А тот кричит во все горло, чтобы отец-мать услышали:

— Не знаю, Тала, ничего не знаю... Я великий, самый сильный колдун!

Тала поскорей двери открыл, бросил парнишку на дрова у входа и крикнул:

— Возьмите вашего колдуна-мальчишку, возьмите

обратно,— не убил я его и не съел, живого принес, возьмите как есть.

Тут отец и мать мальчонки и вся его родня из вежи выскочили, схватили Талу и связали.

— Ага, трусливый Тала, попался! Ну, теперь говори, что нам с тобой делать? Как тебя казнить за то, что ты наших детей из погоста таскаешь?

Тала заплакал и сказал:

— Мня, мня... Меня, Талу, отпустите, а я вам открою, что нужно делать, чтобы ребят у вас не таскали.

Развязали Талу, и он сказал:

— Детям вашим при луне на санках не кататься! Мальчикам дома сидеть — в еловые шишки играть, чтобы умели хорошо считать, а девочкам нитки сучить и еловую смолу жевать — будут у них зубки белые. Это сказал я, Тала, это правда.

Талу отпустили, и он убежал к своим Талахке и к Талашке. И никогда больше он в тот погост не заглядывал и чужих ребят не таскал, потому что с тех пор в том погосте дети поздно вечером при луне ни разу не катались.

Этот Тала был медведь, Талахке — медведиха, а Талашка — просто медвежонок.

Всё.

ИВАНУШКА И ВЕРНАЯ СОБАЧКА

У одной старушки было семь дочерей, а восьмой был сын Иванушка. Братец Иванушка любил всех своих сестриц, а еще он любил свою верную собачку. А братца Иванушку любили только шесть сестриц. Седьмая сестренка никого не любила. Она любила только себя.

Однажды все сидели у огня, вдруг услышали: в лесу Талахке мохнатая ходит. Она учуяла запах людей, подобралась к веже поближе, подняла нос кверху.

— Мальчишкой пахнет,— сказала и подошла еще ближе. Дверь дергает, хочет войти и взять себе мальчика Иванушку.

Собачка залаяла:

— Тяв, тяв, тяв, покуда моя головушка цела, никому не отдам нашего Иванушку. Г-а-в!

Талахке собаку услышала и отошла. Однако же вернулась, охота ей Иванушку добыть. Пришла и тихонечко у двери стучит:

— Тук, тук, тук, отдайте мне восьмого вашего, Иванушку, с пустолаечкой. Не дадите — плохо будет!

Тут-то собачка как залает:

— Гав, гав, гав... покуда жива, никому не отдам восьмого, моего Иванушку. Г-а-в! Г-а-в!

Талахке испугалась и убежала.

Однако вернулась: в третий раз подкралась Талахке. В двери постучала и сказала человеческим голосом:

— Отдайте мне Иванушку, а собачку не надо,— а сама уж в вежу ломится.

Шесть девочек в меха постельные упрятались, а седьмая девчонка — прыг с постели и двери открыла: пусть Талахке Иванушку возьмет.

Не успела Талахке в двери войти и схватить Иванушку, как закричала старушка страшным голосом:

— Киш, киш, киш, убирайся, Талахке, на улицу...

Тут-то собачка зарычала и бросилась на Талахке:

— Р-рр-рр... Г-а-в! Г-а-в! Г-а-в!

Отстояла собачка Иванушку, попятилась Талахке, схватила седьмую девчонку и убежала из сеней.

Собачка их обоих выгнала вон, а Талахке ту девочку запихала в мешок, перебросила через плечо и пошла к себе домой.

ТАЛА И «САЛЬНА БАБА»

Тала жил один. Жил, жил, и стало ему скучно. Он пошел в люди, нашел девицу, украл ее, домой принес и в свою вежу посадил. Ну, и стали они жить.

Жили, жили, и вздумал Тала на охоту ходить. Один раз он вернулся с охоты и принес «сальну бабу»,— то ли это была тюлениха толстая-претолстая, то ли жирная, сальная баба... Кто знает? А только Тала ее разделал, словно дикого оленя, и внес в вежу.

— Ты,— говорит,— молода, поди,— говорит,— принеси воды. Я достал «сальну бабу», будем мясо варить и жарить.

Молодая идет за водой, а сама себе говорит:

— Как такое мясо есть? Я не буду этакое мясо есть,— и сказала:— Убегу...

Взяла чурку, одела ее в свою шубку, чурку поставила около колодца и ведро сюда же сунула, будто она воду черпает.

Ну, а сама побежала, домой, к людям побежала.

Талушка сидит, ждет, когда молодая воду принесет! В двери глянет — молодая все еще воду черпает. Вышел он на улицу, к колодцу подошел. Ан то не его молодушка воду берет, а то чурка в шубке сидит.

Тут-то Талушка своему богу взмолился:

— Ох, давай же мне, боже, снегу, чтобы по колено снегу было!

Ну, бог ему снегу дал. Подвалило снегу. Тала на лыжи встал и побежал самой скорой ходой за своей молодухой.

Ну, молодая-то бежит, до того бежит, что грудь распахнулась и пар идет. А Тала ее догоняет, вот-вот схватит! Об одном только просит, чтобы снегу поболее навалило.

И навалило снегу до самого пупа. Теперь молодой идти не ходко. Видит она, что Тала совсем уже близко от нее. Она из последних сил бежит, не сдается.

Ну, однако, Тала догнал молодушку, схватил ее, перекинул через плечо и принес домой в свою вежушку.

Принес. Вернул домой.

— Ну, теперь,— говорит,— я тебе больше никогда не поверю. Буду сам за водой ходить!

Ну, и стали жить. Тала сам за водой ходит. Один день ходил, другой день за водой ходил. Три дня сам за водой ходил.

Тала ведь медведь, мужик он, ну где же Тале за водой ходить? Где это видано? Стала молодая за водой ходить.

Ну, и жили они так, поживали. Больше молода не бегала, и век так живут.

Ну, и сказка вся.

ВЫГАХКЕ

Жили муж с женой. Не старые были люди. И родилось у них два мальчика. Одному положили имя Рыдласт, а другого назвали Оллий. Мальчики росли хорошо, жили дружно. Однажды отец-мати пошли в лес на охоту. Заблудились они в лесу и не вернулись домой.

Мальчики ждали, ждали отца с матерью и не могли дождаться. Оказались они в пустыне — никого кругом нет: ни родных, ни соседей и никакого другого народа.

Говорит Рыдласт:

— Пойдем, Оллий, искать народ, надо нам каких-нибудь людей найти!

Оллий согласен.

— Снасть пропала, хлеба нету, сети прогнили — чем будем рыбу ловить? Чем будем жить? Пойдем, Рыдласт, пойдем искать народ!

Надели они свои одежды меховые, чтобы не замерзнуть, и пошли.

Ходили они, бродили по лесам, по варакам, бегали по лужайкам, гонялись за куропатками, питались травами и ягодами. С одной лесной горки перебегали на другую, более высокую, все высматривали, где бы дорогу заметить, где вьется дымок, где вежа стоит? Где народ живет? Из боровых темных лесов выходили на кустарники, на озера, на речки выходили, а все в лесу пусто — нет никакого жилья.

И вдруг с одной горки заметили: дым над лесом курится. Побежали они на тот дымок и вышли прямо к веже. Тихонько подобрались и двери открыли.

В веже сидела женщина и качала дитя в люльке; завидела она мальчиков и спросила их:

— Вы куда, детки, отправились?

— Мы пришли к тебе жить. Наши отец-мати умерли, возьми нас к себе.

Взяла она их жить, напоила их, накормила, спать уложила, утром встала и спрашивает:

— Ну, а что вы можете делать?

— Мы все можем,— отвечают они храбро.

Рыдласт говорит, что он умеет куропаток добывать, Оллий может и тесто месить, и детей качать.

— Вот какие хорошие работнички мне достались,— сказала хозяйка,— ну, делай каждый что знает, все будет хорошо.

А сама пошла в лес за дровами.

Ребята задомовничали.

Оллий растопил печку, придвинул к ней дежку с тестом, люльку с дитем поместил поближе к дежке и к печке, чтобы было тепло. И за тестом он смотрит, и

люльку качает; все дела идут хорошо! Рыдласт вернулся, принес куропаток, и даже еще живых. Он сказал:

— Она велела маленькую мыть!

— Мыть так мыть,— сказал Оллий, принес воды и поставил ее кипятиться.

— А как мы будем маленькую мыть?— спрашивает Рыдласт.

Ну, Олий все знает, он это дело сделает просто:

— Положи мыло в кипяток, а потом будем мыть!

— Мыть так мыть,— сказал Оллий и засучил один рукав.

Положили они в котел мыло. Вода закипела — мыло начало вариться.

— Варится мыло?— спрашивает Оллий.

— Варится, ух как хорошо варится! А пузыри-то какие! Красивые — смотри-ка!

— Готово ли мыло?— кричит Оллий.

— Мыло готово, кипит, все сварилось.

— Подавай маленькую! — приказывает Оллий.

Тут квашня запыхтела, тесто через край полезло.

— Смотри, тесто бежит! — кричит Рыдласт.

— Ничего, не убежит,— отвечает Оллий,— поспеем и мыть и тесто месить,— и засучил другой рукав.

— Мыть так мыть.— И Оллий взял маленькую в левую руку, а та заплакала. Оллий на пузыри загляделся, правую руку отдернул да локтем квашню с тестом столкнул, маленькую уронил. Квашня задела котел, кипяток вылился в огонь, в пепел. Загремело, зашипело, забулькало... В темноте дым красный поднялся, куропатки всполошились, по всей веже запорхали. Тесто по полу плывет и кругом маленькую

облепило, ей стало тепло— онз замолчала и глззз закрыла.

Рыдласт и Оллий испугались, думали, что они маленькой сделали плохо. Рыдласт посмотрел на дитятку, а у ней и глазки закрыты.

— Нийди йяммий! — вскричал он.— Девчонка-то померла!

— Бежим!

— Бежим!

Выскочили они из вежи и припустились бежать куда глаза глядят.

Вернулась мать с дровами. Аҳнула, когда увидела, что натворили ребята. Она к маленькой,— та спит себе в тесте.

Вот она вынула девочку из теста, в доме все в порядок привела, куропаток сварила и стала поджидать мальчиков; ну, а мальчишек-то и след простыл.

На память об этих мальчишках она назвала свою дочку «Девочка из хлеба» — Лейпенийди.

Мальчики ходили, ходили по земле родимой, кружили и по лесам и вокруг озер, а не могли найти народу, не нашли они живых людей.

А пришла им под ноги высокая земля. Чем больше они идут по ней, тем выше вздымается эта земля. И таково-то земля была высока, что перевалили они ее, и поднялись тут ветры со свистом, подняло ребят на воздух и опустило глубоко в земле; высокая земля заслонила им солнце.

Открылась другая земля. И леса те же, и озера те же, и реки те же, все то же,— а не то, не как дома эта земля. Ну, и попали они в эту землю нездешнюю, и вы-

шли на дорогу. Они по дороге пошли, и нет-нет стал им видеться издалека большой дом.

В этом доме ребяток малых полно, одна девка при них за старшую. Ребята не простые — все в шерстке, носы рыльцем, а глазенки смотрят злые-презлые. Каждый выглядывает из ячейки, как из клетки. Девка по ним ходит почем зря — и по головам, и по носам, а они ничего. Девка ходит по ним, кормит их, а сама слезами обливается.

А кругом-то, кругом — на стенах дома, на тычках, на столбах да на сухих соснах и елках, на иглах и спицах — воткнутые висят и звери разные, и козявки, и рыбы, и человеки, и отдельные руки и ноги,— страсть.

Рыдласт спрашивает эту девицу:

— Вы какие есть народы?

— Мы выгахки — вот какие мы народы. А дом это самой Выгахки. Настоящая, самая злая Выгахка тут она и есть. Кого найдет, того и сожрет, кто ей не люб — того и грызет и поедом сожрет, а не то так впрок заготовит, на тычок посадит и уж как-нибудь да изведет. Вот посмотри — сам видишь. Тут и ваша судьба — вон на тех тычках пришпилит вас Выгахке! А вы-то какие народы будете? Вы что за простаки, сюда забрались на свою погибель?— Потянула воздух ноздрями: нюх, нюх... русским духом пахнет.— Плохо ваше дело! Вы, однако, не робейте и меня не бойтесь — я тоже человечья. Я из мудреных лесов, и девка я сильно знающая — не хуже самой Выгахке понимаю. Ну, только я против нее не имею силы, пока не придет за мною мой человек.

Тут загудело, засвистело, тьма наступила... Сама Выгахке прилетела. Девка скорее Рыдласта и Оллия

обратила в черенки, спрятала их в сундук, а сама встречает Выгахке.

Налетела Выгахке, захухукала, зафыркала:

— Ху, ху, ху... како тут руським духом пахнет! — и носом, носом шасть туда, шасть сюда, шарит по всем углам, горбатая, нюхает, фыркает, чихает и бранится, как это сюда, к ней в дом, русский дух попал.

— Руський дух мне покою не дает, одно чиханье от него и беспокойство,— говорит.

Ну, а девка-то сидит на сундуке, где мальчишки в черенках спрятаны, и говорит:

— Ты, Выгахке, низко летала, каких-нибудь русских девчонок и мальчишек жрала без меры, без удержу, оттого ты русского духу набралась — вот у тебя в носу русской-то дух щекочет...

А Выгахке ей в ответ:

— Го, го, го,— конечно, я низко летала, конечно, я девчонок и мальчишек потребляла. Я сегодня их наглоталась — охо-хо... Вот только двое мальчишек мимо носа моего куда-то улетели, а то всех, всех, всех поела, апчхи... Не люблю, чтобы близко от моего дома руським духом пахло, чтобы ходили тут да чужую воню пускали вокруг моего дома. На что это похоже!..

И опять начала по всему дому шмыгать и вынюхивать, откуда русским духом несет... То на задние лапы станет, то на стену пялится, то присядет... Сама-то рябая, мохнатая и горбатая,— по-русски сказать, настоящая кикимора.

Девка поставила котлы воды и принялась варить детям обед, а сама всех выгахкят выпустила и наладила им игру самим с собою играть, тут же и Выгахке спать уложила.

Выгахке заснула. Девка из сундука черепки достала, дунула, плюнула, и стали два черепка двумя мальчиками — опять Рыдласт и Оллий стоят перед ней.

Она их напоила, и накормила, и научила, как им из Выгахкиной земли выбраться. Взяла два кусочка кожи, вырезала из них двух оленей — и с ногами и с рогами, опять дунула, опять плюнула, и стали кусочки кожи двумя оленями с седлами и с сумками. Она сейчас же нагрузила эти сумки медным камнем, и свинцом, и деньгами. Денег у Выгахке видимо-невидимо, а свинцу и медного камня еще того больше. Мальчики стали звать эту девицу с собой в люди ехать, но она сказала:

— За мною придет мой человек, он не будет бояться Выгахке, он выручит меня из злой неволи,— а сама посмотрела на Рыдласта. А Рыдласт — мальчишка, чего он понимает.

Тут она пособила ребятам погрузиться на оленей. Свистнула, и олени с мальчиками умчались и прямо оказались около родной вежи.

А девушка пошла в дом Выгахке и плакала горючими слезами одна.

Рыдласт и Оллий думали, что у Выгахке они один день черепками лежали, а теперь, поднявшись с земли, они увидели друг друга на пять лет старше. Каждому было по десять лет. Поглядели они друг на друга и сказали:

— Пойдем отца-мати искать.

И пошли они отца-мать искать, но уже не одни, а каждый вел своего оленя, а на олене-то олово и медный камень.

И опять они ходят по лесам да по горушкам, ищут себе отца и матери. Долго ходили они, и вдруг среди ночи на них дымом пахнуло. Дымом пахнуло, и вдали огонек завиднелся. Мальчики пошли на свет и вышли к озеру. На том озере остров, на острове вежа стоит.

В веже сидит бабушка одна-одинешенька. Она спрашивает у мальчиков:

— Это куда же вы путешествуете двое-то, малые?

Ну, а парнишки ей отвечают:

— Мы идем к тебе, бабушка, жить. Наши отец-мати умерли. Возьмите нас к себе.

Старушка им так сказала:

— Дочерей у меня нет, сыновей у меня нет, я живу одна. Если у вас нет отца и матери, будьте мне сынами.

Мальчики остались жить у этой старушки.

— А делать вы что умеете?— спросила она.

— Мы ничего не умеем,— ответили они по совести.

— Ну, это не беда; лучше ничего не уметь и учиться, чем браться за дело, ничего не зная,— сказала бабушка,— я научу вас уму-разуму.

С двумя оленями и с двумя сыновьями-работниками бабушка скоро наладила хозяйство своей вежушки.

И вот пришло время, и мальчики стали взрослыми парнями. Бабушка научила их и порядку в доме, и как за ловушками ухаживать, и как пасти оленей, и стали они знаменитыми промышлёниками на морского зверя, на дикого оленя и на пушных зверей,— везде они первые охотники и пастухи знатные.

И пришло им время жениться. Рыдласт, старший, поехал в Землю Выгахке, он выручил от злой Кикиморы свою девушку. Она ему стала верной женой. А Оллий нашел ту вежушку, где они девочку в тесте

купали. Он женился на «Хлебной девочке», и они очень любили друг друга.

Рыдласт и Оллий отвезли в соседний город свинец, и медный камень, и деньги, а взамен привезли себе новые избушки и построили их на этом острове. Старая вежа совсем развалилась. Бабушкин век кончился. Поднялись ее сыны. Вокруг новых избушек уже играют маленькие внуки. Тут и дети Рыдласта и девушки от Выгахке, дети Оллия и «Девушки из хлеба».

Так, сказывают, завелось жительство на нашем острове.

РАВК

или старик со старухой. У них было три дочери да сыновей сколько-то. Старик помер и старуху взял с собой. А дочек не мог забрать — у них зубы целые. Его сила их не берет. Стариков схоронили, а того не заметили, что старуха не сама померла, а старик ее силком взял. Еретник он был.

Остались девицы одни. Вот две ушли к соседям в гости, за озеро, а третья осталась дома. Стало ей скучно — она и заплакала. Чего больше делать? И так она скучала, что проплакала весь день, да и до самого вечера.

Темно стало. Слышит, идет кто-то; ступает одной ногой. Гулко идет, из-за горы.

— Не плачь, дева, не плачь, скоро я приду, скоро...— Обрадовалась девица, двери оставила пóлы, само-

вар согрела, питенье-еденье на стол выметала и дожидается того.

Вдруг идет. Взошел — и прямо за стол.

— Давай, дева, пить скорее, подавай мне есть.

Ну, она его стала поить-кормить. Хвать-похвать, хлеба кладет-не кладет — он все съедает. Стало нечем гостя кормить. А он одно твердит:

— Ма-ало, ма-ало, подай мне пить, подай мне порри, — пищи просит.

Беда! Обшарила девка все кисы, и кадушки, и сани. Все пусто.

— Нету, — говорит, — что было, ты все прикончил!

Человек вскочил и девку съел. Только ножки оставил.

Вернулись сестры домой, видят они — сестрины ножки лежат: чулочки пестры, канежки востры.

Ну, что делать? Сестру схоронили, поплакали и стали жить. Жили, жили, и довелось одного дня средней сестре оставаться дома, братья и сестра ушли. Сидела она, сидела, и до того ей тоскливо стало, что заплакала она и проплакала до самой до ночи.

Тут ей ветром голос наносит:

— Иду я, скоро я буду, скоро. Не плачь, дева.

И, слышно, идет. Одной ногой ступает то там, то здесь, гулко таково — туп, туп. Обрадовалась дева: думает, гости к ней идут. Вот она стол как следует направила, скатерть берестовую постелила. Ждет.

Вдруг вошел человек — пить-есть просит как ни можно скорей. Девка давай поить и кормить. Что было — все скормила. Ничего уже не стало, а тот рот с железными зубами разевает, глазищами девку жрет, одно говорит:

— Ма-ало, ма-ало, подавай мне порри.

Чего девке делать? Она отвечает:

— Йм, йм — больше нету, нечем тебя поить-кормить!

— Я тебя съем! — И... хамкнул. От той девицы одни ножки остались. Сам ушел прочь.

Остались на свете жить братья да сестрица. Ну, и опять случилось так, что довелось девице одной караулить. Братья ушли за оленями в дальние кегоры.

Младшая девка была бойка, она не сидела, не плакала. С утра стала запасать побольше воды: каждый ушат, каждую посудину, каждую чашку налила водой, дров наносила полну тупу, горячих камней наготовила и собачку к себе приютила.

Ну, стемнело — ночь заводиться стала. Вызвездило. Сполохи по небу пошли. Девка не робеет. Она огонь развела, котел с водой поставила, камни раскалила. Готовит кипятку.

Вдруг слышит: дрожит земля, гулко камни хрупают — идет тяжелая нога. К двери пришел — двери заложены.

— А,— говорит,— хороша лебедка, да бяля тут! — Это значит — собака тут.

Девка не робеет — знает: ему собачий дух ходу в дверь не даст. Тут он вокруг дома обошел — шарпает когтями по стенам, зубами грызет, то за угол хватит и начал стену грызть. Грыз-грыз, грыз-грыз — глаза показались. Смотрит на девку, а сам грызет что есть силы, только щепки сыплются.

Стала девица его кипятком обливать; а уж самой страшно. Тот все грызет и грызет, когтями дыру ширит, на девку зарится.

Грыз-грыз, грыз-грыз — голова показалась. Тут его собака стала кусать, да он на то не смотрит, знай стенку грызет.

Грыз-грыз, грыз-грыз — руку просунул, девку хватает, а не достать еще. Он того пуще грызет. Девка спешит и водой и камнями калеными его донимает, собачка ему голову грызет.

Грыз-грыз, грыз-грыз, последнюю щепку как дернет — и вскочил в избу, да задом-то за ту щепу и зацепился.

Тут зорька заиграла. Свет в избу вошел.

Равк не смог шевелиться: лег пластом.

Когда рассвело, девка к жителям убежала и рассказала все.

— Вот так-то и так-то,— сказывает,— еретник меня чуть-чуть не съел. Я от него отбивалась и кипятком, и камнями, и собака-то грызла, а отбиться не могла. Свет пришел, и он не смог шевелиться.

Жители пришли, вырезали спицу из вереса, загнали ее между лопатками Равка и сожгли его огнем. Равк он был, настоящий Равк.

ОЛЕШКА ЗОЛОТЫЕ РОЖКИ

Сделал старик человека из глины. Поставил его против окошка, а сам вошел в дом. Он сказал своей старухе:

— Посмотри, какого я сделал глиняшку!

Старуха глянула в окно, а глиняшка-то ожил и в дом идет.

Закричала старая:

— Ой, ой-ой, что ты, старик, наделал? Он нас съест!

И вдруг слышат: туп-туп, туп-туп... Идет! В сени вошел! Глиняшка двери открыл и смотрит: что тут делается? Старик сидит — сети вяжет, старушка старые починяет да обед варит. Ага! Глиняшка рот раскрыл. Гам! — и проглотил он старика и старушку. Съел их обоих и с руками, и с ногами, и с сетями, и с горшками, и с обедом вместе.

Глотнул и пошел на улицу. Смотрит: идут девушки за водой — одна ушат несет, другая с коромыслом идет. Ага-а! Глиняшка рот раскрыл. Гам! — и съел их обеих и с ушатом и с коромыслом вместе и пошел дальше.

Шел, шел, смотрит: три старухи по ягоды пошли. Ага! Глиняшка рот растянул. Гам! — и съел трех старух сразу и с ягодами и с корзинками.

Почесался и пошел себе дальше.

Шел, шел, глядь, у реки трое рыбаков лодку чинят. Ага! Глиняшка рот пошире растянул. Гам! — и проглотил он и трех рыбаков, и лодку их, и всю реку их выпил. Вздохнул. И пошел себе дальше.

Шел, шел, смотрит: трое молодцов с топорами строят новый дом.

Остановился Глиняшка, еще шире рот раззявил и проглотил он молодцов и с топорами, и с досками, и с бревнами, и с гвоздями, и весь дом целиком и пошел себе дальше.

Шел, шел, вдруг видит: на горе олень кричит.

— Ага! — И говорит он оленю: — Эге-ге! Эй, ты, там, на горе! Стой-постой, я тебя съем! — Рот раскрыл и пошел в гору, а олень ему кричит:

— Э, Глиняшка! Зачем тебе в гору подниматься? Стой под горой да рот пошире открой-ка, я сам к тебе прямо в пасть твою прыгну.

Глиняшка и рад.

— Гы-гы-гы,— засмеялся.

Вот он под горою встал. Растянул рот шире ушей и смотрит, как олень к нему в рот побежит...

Олень разбежался да ка-а-ак прыгнул с горы — рогами Глиняшке прямо в живот ударил.

— Трах!!!

Глиняшка треснул и развалился. И побежали все:
и старик со старухой — домой,
и девки с ушатом и коромыслом — за водой,
три старухи — по ягоды пошли,
рыбаки поплыли в лодке по реке,
молодцы застучали топорами по новому дому.

А олень-то вокруг всех бегает, гордится, рогами красуется.

Тут девушки оленя изловили,
молодцы золота принесли,
мужики ему рога позолотили.

И стал олень — Олешка Золотые Рожки!

ЧАКЛИ

Недалеко от города Колы жили старик со старухой. Детей у них не было. Старик охотился, а старуха управлялась дома.

Однажды ходил старик по лесу и вдруг заметил, что между корнями одной старой-престарой ели дымок курится. Подошел он ближе, смотрит: дыра в земле. Он лег на мох и опустил голову в дырку: что там такое? Что там делается?

И видит: там, под землею, житье такое же, как и у нас, саамов: погосты стоят — одни в лесу, другие у моря, пастухи оленей пасут, рыбаки рыбу ловят. В погостах вежи-шалаши из тесаных досок такие же, сверху берестой и дерном покрыты, стоят как положено, в два ряда. В вежи люди входят и выходят из них, и детишки по улицам бегают. Вон бабенка выскочила из одной вежи и бежит к себе домой, в руках у нее головешка дымит, искры сыплются — это женщина заняла у сосед-

ки огня, надо ей распалить огонь в очаге своего дома. Какой-то мужичок учит своего оленя кережу возить. Кережа такая же, как и у саамов, словно лодочка, на лыжный полоз поставленная. Там, еще подальше, пастух гонит стадо оленей; в речке девушки белье полощут. Все там, под землей, как у людей, а не люди. Какой-то человечек вышел из вежи: ружье на плече, собачоночка на шнурке сзади бежит; ружье-то кремневое, старинное — гремяхой называется. Это он на охоту пошел. Только сам-то уж очень маленький, а собачка его и того меньше. Да и домик-то его крохотный.

Смотрит: детишки собрались у лесины и лезут по ней вверх, к нему, на землю. Старик назад подался. Притаился за елкой и стал ждать: что дальше будет?

И вот из-под земли вышли маленькие детки, головки большие, глазки как щелочки на березовой коре, на тоненьких ножках пребольшущие каньги, белые, из оленьего меха, с носками, загнутыми вверх. Сами-то собой ребятки ядреные, только очень уж толстозадые.

«Вот чудо,— думает старик,— это чакли! Подземные жители!»

Детки эти вышли на свет, на верх земли, и давай играть. И прыгают-то они, и кувыркаются, и друг друга передразнивают, и все-то смеются они, весело хихикают и заливаются от смеха, словно их кто-нибудь щекочет под мышками.

Умильно старику смотреть, какие эти чакли веселые да забавные. Своих-то детей у него нету, вот он и этим бесеняткам рад, любуется ими. А они, словно маленькие белочки, играют и резвятся на мхе, под елью.

Старик загляделся на них, да и задумался. Вернулся он домой и сказал старухе своей:

— Сшей-ка ты мне большую каньгу, да обору к ней привяжи.

Сшила старуха большую каньгу и подвязала к ней обору. Старик добавил к ней еще длинную веревку.

Взял он эту каньгу и пошел на то место, где чаклей видел. Подбросил каньгу поближе к дыре и стал поджидать: что будет?

Свечерело. Как только солнышко осветило последними лучами вершины деревьев, из дыры в земле выбежали эти ребятишки и начали играть. Один из них увидел каньгу и давай с нею возиться: то на себя оденет, то прыгнет через нее, то кувыркнется вместе с нею, наконец заправил обе ноги в каньгу, да еще и оборой вокруг обмотался.

Тут старик дернул за веревку и крикнул. Все ребята в дырку попрыгали, а тот, который в каньге был, упал и остался лежать на боку.

Старик поднял его. Освободил от каньги, взял на руки и спрашивает:

— Как тебя зовут?

Дите это смотрит старику в глаза, смеется и тоже спрашивает:

— Зовут тебя как?

— Ярасим,— отвечает старик,— Ярашкой тоже.

— Тоже Ярашкой, Ярасим,— повторяет чакли и заливается, смеется.

И назвал старик веселого найденыша своим именем — Ярашкой.

— Ну, теперь пойдем, Ярасим, домой.

— Домой, Ярасим, пойдем теперь? Ну?— повторяет чакли.

Принес он парнишку домой и говорит жене:

— Не было у нас детей,— вот тебе сын.

Ярашка повторяет вслед за отцом:

— Сын тебе вот, детей у нас не было, вот тебе сын.

Старуха обрадовалась. Ну и стали жить да поживать. И все бы хорошо, да одна беда: что ни скажет ему отец или мать, он все слова передразнивает и все смеется. Смеется, заливается от смеха — такой веселый чакли попался.

И весь разговор с ним такой:

— Ярашка, пойдем обедать! — скажут ему.

— Обедать пойдем, Ярашка,— отвечает.

Ну, однако, попривыкли и ладно зажили. Он и в работе был такой же — что бы ни делали, он все передразнивал. Бывало, и плохо кончалось.

Раз пошла мать сети чинить и взяла с собой Ярашку. Дала ему ножичек и челнок с пряжей, сказала:

— Вырезай рванье, а на место старого новые ячейки вяжи.

Ну, показала она все, как следует делать, и начали они работать. Мать чинит быстро: рвань долой, а на место дырки челноком раз, раз, и сетка готова, как новенькая. А чакли смотрит, что мать руками делает, так же и он ножичком раз, раз порвал сети, челноком раз, раз — в сетях новые дырки, больше прежних. Все сети порвал, а сам смеется, заливается, хихикает. Ну чего он хихикает? Ему, вишь, не работа, а забава.

Старуха разозлилась и прогнала его. Кричит старику:

— Забирай чаклю, куда хочешь! Неси его в ямку, откуда взял, а сети ему не чинивать!

Но и тут беда. Мать гонит его от сетей, а он на нее наступает, и ее же прогоняет, да теми же словами на нее

кричит, что она на него, сам же все смеется, заливается от смеха.

— А сети ей не чинивать! — кричит.— Куда хочешь ее забирай! В ямке взял! Откуда взял — в ямку и неси, Куда хочешь ее забирай!

Да еще ножичком машет и сети портит. Под конец подпрыгнул и давай старуху щекотать, а сам смеется, смехом заливается, хихикает. Ну чего он хихикает? Старуха от щекотки совсем уже обезумела, а Ярашка хихикает, щекочет ее и от себя не отпускает.

Тут прибежал отец. Наказал его. Старик взял его за руку, Ярашка взял старика за рукав, и пошли. Старик с левой ноги шагает, а Ярашка ближней, правой ногой идет. Так и шагают они нога в ногу, правой — левой, левой — правой. Идут толкаются.

Отца Ярашка очень уважал и слушался. Вот старик научил сына доски тесать. Это дело у него шло хорошо, и старик был в надежде, что скоро они поставят новый амбарчик.

Показал старый, как надо тесать, и Ярашка начал тесать. И тешет, и тешет, и тешет, не остановить его, сам тешет и посмеивается, да еще и подхихикивает. Пока ночь не пришла, все тесал Ярашка.

Ну, так вот и жили. Амбарчик поставили, и старик был очень доволен. Он умел управляться с Ярашкой. А старухе от него была одна поруха: то он сети порвет, то посуду побьет, то в саже вымажется. Она просила старика, чтобы он отвел чаклю в лес и оставил его там, пусть идет к себе домой и там хихикает.

Ярашку тянуло куда-то уйти. Каждую весну он порывался убежать. Но старик берег сына и не отпускал его от себя ни на шаг.

Прошло несколько лет. Ярашка подрос и возмужал. Он стал крепким и разумным, но по-прежнему оставался тем же малорослым человечком.

Времена были плохие. По земле саамов ходила вражья сила — чудь. Они грабили народ. Саамы ушли в леса, вырыли себе в земле дома и жили в землянках, чтобы враги не могли их найти.

Однажды весной старик недоглядел, и Ярашка ушел из дому. Далеко убежал. По горам бегал, бродил по лесам, все искал дыру под землю. Он искал свой дом. И не мог найти. Так он блуждал, пока не наткнулся на чудь.

Чудины ехали на лодках по реке. Они пробирались к городу Коле. Им надо было разграбить город. Увидели Ярашку, схватили и спрашивают:

— Где живешь?

— Живешь где? — отвечает он, а сам посмеивается.

— Ты кто такой?

— Такой, ты кто? — отвечает он вопросом, да еще и хихикает.

— Как тебя звать? — кричит тот.

— Звать тебя как? — спрашивает он атамана и опять: — хи-хи.

И как ни спросят его, он все по-своему, теми же словами отвечает, какими его спрашивают, только обратно, с последнего слова, и прихихикнет вдобавок.

Озлобились чудины. Порешили бросить его в реку, в водопад. Схватили парня и швырнули в воду. И вдруг видят все: вместо саамского парня в реку полетел свой же воин. Повторили еще раз, и опять отправили в падун своего человека.

— Заколоть его на месте! — крикнул атаман чуди.

Рубанули его мечом,— смотрят: своих трех человек в строю как не бывало, а Ярашка стоит живой и невредимый и опять смеется, подхихикивает.

Заробел атаман, приказал ему, чтобы вел к своим, к отцу-матери. Но Ярашка сказал:

— Если вы дотронетесь до моих стариков, так и знайте: ни один человек из вашей команды живым не дойдет до Колы-города.

На этот раз Ярашка не смеялся.

— Хорошо,— сказал атаман,— веди нас в город Колу.

Ярасим сел в переднюю лодку и поплыл впереди всего отряда. И вел он их по реке, через пороги и через волоки и по тихим плесам, целых пять дней и пять ночей. Привел их к той же Туломе-реке, к большому водопаду и широкому разводью, к малому островочку.

— Тут,— говорит,— привал. Будем ночевать, потому что в Колу-город ночью входить нельзя.

Ну вот и устроили на острове ночлег.

Сам Ярасим стал сторожем при лагере.

Чудь заснула. Стало тихо.

Наступила ночь.

Тогда Ярасим связал все лодки, одна с другою. Только себе он оставил самую маленькую лодочку, а остальные спустил в пучину водопада.

Лодки разбились в щепы. Ярашка переплыл реку и ушел домой к своим старикам

А чудь пропала.

ДЕВОЧКА С КУКЛАМИ

Жил старик со старухой, и была у них приемная дочка. Старики были сварливые. Они ссорились между собой, а девочку обижали.

Уехали старик со старухой на озеро сети смотреть, а девочка осталась дома одна. Играла она и сделала из тряпочек куклу. Поставила ее в угол вежи. Сделала она вторую куклу и поставила ее во второй угол. Сделала третью куклу и поставила в третий угол. Сделала четвертую куклу и поставила в четвертый угол. Пятую куклу поставила посреди вежи. Спросила она у кукол совета:

— Как жить? Как быть? Старики обижают.

Стали куклы между собой говорить. Пять кукол,— она сама их сделала,— так ей сказали:

— Ушла бы ты, девочка, из этого дома сквозь пол.

Послушалась девочка, встала посреди вежи. И ушла сквозь пол.

Три дороги перед ней протянулись, три тропинушки.

Девочка пошла по средней. Шла, шла и завидела она вдалеке озерко. На том озере — остров, на острове стоит избушка.

Девочка пришла к избушке; двери открыла и увидела старую-престарую бабушку.

— Ты куда, девочка, отправилась? Куда ты держишь путь? — спрашивает она.

Девочка ей ответ дает, как от веку положено:

— Я, бабушка, в куколки играла. Рассадила их по углам вежушки, а пятую посадила посреди пола. И куколки мне сказали, чтобы я ушла сквозь пол. Я встала посреди вежи и ушла сквозь пол. И попались мне три тропинки. Я по средней пошла, тебя, бабушка, нашла.

Ну, и стала девочка у той бабушки жить. Живут они, сети вяжут, сети на озере ставят, по озеру ездят, те сети из воды вынимают, осматривают и рыбу обирают. Сигов они ловят, гольцов, хариусов и живут хорошо.

И возросла девочка и стала девушкой.

И нашелся ей жених. Бабушка надумала отдать свою девушку за этого жениха замуж.

Девушка послушала бабушку и пошла замуж за этого человека. Он был хороший, промышлённый саам: оленей умел держать и охотник был очень сильный.

Поженились они, и дети у них родились.

Ну, а бабушка остарела, а потом и вовсе стала старенькой. Она завещала своим детям:

— Детки, живите, как сейчас живете. Ты, дочка люби мужа больше себя; ты, сынок, люби жену больше самого себя. Деток любите, как самих себя. Не ссорьтесь, не завидуйте друг другу и никому другому.

И вот они остались жить вдвоем, с ребятками, не ссорились они и теперь живут хорошо.

СОБАЧЬЯ СКАЗКА

Бабушка то-то плачет, что нет у нее родимого дитя, единого сынушки. «Ну если не даст бог человечьего сынка, ну пусть бы дал мне собачьего щенка!»

Ну, вот прошло немного времени, и забрюхатела бабушка,— со старичком-то она все-таки жила! И родила она собачьего щенка. И этот щенок, как только на лапках стал крепкий, такой оказался песик, настоящий промышлённый охотник сделался. Где что увидит, то всего достигнет обязательно! И вырос щенок и стал большой и красивый молодой пес, только что не человек, такой он был разумный, и добычливый, и хороший сын.

— Поди,— говорит,— мама, сходи в люди, выбери мне невесту. Приведи ко мне девушку.

Ну, сходила она, близко ли, далеко ли была, а невесту сыну привела.

И так-то он радуется, щенок этот, что мать ему невесту привела человечью: и к матери ластится, и к невесте ласкается.

Ну, поужинали, и мать постелила им спальное место в амбаре. Пошли они с девушкой спать. Надо ложиться, собака близится, а девушка боится. Ну, до того боится, до того боится, что осердился пес, хватил девушку зубами да так пополам и разорвал ее.

На другой день пес опять велит матери привести ему девушку-невесту. Теперь пошел дедушка невесту сыну искать. Сходил он к другим старику и старушке, взял у них дочку, привел сыну невесту.

На тот час сына дома не было. Он каждый день ходил на охоту, очень уж промышлённый был пес.

Дедушка ужин сварил. Тут и ужин направили, и столик поставили, и скатерть постелили. Вот и жених явился. Ну, и стали угощаться. Эта девушка, если видит кусок мяса получше, то берет его и псу кладет. А пес-то и рад, к девушке близится,— девушка не боится. Ну, и время спать пришло,— бабушка пошла и для молодых постелила оленью шкуру в амбарчике, как оно положено от веку.

— Ну вот,— говорит она сыну,— место вам готово — идите в амбар и ложитесь спать.

Ну, и пошли молодые, и повалились спать. Девушка прижилась к дому, она нисколько не боялась своего мужа-собаки.

Ну, и живут они, и живут хорошо.

Ночью девушка узнала, что муж ее собачью шкуру скидывает и превращается в такoвó-то красивого молодца. Обрадовалась она, но никому ничего не говорила, и была она весела и довольна судьбою.

Однажды бабушка спросила у невестки:

— Каково это ты так весело и дородно живешь с моим сыном-собакой?

Молода ей отвечает:

— Матушка, скажу я тебе: ляжет он собакой, а ночью-то собачью шкуру скидывает, и такой-то он предстанет красавец собою... молодец молодцом!

Бабушка и говорит ей шепотом:

— Ты шкуру-то далеко не клади. Я ночью приду и заберу эту шкурку.

И вот взяли мать и жена и сожгли шкурку собаки. Утром проснулся молодой, хватился, а шкуры-то нет! Он и ушел от них, от отца, и от матери, и от молодой жены.

Заплакала жена, а он ей крикнул уже издали:

— Когда три железных батожка износишь, искавши меня, тогда ты снова меня обретешь.

И исчез ее молодой, как в воду канул. Убежал неведомо куда.

Взяла она железный батожок в руки и пошла искать своего мужа. Ходила два года — два железных батога сбила на путях и дорогах. Уже третий год начался, а она не может найти своего суженого. Нигде его не знать и не слыхать. Уже третий батожок добивает непокорная жена.

И пришла молодуха к одной старушке-заговоренке на ночлег. Это было уже на исходе третьего года, с тех пор как молодая отправилась в путь разыскивать мужа. Ночует она у этой бабушки, рассказывает о своей беде, а та и говорит:

— Твой муж у нас, в нашем городе живет. Есть у нас одна богатая шалютка. У ней ящик золотой, полон

казны. Он и взял ее за богатство. Твой муж живет с этой шалюткой, а звать ее Улита!

Утром дала эта бабушка молодице медный гребешок в руки и вот какой совет:

— Когда увидишь, что муж твой играет в мячик,— расчесывай волосы через этот медный гребешок.

Села женочка у оконца и сидит. Вот и видит она, что пришли мужики на улицу, против ее окна начали в мячик играть. А между ними и муж ее играет. Ударил он, и мячик через окно, через раму прямо жене на колени упал. Она взяла мячик, держит, никому не отдает. От мужа пришли игроки — мячик просят. Она не дает.

— Подите спросите Улиту, у шалютки той спросите: пустит ли меня ночью на пороге дома ее посидеть!

Пошли и спросили Улиту и назад вернулись. Говорят:

— Пустит шалютка на пороге ее дома ночью посидеть.

На второй день встали, говорит ей старушка:

— На тебе серебряный гребешок. Расчесывайся им, когда увидишь мужа с мячиком.

Ну, и села она у оконца. Глядит: муж тут же играет с мужиками, опять он балуется в мячик. Ударил он лаптой — и мячик сквозь окно, через рамы прошел и на колени жены упал. Она схватила его и никому не дает. А когда пришли посланцы, она велела им:

— Подите спросите Улитку — пустит ли меня на кровати одну ночь только у ноги его побыть?

— Пускает,— ей говорят,— одну ночь посиди на кровати у его ноги.

Утром опять встали, и эта бабушка дает молодой

золотой гребешок. Вот и третий день играют мужики в мячик. Хлестнул муж — мячик сквозь окно упал к жене на колени. Прибежали от мужа, просят мячик вернуть.

— А даст ли,— спрашивает она,— даст ли она мне спать третьей на постели между ними двоими?

Убежали те и обратно вернулись.

— Возьмет в постелю третьей лежать.

Была она ночью — у порожка дома сидела, была вторую ночь — у ноги на кровати сидела, а на третью ночь — третьей между ними рядом спала. Спать-то не спала — только лила она горькие слезы, всю ночь катились слезы. У мужа все плечо взмокло. Муж не мог терпеть ее горючих слез, повернулся к ней лицом, взглянул в глаза и обнял жену свою родимую.

А Улитка-то спала-спала, да и спохватилась, как увидела, что муж ее с другою обнялся. Тут схватила она свой ящичек, золотом окованный, и в озеро с ним прыгнула. Там и пропала.

Муж с женою собрались и пошли домой — туда, где прежде жили, к мужним к отцу, к матери вернулись. Старые они стали, старые-престарые: сидят — пески сыпются. Одна бабка еще огонек в очаге видит, а старик вовсе одряхлел.

Пришли они домой, старики с невесткой поздоровались, с сыном-человеком поцеловались, и обняли его, и заплакали старые от радости, и тут же на радостях померли.

А муж с женой стали жить и детей растить.

Всё.

СКАЗКА ПРО МЕДВЕЖЬЮ ЛАПУ

Жили три сестры. Они ушли из жительства людей в леса. Обернулись там медведицами и жировали все лето. Пришла осень.

— Надо в берлогу,— сказали они.

И вот сделали они себе одну берлогу на всех трех, повалились спать и заснули.

А охотник ходил по лесу. Он нашел их берлогу. Он окружил ее своими знаками и вернулся домой.

И стал этот охотник других промышлёнников подговаривать:

— Пойдем да пойдем медведей будить: будем их добывать! У меня,— говорит,— три медведя окружены.

Согласились те, и поехали они охотиться, этих медведей будить. Их было трое охотников.

Приехали они к месту, где медведицы залегли, срубили шесты и засунули их в берлогу. Колобродят там

концами — зверям спать не дают. Всполошились медведицы и стали из берлоги выбираться на волю. Одна вылезла — охотники ее убили. Выгнали и другую и тоже убили. Вытащили туши обеих медведиц из берлоги наружу и принялись их пластать — снимать шкуры, распрямлять и растягивать их на снегу. Тут и третья медведица выскочила из берлоги и бросилась на шкуры сестер, пала на них голова к голове, ноги-руки по лапам — и превратилась в женщину. Однако одна рука не угодила на середину лапы шкуры.

Охотники смотрят: встала женщина с медвежьей лапой вместо руки. А сама-то собой красивая.

Она заговорила и сказала им человечьей речью:

— Вы убили двух моих сестер.

Эту женщину охотники привели в свой погост. Собрали народ и сказали людям:

— Вот мы в этой поездке на охоту убили двух медведей. А они не медведи были, они были сестрами-овертницами, медведицами, девушками с Энаре-озера. Вот смотрите: две шкуры и одна девушка. У этой и рука медвежья, не успела она, так и осталась с медвежьей лапой.

ВАРЙЕЛЛЕ-ЛЕШИЙ

Жили старик со старухой. И был у них единый сынок. Звали его Иванушкой, а по-уличному дразнили Иванушка Скраешку. Когда парень возрос, он у невесты слово взял.

Ну, и жили они, поживали. Пришла весна, не хватило дров. Старик велел сыну сходить в лес и нарубить сушняка. Пошел парень в лес, выбрал подходящую сухую сосну. Присел отдохнуть маленько, а отдохнувши, принялся за дело. Не успел он топор в руки взять и размахнуться, чтобы дерево рубить, как услышал голос:

— Не руби меня так, ноги отрубишь, ниже руби.

Парень начал рубить пониже, а сосна просит еще ниже взять. Он начал сечь в самую землю.

Рухнула сосна и опять тем же голосом говорит:

— Сруби макушку, да повыше: голову мне береги.

Парень срубил макушку, будто знал, где ее надо рубить!

Из поваленной сосны вышел человек. Встал перед парнем красивый мужик, красная рубаха на нем, черный жилет. Он назвался крестовым братом Иванушке. И уж как же он благодарил, как радовался этот человек, что парень его от вечного плена избавил, потому что был он в то дерево заколдован.

И говорит ему Варйелле, леший, по-русскому сказать:

— Ну, брат мой названый, оставайся тут, подожди меня, а я схожу к отцу-матери и принесу тебе золота столько, сколь только не жаль им за меня, пропащего, тебя одарить!

Парень принялся ждать лешего с золотом, а сам тем часом рубил и колол дрова.

Пошел леший — только лес загудел, земля дыбом встала, пыль и травы столбом закрутились над лесом. Вот как он пошел!

Недолго парень поджидал. Зашумело, загудело, и леший обратно вернулся. Он принес ему мешок золота. Мешок таково-то тяжелый. Сбросил леший его с плеча, мешок брякнулся и в землю ушел; насилу из земли его выдернули. Едва-то, едва парень мешок от земли приподнял. Вот сколько денег этот Варйелле принес своему названому брату в подарок. Попробовал парень нести — чуть не переселся от жадности. Варйелле схватил этот мешочек правой рукой и метнул через лес прямо к веже — к отцу, к матери Ивана. Кинул он золото, а сам говорит ему:

— На-ко тебе еще два подарочка от меня: вот свистулька, а вот шапка-невидимка. Не бойся впереди ничего,— живи веселехонько и не пугайся, когда на цар-

скую службу потянут. Не отпирайся — иди, но только будь всегда с краешку, последышком, и будешь цел. А я всегда тебе помогу, из любой беды выручу,— только свистни в свистульку — тут и буду я, вместо тебя.

— Да я ничего, мне лишь бы не больно,— сказал Скраешку.

Ну, и пошел этот Иван домой со свистулькой и невидимой шапкой. Стали отец с сыном жить не тужить в полное счастье: покупали они все, что только им на ум падет. А про старуху ту и не говори. Что на ум ей взыграет, то все купит, Вот как зажили они — беззаботно и весело.

Прошло немного времени, даже не успел парень жениться, и правда, затребовали людей в солдаты. Пошел он, не отпирался. На ученье гоняют их в ранцах, да в шинелях, да с винтовкой на плече. Тяжеленько стало Ивану, но парень не забывал, что сказал ему Варйелле: «Скраешку, последышком иди». Он идет последышком — будто он больной, а сам ундеру табачку да двугривенный или папиросочку сунет втихомолку, тот и переложит мешок Ивана на плечи другого солдата, будто бы Иван больной. Иван Скраешку налегке идет, а подневольный Иван две ноши несет. Назначили полк Ивана в поход и прямо на войну. Иванушка краешком да последышком идет сзади всех, попрыгивает, приплясывает, казенные вещи теряет. Болен не болен, а не в себе. Поди разбери!

Вот и на войну пришли; ихний полк поставили совсем близя войны. Вот уже мало-мало и война начинается, ночью стрелять приказано. Солдаты перед боем в ямку забились, чай разогрели, погреться. Говорит Иван товарищам:

— Вот погодьте, товаришши, я тут за вараку схожу! — А сам в кусты да всю одежду с себя долой, в одной рубахе и портах остался. Шапку-невидимку напялил на себя и в свистульку пискнул. Перед ним предстал Варйелле. Он пришел выручить от войны своего названого брата.

Варйелле научил, как парню дальше быть. Он сказал:

— Возьми свистульку, раз свистнешь — в родных местах окажешься, два свистнешь — через леса перешагнешь, три раза продуди, а там увидишь, чего будет.

И он заступил его место в полку, среди товарищей. Ночью Варйелле в бой пошел, а Иван Скраешку с войны убежал. Раз свистнул — на своей земле отудобел, два свистнул — через леса махнул. Три свистнул — большое озеро явилось перед ним и старик от острова отчалил, к нему навстречу в лодке плывет.

— Ты ли,— спрашивает,— моего сына выручил?

— Это я твоего сына выручил,— ответил Иван и показал свою свистульку.

Старик перевез его на остров. Дальше они пошли пешком. Оба идут невидимками, в шапках. Шли, шли, до избушки добрались. Тут их встречает старушка — лешего мать и тоже невидимка же.

— А,—говорит,— к нам дите пришло.

Старик, он отец Варйелле был, тоже Ивана дитем называет. Ну, напоили они его, накормили и усадили в пуховый стул.

— Отдохни.

В этом пуховом стуле было таково-то сладко сидеть да дремать, что Иван Скраешку тут же и заснул. Думал,

три часа проспал, а ему говорят: три дня спал, не вставая из этого сладкого стула. Вот как оно от пухового стула бывает. Ну, Иван Скраешку поспит-поспит — проснется, оглянется, да и опять заснет, так и не замечает, как оно время-то летит.

Иван Скраешку спит, проклаждается, а Варйелле в боях ходит, родину спасает, проливает кровь,— война-то ведь продолжается.

Отец Варйелле был как есть настоящий невидимка. Он очень любил своего сына; ходил по острову своему и все сокрушался — каково-то сыну его приходится на войне? Очень хотелось ему знать, жив ли, здоров ли, како служит он вместо Ивана-дитя. Чтобы это узнать, надо было дать Иванушке Скраешку питья малхонум. Что за питье такое — не нам это знать. Как только выпьет этого зелья тот человек, вместо которого другой страдает, так все и объявится на этом человеке — все будет видно, что там, на войне, происходит. Наступил вечер. Проснулся Иван, а Варйеллиев старик угощает его чаркой этого малхонума. Ну, он ничего, не отпирается, лишь бы, говорит, не больно было. Выпил он этого малхонума, и у него сначала лицо обгорело, а потом правый глаз водой тронулся, а под конец и вовсе вытек. Стал Иван Скраешку кривой, на лицо опаленный и черный, другой глаз тоже незрячий и рваный.

Отец лешего говорит:

— Видно, сыну на войне туго пришлось, в глаза его ранили. Однако то не страшно, это мы вылечим. Другой глаз дадим.

Дал парню опять этого малхонума, вырвал один глаз у Скраешку и послал сыну. Стали они двое с двумя глазами.

Ну, посидели, посидели они, опять вина выпили, закусили, и спрашивает отец лешего у Скраешка:

— Болит ли глаз?

— Нет, не болит... Левым вижу, а правым ничего не видать, а и черт с ним, с глазом, лишь бы не больно!

Покачал старик головой, но ничего не сказал.

И вот сидели они, посидели они в этих пуховых стульях, вина выпивали, спали, да дремали, да на пальцах гадали, чего будет, когда ничего не будет, и не замечали они, как оно, время-то, летело. От жизни на пуховых подушках стал Иван Скраешку болеть: и ноги-то пухнут, руки крючатся, пальцы не сгибаются, середиво гниет...

И пришел час — войне конец настал. Варйелле вернулся домой, однако кривой, как Ивашка Скраешку.

— Вот, названый брат мой, смотри, как мне досадили глаза. Я могу свои эти слепые глаза вылечить, а твои слепые глаза я вылечить не могу и не смею, а то опять в сосну меня загонят.

— Ладно,— говорит Иван,— как есть сейчас, так и пусть, и с одним глазом проживу, лишь бы не больно!

— Вот тебе письмо и царский указ,— сказал Варйелле.— Теперь ты для войны не годишься. Ты человек конченый, однако богатый, женись, да и живи на спокое, в пуховом стуле, а женка все тебе справит, чего надо и чего не надо. Чего тебе еще? Ты теперь болезный, тебя всякий пожалеет.

— А и верно,— сказал про себя Ивашка Скраешку.

Взял письмо, в карман его зашил и рад стал: не бывать ему на войне, а остальное неважно, черт с ним! «И с одним глазом проживу — лишь бы не больно».

Варйелле дал своему названому брату денег на дорогу, попили и поели они отвального, и говорит он этому Ивану Скраешку:

— Ну, идем, названый, я тебя провожу... Мы быстро обернемся.

Как-то они в те поры умели ходить семиверстными шагами. Скоро-наскоро — и через три часа привел Варйелле своего крестового к его настоящим к отцу и к матери.

— Отец и мать твои живы и здоровы, однако не к чему нам даром времечко терять, а пойдем-ка мы гулять да посмотрим, как люди на белом свете живут, что ж мы, не бывалые солдаты, что ли?

И вот одели они свои шапки-невидимки и отправились гулять. Куда летали, где пропадали — один леший знает. Под конец гулянки заглянули обратно в погост, где Иван Скраешку родился. Тут они устроили привальную — трое суток угощались. А вежа-то у отца вовсе прохудилась. Денег много, сын родимый есть, а крова над старой головой нет. Он теперь нанял работника, деньги ему дал — работай как хочу, а в досельное время все сами делали, на свои руки надеялись.

Ну, и стало Варйелле этому скушно. Он и говорит своему Ивашке:

— Я советую тебе жениться. Если найдется тебе в вашей деревне невеста послушливая, женись.

А у парня давно уже, еще до службы царской, еще до войны, была невеста зарученная. Узнали они, что эта девушка замуж не вышла, значит девка его любит. Можно жениться, и можно эту девку замуж взять. А того не думает Иван, что другой он теперь человек — незрячий, кривой, лицом черный, больной, хуже старика.

Один раз сказал Варйелле названому брату Ивашке:

— Завтра будет вечерка, будут парни и девки гулять, будет и твоя девушка на этой вечерке,— спроси у нее, пойдет ли за тебя замуж?

— А чего ее спрашивать! Я уже спрашивал раз. Любо не любо, а слово дадено — иди. Я теперь богатый, как это она не пойдет? — И он пошел не к девушке, с ней поговорить, ее спросить, а к отцу и к матери ее. Спрашивает у них:

— А будто она тебе люба, девка-то наша? — спрашивают они.

— Люба не люба, а слово дадено — иди,— ответил Иван кривой.

Ну, известно, он богатый, кто богатому откажет, родители дали свое согласие.

— Спроси, однако, у дочки, она-то как? Согласна ли невеста? — сказали они.

Спросил он у девушки, как? Пойдет ли она за него замуж?

Девушка ему ответила так:

— Ты теперь кривой, больной ты теперь... Твоя совесть, тебе отказываться, если ты человек. А как я от своего слова откажусь? Спроси отца и матушку, они знают: как скажут, так и будет.

Варйелле тут же стоит в своей шапке-невидимке.

— Согласна,— говорит.

Ну, и пошел жених за водкой да за своими отцом с матерью, невесту засватали, и рукобитье сотворили. Осталось только свадьбу играть.

Тут леший и говорит:

— Ну, крестовый, ты будешь свадьбу играть, давай

я тоже женюсь. Будем вместе одну свадьбу гулять.— И он тут же начал жениховаться. В ихнем же погосте невесту нашел и засватал. Вот и день свадьбы назначили, и стали гостей зазывать.

А люди были им не рады. Люди их не приняли. Свадьбу играли в лесу. Трое суток тут пили, и ели, и песни пели. Всяких невидимых людей да лесовых людей созвали, и чертей, и леших, и кого только не было. И тут-то Иван Кривой так подружился с этим лешим, что ушел в лесовики. Вовсе записался он в лешие и стал жить невидимкой, а женка его не могла стать невидимкой, одичала душа. Только тем и жила она, что куски мяса пихала в глотку этому Ивашке Скраешку Кривому.

ДВОЙНОЕ СОЛНЦЕ

Жили два лопина. Не старые были мужики. И все-то они друг перед другом выставлялись:

— Я тебя, да не ты меня.

Часто они вместе ходили на охоту. Вот одного дня отправились. Ходили, ходили — из леса в гору, с камня на камень попрыгивали, по кусточкам, по варочкам поглядывали, нет ли где зверя какого. Ходили, ходили — ничего не добыли. Устали — стан поставили, легли и крепко заснули.

Под утро заря заиграла — пробудились они, умылись, тут и солнца восход начался.

И вот совсем взошло. Глянули: два солнца поднялись над землей — солнце о двух головах.

Каждый видит два солнца.

Перекрестились они и давай то солнце молить. Один просит два века жить. А другой про себя:

— Роди мне девку, чтобы мне ей в утробу попасть.

Ну вот, они пошли. Шли, шли и вышли к Поною-реке, на местечко Лавнькедькекырп,— называется. Тут

на пригорке две сосны стоят. Они и доселе приметны, эти сосны. Тут они сели, раскололи один камень на две половинки и обточили их,— стало два оселка. Каждый врезал свой оселок в свою сосну.

— Пусть оселки врастают в дерево.

На том попрощались и разошлись. Один пошел в одну сторону, другой пошел в другу́ю.

Один к себе домой отправился — стал два века жить, другой в воду ушел, в Поной-реку. Он таки был немножко знаткой мужик, ну просто сказать — колдун.

Бродит там щукой — то между кореньев плывет, то от камня к камню пробирается да в тени отдыхает, то на а́решник выйдет — греется, а сам все из-под воды поглядывает: надеется девку увидеть. Он свой зарок не забывает: дай ему деву, чтобы ей во чрево попасть.

Ну, и ходит он щукой и год, и два, и десять, и много, много лет,— бродит век, а все той думки не оставляет, как бы ему в утробу девицы попасть. Два века ходит; сам уже весь мохом покрылся, травою зарос, тина за ним, как долгая шерсть худой собаки волочится, а глазом он все знает, все видит, все помнит: надо ему во чрево девы попасть. И все-то он вверх, на берег, посматривает — все ему видимо из-под воды.

Ну, и пришла третьего века весна. И стало все открываться — вскрылись озера и реки, появилась рыба в воде, встала со дна молодая трава. Тут и девица та, что просил он у солнца о двух головах, явилась.

Однажды пошел той девицы отец рыбу промышлять. Поставил он снасть, и тот щукарь заплыл ему в сети.

Попалась старику щука — не знает, что с ней делать,— росту во-о, мохнатая, бревно бревном, травою заросла из-под тины глазом смотрит.

Щука хвостом бьет — в самый кончик хвоста душу свою из себя вгоняет.

Взял старик щуку, ввалил в карбас и привез своей дочке. Девица была голодна. Она поскорей распорола щуке живот, выпотрошила, нарезала кусками, ополоскала и, нескобленую, поскорее наложила полный котел.

Котел кипит и бурлит,— дух идет сытный, девке нос щекочет. Щука варится, а душа щучья — его душа — в самый кончик хвоста подается. Кончик тот из навара выставился — туда и сюда мотается: это его душа мается, выйти просится.

Не могла девка стерпеть, взяла тот кончик хвоста и съела.

И вот попал он девке в середиво.

Ну, и потом он родился. Обернулся молодым. Пришел в себя (остоялся), и все ему стало известно и понятно. Все знает: слышит, как земля растет, что травы говорят, видит, как камень к камню идет, и зачем вода молчит, и чего кличут ветры. Знает он и начало человека, и чего каждый саам думает.

И вот вспомнил он приятеля своего и пошел к нему в гости. Знал уж, где тот есть.

— Здравствуй, мой товарищ,— говорит.

А тот уж слепой и вовсе дряхлый, пластом лежит. Спрашивает, однако:

— Откуда ко мне пришел, товарищ? Я не чаю видеть никакого друга. Один я остался на земле — два века живу.

— Как! Ты не хочешь вспомнить своего товарища? Пойдем же, друг, я выведу тебя к месту, где давненько мы сделали по зарубке в соснах.

Старик восклицает:

— Не знаю, не знаю!

Тогда молодой поднял старца на руки, топор с собою прихватил и принес товарища к соснам.

Тюк, тюк, оттесал края заросших зарубок. Выпали из них два оселка.

— Ну,— говорит,— который твой, который мой?

— Не знаю, ничего не знаю.

— Тут вот твой; а это мой...

— Не знаю, ничего не знаю,— твердит тот.

— Да как же ты можешь не помнить! Это местечко Лавнькедькекырп называется, вот они и сосны стоят.

— На веку не бывал я на этом местечке,— твердит старый.

— Ты говоришь, что не бывал на этом месте! А не вдвоем ли мы видели солнце о двух головах, не вдвоем ли мы врубали в эти сосны вот эти оселочки и солнце просили исполнить то, что каждый задумал. И вот исполнилось: я обернулся, я возвратился, я воскрес! А ты век от века живешь и живешь.

— Не знаю, ничего не знаю.

Посмеялся тогда молодой:

— Очень ты дряхлый стал, дед; одна старость в тебе осталась, память твою века изгрызли, оттого и знать ты ничего не можешь. Пойдем, я тебя так не оставлю.— И опять он взял его на руки и отнес домой.

Домой пришли, положил его в постелю. Тут заболел старичок. Полежал-полежал, да и помер. Товарищ похоронил его, а сам зажил и женился на той девке, что его хвост съела...

Всё.

КОПЬЕ, ТОПОР И КОТЕЛ

В доме одного саама были Копье, Топор и Котел. Этот саам был хороший хозяин: для каждой вещи у него было свое место. Копье стояло у входа налево, Топор направо, а Котел всегда висел посередине вежи. Саам всех держал в строгости. Он знал, кому что нужно. Копье любило охоту, ему нужно было мясо и дичь, да чтобы оно было смазано салом и чисто-начисто вытерто. Топору всегда была охотка порубить, построгать, блеснуть отточенным лезвием. А Котлу чего надо? Ему бы воды вскипятить, обед сварить, чтобы был всегда полон ухой или вареным мясом.

Ну, так оно и было. Копье ходило на охоту с хозяином и добывало диких оленей. Саам его холил, смазывал салом и обтирал куском пышного меха. Топор каждый

день работал, колол дрова, был остро наточен и всегда блестел как новенький. А раз хорошо было Копью и Топору, то и Котел всегда был полный. И все были довольны: саам своими Копьем, Топором и Котлом, а они своим хозяином.

И все было хорошо, пока не пришлось сааму отлучиться на дальнюю рыбалку. Бывало, он брал с собою всех, всем домом переезжал на эту рыбалку. А на этот раз пожадничал, пожалел оленей, решил управиться один. Уехал он, и вот Копье вскоре оказалось на улице — потому что кому-то мешало ходить. Оно валялось не чищено, не обтерто, не смазано. Топором поработали, швырнули под пень и забыли о нем, он лежал под дождем и ржавел. А Котел забросили куда-то в угол вежи, и лежал он там немытый, не обтертый. Вместо него пищу варили в маленьком котелке; раньше в нем только шкварки поджаривали, а теперь этот недоросток пошел в ход и заважничал.

Обиделись Копье, Топор и Котел. Обиделись и заскучали.

Однажды Копье и говорит:

— Пойдемте-ка, други, на охоту сами собой! Убежим от этого человека!

Те согласились. Раз-раз, собрались и пошли.

Ходили они долго, не один день ходили и по горам, и по лесам, и по болотам разным. И каждый-то высматривал то, что ему по нраву приходится. Топор к сухому лесу близится, ему охотка знать: где какое дерево стоит и какой в нем вкус. Подойдет к дереву — тюк, тюк, каково оно? Рубить ли его, тесать ли надо или что с ним делать?

Вдруг увидел: стоит высокая сушина.

«Эх,— думает,— хорошо такую лесину свалить, да порубить, да расколоть и обед сварить!»

Он и закричал во всю глотку:

— Эй-ей-ей! Подите сюда!

Копье и Котел всполошились, прибежали, на Топор уставились: что он им скажет?

— Что случилось? Что случилось? Говори скорей!

Ну, что Топор может сказать?

Он про свое дело может сказать: рубить, тесать, дрова колоть. Он и говорит:

— Смотрите, какая хорошая сушина. Срубить ее да расколоть! Вот бы тут обед сварить: уж очень хороши дрова.

Копье поглядело на Топор и говорит:

— Ладно! Пойдем дальше. Чего пусто дело говорить — где тут обед? Не из тебя ли, Топор, обед варить? Однако ты примечай, где дрова хороши.

Ну, и пошли дальше.

Ходили, ходили, Котел увидел воду: из-под камня, из-под зеленой травы, из-под самого моха вода ключом бьет.

Захотелось Котлу попробовать, захотелося ему испить этой водицы, набраться ею до краев и обед сварить.

Обрадовался он, нашел кострище и закричал во всю силу:

— Эй-ей-ей... Охотнички мои, подьте-ка сюда!

Те скорее подбежали и уставились на Котел. Что он скажет?

— Что случилось? Что случилось? Поскорее говори!

Ну что Котел может сказать?

Он одно знает: «вода», «варить», «кипятить». Вот и говорит им:

— Вода хороша. Ах! Хорошая вода! Обед бы тут варить!

Копье посмотрело на Котел и говорит ему:

— Тебя, Котел, сколько ни вари, навару не будет. Ладно, однако, пойдем дальше. Котел, ты примечай места, где твоя вода находится.

Ну, и отправились дальше. Шли, шли, вдруг Копье видит: стайка диких оленей бежит. Копье самому большому оленю-вожаку в бок вонзилось, и олень упал замертво. Тут Копье закричало полным голосом:

— Ого-го, охотнички мои, подите сюда! Топор! Котел! Поскорей сюда бегите!

Те прибежали, спрашивают:

— Что случилось? Что случилось?

Копье им отвечает:

— Ничего не случилось, дикого оленя добыл, будем обедать да ужинать.

Все сказали:

— Вот это хорошо, это очень хорошо. Вечернюю варю достали. Отнесем мясо в лес. В лесу будем обед варить. Топор, где твоя сушина? Неси ее! Котел, беги за водой.

Топор побежал за сушиной, Котел отправился за водой, Копье потащило оленя в лес готовить мясо на ужин.

И вот мясо приготовлено, Топор сушину приволок, Котел, полный воды, повис над дровами. Развели они костер и уселись, поджидают, когда сварится ужин.

От костра потянуло дымом, от варева сытный дух пошел по лесу.

— Как бы человек не явился на дым,— сказало Копье.— Он у нас мясо отнимет.

— Не даст и варева хлебнуть,— пробулькал Котел.

— Ох,— вздохнули все трое.

Они очень боялись человека.

А человек тут как тут! Идет тот саам, домой возвращается их хозяин, за ним один лишь олень все пожитки его тянет. И сам-то хозяин голодный и тощий, едва ноги волочит: без копья — нет ему охоты, без топора — нет никакого устройства, а без котла... всухомятку сыт не будешь.

Копье первое заметило опасность и крикнуло:

— Человек!

Все вскочили и побежали прочь. Они того не знали, что саам-то их в беде. Топор схватил свою сушину, огромную, чуть не выше леса стоячего, Котел помчался с кипящим варевом, а Копье поскакало с остатками туши дикого оленя на голове.

Саам, увидя такое диво, испугался до смерти и припустился бежать куда глаза глядят. Бежал, бежал, последнего оленя потерял, едва живой выбрался на дорогу к своему дому.

Топор сушину утерял, с Копья мясо слетело, Котел всю варю расплескал.

Растерявши все, что нашли, Копье, Топор и Котел остановились наконец, одумались и пришли в себя. Сели кто на камень, кто на пень, кто на кочку. Отдыхают, пот утирают.

Вспомнили они, как хорошо им жилось у человека, у того саама, который теперь от них убежал голодный и тощий. И сказало Копье:

— Зря мы обидели нашего хозяина. Нам без него не житье, а мы-то его испугали, мы от него убежали! Пошто?

Топор сказал:

— Пойдемте искать, может быть, найдем его!

Котел пробулькал остатками варева:

— Напоить бы его чистой водицей.

Ну, и пошли они искать человека. По дороге каждый прихватил то, что потерял в беготне, а Котел набрал ключевой воды. Они нашли вежу своего саама и тут каждый занял своё место. Копье встало налево от входа, Топор направо, а Котел посредине повис.

Вот и саам вернулся. Голодный и холодный вошел он в вежу, а товарищи его уже ожидают его.

С тех пор саам никогда не ходил на охоту один, а Копье, Топор и Котел не терялись и служили хозяину верой и правдой.

Ну и все. Чего больше?

КУЦАЙ

Куцай побежал играть, Тала его ловить, пеша за Талой гонится, камень пешу тупит, огонь камень палит, дождь огонь гасит, олень дождь пьет, вожжа оленя давит, лиса вожжу грызет. Лиса вожжу перегрызет, вожжа оленя не задавит, олень дождь не выпьет, дождь огонь не загасит, огонь камень не опалит, камень пешу не ступит, пеша за Талой не поспеет, Тала Куцая не догонит, Куцай будет играть.

ВОЙНА ЗВЕРЕЙ

Маленькая птичка свила себе гнездо. Снесла яички и села высиживать птенцов. Мало времени прошло, вылупились птенчики. Мать принялась их кормить и выращивать.

А внизу жила мышь. Она часто поднималась в гнездо к своей соседке — маленькой птичке. Она приходила к ней в гости.

Однажды пришла мышь, по гнездышку похаживала, перышки и пушинки, веточки и соломинки поправляла и приглаживала получше, а потом попросила птичку принять ее в дом.

— Внизу очень сыро,— сказала она и почесала носик.

Птичка ей отвечает:

— У меня детей полный дом! Как мы будем жить в тесноте?

— А мы гнездышко поширим, пожмемся и как-нибудь уместимся.

Пустила птичка эту мышь в дом.

Ну, и пришла мышь жить. Кое-как утеснились в одном гнезде. Птенчики греют мышь, мышь греет птенчиков, птичка сидит сверху — греет всех. Хорошо мышке в гнездышке птички.

Родились и у мыши детеныши. Ну, и стали жить-поживать, детей выхаживать.

Маленькая птичка то и знает за реку летает и пищу детям носит. И своих детей кормит, и себя не забывает, и мышат угощает. А мышь один раз за реку сходила — горошину принесла, в воде ее размочила и погрызла. Другой раз сходила — другую горошину принесла, размочила, погрызла и устала, тем и жива была. Птичку мокрым горохом угощает:

— На, птичка, Йиммель Чюдзай, поклюй горошку, мокрый,— говорит,— он очень вкусный.

Так они и жили не тужили; птичка летает — всем корму достает, мышь запасную горошинку грызет, зуб себе точит. Жить было очень хорошо и мышке, и мышатам, и птенчикам, и птичке тоже.

Пришла осень, погода испортилась. Мышь ходить за реку не может, боится лапки намочить, боится утонуть в ручейках, боится быструю речку переплыть. Стала мышь дома посиживать. А птичка летает; летает, корму добывает и носит для всех — и птенчикам своим, и мышатам, и мышке-соседушке, и сама сыта.

Маленькая птичка всех кормила и весела была.

Однажды она улетела далеко-далеко, и когда вернулась, глядь — одного дитя нет.

Она спрашивает у мыши:

— Куда дите девалось?

Мышь отвечает:

— Детки играли, играли и поссорились. Птенчики вытеснили одного.

А те головки из гнезда выставили и запищали в один голос:

— Неправда, неправда... Это вон тот самый маленький мышонок, «Одноглазка», выпихнул братика. Мышка сама его съела.

Закричала тут маленькая птичка, налетела на мышь. Мышь на дыбки. И начали они биться, не на живот, а на смерть. Клочья шерсти мышиной летят, пух кругом вьется; птичка кричит, мышь пищит, а птенцы и того пуще. Мышата стали стеной против птенцов и такой гам и возню подняли, что услышали утки на болоте — прилетели; услышали гуси-лебеди в небе — сюда же прилетели, а за ними орлы и соколы, вороны и сороки, щеглы и сойки и всякие птицы малые и большие, небесные и поднебесные. И стали они на сторону маленькой птички и ее птенцов.

А на сторону мыши и ее мышат сбежались всякие звери — и медведи, и волки, росомахи, и выдры, и змеи, и ящеры, и всякие гады водные и ползучие, наземные и землюроющие, морские и береговые, зубастые и беззубые, чудища разные. Все лают, рычат, свистят, шипят...

Так началась война зверей.

Все лезут друг на друга, орут, дерутся, смертным боем бьются и стеною друг на друга идут. Только пыль столбом стоит, а пух и перья в воздухе как облака под-

нимаются; клочья шкур и мехов звериных летают туда и сюда.

Услышал этот гам и возню человек. Он пришел и разогнал всех вояк по домам.

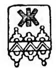
С тех пор не стали жить птички с мышами в одном гнезде, а многие звери живут, друг на друга сердитые.

А было время — жили дружно.

Вот что наделал маленький мышонок-одноглазка.

МЫШКА

ила-была Мышка. Звали ее и «Быстра Ножка», и «Вострый Носик» — по-разному называли. Жила она в своей норке на берегу большого озера. Сидела у входа, носик наружу, толсто стёгнышко в норке. Солнышко греет носик, а толстому стёгнышку тепло и в норке.

И было у мышки две заботы: толстому стёгнышку посидеть и отдохнуть, а ножкам быстро бегать да зернышки собирать. А еще надо было не зевать, вовремя юркнуть в норку. Так и жила мышка: ножкам хочется побегать — она отправляется на охоту; толстому стёгнышку захотелось домой — она вернется к норке и усядется у входа. Солнышко греет ей носик, толстому стёгнышку тепло и в норке. Так она сиживала-посиживала, зернышки грызла, корешками закусывала да на озеро поглядывала. Смотрела, как по озеру ладьи идут

под парусами. Вот суденышко близко, вот оно мимо идет, а там, посмотри, оно уже едва виднеется. Погодя, те же ладьи обратно идут, тяжело груженные, с полною осадкой. И зачем туда ладьи ходят? Что нужно им в далеких краях?

И вдруг мышке захотелось уехать далеко-далеко...

— Хочу путешествовать,— сказала она.— Хочу все знать, хочу людей посмотреть и себя показать!

Ловили рыбаки рыбу, уехали, а у самой воды осталась корка хлеба.

Мышка бежала мимо, смотрит: краюшка хлеба лежит, как лодочка.

«Вот мой кораблик,— подумала.— Тут и запас провианта есть». Ухватила она краюшку, спихнула ее в воду, сама взобралась, парус поставила, потянул попутный ветер, лодочка тронулась и... поплыла мышка по озеру, как по морю.

Стала мышка капитан корабля!

Мало времени прошло, ей навстречу зайчик берегом бежит.

— Мышка, мышка! Быстра Ножка! ты куда держишь путь?

— А,— говорит мышка,— я отправилась путешествовать, надоело дома сидеть, хочу себя показать и людей посмотреть.

— Возьми и меня с собою.

— А припас, есть ли у тебя припас?

— А чего тебе надобно?

— Съедобного припаса есть ли у тебя?

— Есть, есть, припаса хватит.

— Садись, зайчик, крепка лапочка, стук-стук-стук...

Мышка посадила зайчика, и поплыли они вдвоем. Плывут они по озеру, как по морю, а по берегу им навстречу лисичка бежит.

— Мышка, мышка, бойка ножка, ты пошто-прошто в море катаешься? Неужели тебе дома не живется?

— А,— говорит мышка,— я пустилась путешествовать, себя показать, людей посмотреть, хочу знать, куда те паруса курс держат?

— Ах, ах,— говорит лисичка,— обязательно надо и мне знать, куда это те паруса курс держат. Толсто стёгнышко, возьми и меня с собою!

— А припаса есть ли у тебя?

— Ах, ах, припас, припас, цап-царап — вот тебе и припас. Припаса хватит нам на всех!

Мышка посмотрела на зайчика, зайчик на мышку, спрашивают один другого:

— Возьмем лисичку?

— Лисичку? Возьмем и лисичку.

Ну, взяли они лисичку и поплыли дальше, втроем. Плыли, плыли, а по берегу им навстречу волк бежит. Увидел мышкину лодочку, хвостом замахал и завыл:

— Э-э-эй, чье там суденышко плыве-о-от? — И видит: на суденышке и лисичка и зайчик сидят, а мышка у них капитаном.

— Мышка, мышка, тонка ножка, толсто стёгнышко, ты куда путь держишь?

Мышка — капитан, она не сама отвечает. Зайчику приказ: «Кричи!»

Зайчик в олений рог заиграл:

— Наша мышка-капитан путешествует: хочет знать, куда груженые ладьи ходю-ю-ють... Надо ей знать: нет ли в тех ладьях сала ей на зубок.

— Эх, мышка, тонка ножка, возьми и меня с собою! Я-то уж пригожусь!

— А съедобного припаса есть ли у тебя? — спрашивает сам капитан.

— Есть, есть припас!

— Возьмем? — спросила мышка.

— Возьмем,— ответили зайчик и лисичка.

Ну, и взяли волка, усадили и дальше поехали.

Ехали, ехали, им навстречу, по берегу, медведь шагает. Увидел он мышкину лодочку, сел на задние лапы и заревел на все озеро:

— Ого-го, чей это там кораблик по морю бежит? Ко какому хозяину судёнышко плывет?

— Это я,— отвечает мышка,— это я капитан. Я не к хозяину иду. Я сама себе хозяюшка плыву. Зайчик, кричи дальше!

Зайчик взял рог и заиграл:

— Захотела мышка путешествовать! Захотела узнать, что там в далях делается и куда груженые ладьи ходю-ю-ють? Надо ей знать: нет ли в тех ладьях сала ей на зубок.

— Э-э, мышка, мышка, востра ножка, знатный капитан, ты возьми-ка и меня с собою! Буду лапу сосать, думу думать.

Отказа нет никому, мышка всех берет.

— Возьмем? — спросила она у зверей.

— Медведя? А пошто не взять медведя? И медведя можно.

— А припас, а мед есть ли у тебя?

— Припасу? Есть припаса, и меду хватит всем!

Взяли медведя. Стало на кораблике тесно.

И вот они по озеру, как по морю, плывут, пьют, едят,

друг на друга глядят, похваляются, как они по озеру, словно в море, идут, храбро путешествуют. Песни поют и приплясывают, медведь на губах гудит, лисичка посвистывает, цап-царапки показывает, волк клыками щелкает, зайчик лапкой стук-стук-стук, и мышка-капитан не отстает, залихватски попискивает. Ух, и весело же было!

Плыли, плыли, пели, пели, ели, ели, мед-вино пили вволю, а однажды увидели: весь припас кончился.

Стали они голодать.

Только мышка не знала беды, она свою корочку хлеба, свой кораблик тот, грызла да грызла, тем и жива была.

Зайчику хочется есть, он лапкой стук-стук-стук, а все равно голодно.

И лисичке бы птичью косточку обсосать, и волку надо пожрать,— у него живот совсем подтянуло. Он надумал было выть, да звери велели замолчать: «И без тебя, говорят, тошно!..» Медведь принялся лапу сосать, думу думать: каково оно в далях бывает.

Лисичка хитрее всех. Она первая сказала:

— Сидим, сидим, а кто похуже, того съедим.

Волк сразу смекнул, куда лисичка клонит, хвост поджал, зубами лязгнул.

— А кого будем есть? — спрашивает.— Хозяйку?

Лисичка ему в ответ:

— Ну, нет,— говорит,— сначала надо волка съесть. Волчище, длинно хвостище, много места занимает. С него и начинать надо.

Волк кричит:

— Несправедливо! Надо зайчиком начать, а медве-

дем кончить. Мы хвостатые. Нам с тобой некуды хвосты приклонить. Безхвостые мешают, жить не дают.

Медведь кивает на волка, зайчик на мышь... Заспорили звери, и до драки дело доходит.

Лисичка в стороне сидит, приговаривает:

— Сидим, сидим, а кто похуже, того съедим!

Одна мышка молчит, она кораблик свой грызет и грызет. Грызла, грызла и самое донышко прогрызла. Звери начали драться — дно кораблика провалилось. Волк, медведь и зайчик упали в воду. Только мышка на корме осталась да лисичка успела зацепиться за нос корабля.

Сидит лисичка на носу корабля, а сама приговаривает:

— Сидим, сидим, а кто похуже, того съедим. Мышка-хозяйка, кого будем есть? Я тебя съем!

Мышка направила суденышко в берег; кораблик в берег ткнулся и вовсе развалился.

Лисичка из лодки выпала в воду, а мышка — прыг на сушу да за пень и спряталась.

Обсохла мышка, отфыркалась, волосок к волосику прилизала, новую норку устроила и стала жить.

По-прежнему она сидела у входа, толсто стёгнышко в норке, носик на солнышке. Так сиживала она, посиживала, зернышки грызла, корешками закусывала да на озеро поглядывала: зачем суденышки, зачем паруса мимо бегут к далекому берегу, где небо с водою сливается? И ничего-то там нет. Она это знает: пустое дело — одна досада и вода.

Приходили к мышке гости, и соседи и соседушки. Она им рассказывала про свой кораблик, про свое путешествие, про драку друзей своих, зверей; рассказы-

вала и о том, как она была капитаном. Не сама с народом говаривала — зайчик слова ее трубил. Вот какая она сила была!

— Ну, а что же там, за дальними берегами? — спрашивали гости.— Сальце-то, есть ли там сальце на зубок?

— Пусто дело, одна вода,— отвечала им мышка.

И прозвали эту мышку «Коротка Ножка-Толсто Стёгнышко».

Всё.

САЛЬНЫЙ ПОЯСОК

или старик и старуха. Жили они вдвоем. Не нужны были бабке ни чай, ни сахар, ни сладкая морошка, а вот поджаренного сала кусочек из-под самой хребтинки оленя — «сальный поясок» называется,— это ей подай.

Придет ей такая охотка — тогда хоть умри старик, хоть на край света поезжай, а «сальный поясок» достань ей. И вот такая охотка ей пришла. Она сказала старику:

— Сала хочется, кусочек бы! Съезди, дед, на место, где осенью жили, привези из амбара «сальный поясок».

Поехал старик. Подошел к амбару, а в нем кто-то есть.

«Кому бы там ходить?» — ду́мает.

Кто-то возится там, и слышит старик голос:

— Вот, вот тебе, вот тебе! А ты куда? Помирай! Икк...

Хотел стрик в амбарчик подняться, а там запищало:

— Ага! Вот тебе, вот тебе! Куда? А ты куда? Помирай! Икк...

А потом по-саамски:

— Выд, куд, ямменай... [1] ик, выд, куд, ямменай... ик, выд, куд, ямменай... ик...

Перепугался старик, прыгнул в кережу и помчался домой.

А вдогонку-то ему из амбарчика:

— Выд, куд, ямменай... ик, выд, куд, ямменай... ик, выд, куд, ямменай... ик...

Вернулся старик домой и прямо к своей старухе в вежушку, на шкуры упал. Дрожит весь.

— Ну,— спрашивает та,— привез ли «сальный поясок»?

— Нет,— говорит,— нет, не привез.

— Что ж так? Почему ты не мог достать «сальный поясок»?

— В амбаре,— говорит,— кто-то ходит и меня стращает.

— Как же тебя, дедка, пугало?

— А меня, бабушка, вот так пугало: кто-то ходит в амбаре и говорит: «Выд, куд, ямменай... ик; выд, куд, ямменай... ик; выд, куд, ямменай... ик...»

Бабка не поверила, сама покатила.

Приехала. И правда, кто-то ходит в амбаре и пищит:

— Выд, куд, ямменай... ик; выд, куд, ямменай, выд, куд, ямменай... ик...

Бабка лаз к амбару приставила, влезла и дверь открыла, а там мышь ходит, толстая, жирная, с боку на

[1] Пять, шесть, помирай.

бок переваливается, живот лапками перебирает, вошек-блошек щелкает.

Поймает одну — на зубок... тэкк... Поймает другую — на зубок... тэкк, бросает от себя и говорит:

— Выд, куд, ямменай... ик; выд, куд, ямменай... ик; выд, куд, ямменай... ик.

Увидела мышь старуху, ножками затопала, зашипела, на бабку бросается.

— Выд, куд, ямменай... ик; выд, куд, ямменай... ик; выд, куд, ямменай... ик...

Бабушка не сробела, она мышь схватила, в рукавицу запихала, «сальный поясок» сняла и поехала домой.

Приехала, двери открыла и кинула мышку старику на колени.

— Смотри, вот твой страх!

Дед испугался — и дух вон. Бабке стало жалко старика, она заплакала и заревела так, что у ней печенка лопнула. Всё.

ЛЕДЯНАЯ ВЕЖА

Жили старик со старухой. Старик был ленивый, любил покричать, а старушка была чистюлька, чистоту в доме любила.

И все-то старик полеживал да похрапывал, а дров нарубить: «спина болит», на охоту сходить: «погожу». Надо какое-нибудь дело справить — он не торопится: «поспеет», «не уйдет». Бабка, что надумает, тотчас делает.

Ну, вот так они и жили: бабка работает, старик полеживает. Жили, жили, да и поссорились.

А с чего началось? С мышей.

Бабка любила мышат подкармливать, а старик мышей боялся.

— От мышей,— кричит,— вред, а ты их кормишь, они мне по плеши скачут, спать не дают, один мусор от них. Собак накорми, от собаки прок.

Старуха спорит:

— Мыши хороши, они крошки подбирают, они чистенькие, а собак сам корми. Убирайся со своими собаками! (Видно, вежа-то была бабкина.)

Тут старик раскричался:

— Это как это «убирайся»? Да как это так «сам корми»!

Старуха взяла да и выгнала его из вежи вон: пусть кричит на улице!

А дело-то было зимой!

Старик из дома выкатился, отудобел и закричал:

— Я и сам буду жить, я сам себе вежу построю.

Однако в лес сходить, бревна для вежи принести поленился.

Он построил себе вежу изо льда. Забрался в нее и сидит. Варить нечего, есть нечего. Холодно.

Он развел огонь и лег спать, тут же на голой земле. Огонь пылает, старик греется, а вежа понемногу тает и тает. Наконец вежа совсем растаяла и протекла под старика. Стало ему мокро и холодно. И вот остался он один под звездами, на морозе. Стал уже к земле примерзать.

Крепился, крепился, потом встал и пошел. Ну куда ему идти?

К своей бабке пошел.

Стучится в дверь.

— Пусти... пусти меня, серая мышка, это я, дай обогреться. Моя вежа совсем растопилась и водой утекла.

Старушка молчит. Он опять стук, стук, стук, просит:

— Дозволь, серая мышенька, мне только мизинчик отогреть: вовсе уж замерз мой мизинчик.

А старуха ему из вежи:

— Иди, иди, пенай[1], пес с тобой... Просунь мизинчик в щелку двери, грей.

Старик просунул в дверь не мизинчик, а всю руку. Греет. Стало ему тепло, он и расхрабрился.

— Мизинчику тепло, руке тепло, животу тепло, а ноги холодные. Позволь мне спину обогреть.

— Войди немножко, пенай, пес с тобой, обогрей свою спину.

Старик в дверь втиснулся, у очага спину, руки греет, а ноги на морозе.

Сидит он, греется, а носом чует: уху варит старая! «Ах,— думает,— надо поспеть к ухе».

— Ох, моя мышенька, не дай замерзнуть ногам... Можно ли погреться у огня и с ногами и с руками?

— Иди, иди, пенай, пес с тобою, грей свои ноги и руки, грей свою спину, не докучай. Мне, вишь, некогда: обедать надо.

А сама уже готовится к обеду. У ног своих низенький столик поставила, складной скатертью из бересты его покрыла. Деревянный поднос для вареной рыбы на стол поставила, тут же миску для ухи, риске, круглый хлебец пресного теста, порушила и вокруг миски разложила, а маленькую чашечку с салом и блюдце с красной икрой отодвинула на край стола.

На колени себе она положила чистое полотенце, на стол свою ложку, а ему-то ложки нет!

— Ох...— У старика даже дух захватило и язык припух.

«Что же дальше-то будет?» — думает про себя.

[1] Собака.

Старуха сидит, уху доваривает, старика не замечает.

Вот и уха поспела.

Старушка руки вымыла, передник грязный сняла — чистый надела. Куски рыбы на подносе разложила, уху в миску вылила.

Ложку в руки взяла. Хлебает уху и причмокивает, дует на горячую юшку.

Вареной рыбой по всей веже плывет, у старика дух занимает: ухи, ухи до смерти хочется хлебнуть.

Громко вздохнул старик, а она и глазом не моргнула. А как начала она щучью голову высмактывать, не утерпел старик:

— Ах, головка хороша!

Бабка молчит.

Старик терпел, терпел:

— Дай мизинчик в уху помакнуть.

— Макай, макай, пенай, пес с тобою.

Тут старик осмелел. Ухватил он кусок сига с хвостом и отправил в рот без оглядки. Там еще кусок щуки без хвоста подвернулся — и щука туда же.

Старушка откушала, что осталось подвинула своему старику, а сама сидит улыбается. Тот наелся и тоже сидит улыбается. Он поближе к бабушке подсел. Бабушка не отодвинулась, улыбается. Полотенце ему подала.

— Утрись.

Ну, вот и насытились они, и полотенца сложили, и посуду прибрали.

Сидят. Улыбаются.

Старуха не гонит. Старик не уходит.

Стал старик разговаривать. Старушка улыбнулась. Старик засмеялся...

...И повалились спать.

ЗОЛОТОЙ КОТЕЛ

тарик со старухою жили-поживали. Однажды старик пошел на охоту. Его старый, драный-предранный печок давно уже стал ро́зный, и ветер продувал его насквозь.

«Эх,— думает старик,— добыть бы мне диких оленей на новую одежу. В новом печке́ я бы из леса не выходил, добывал бы всякого зверя. Одного добыл и продал, другого добыл и продал... вот и был бы толк, настоящая была бы жизнь — золотой котел!»

И идет себе старик, идет все вперед и вперед, об охоте уже и думать позабыл. Мерещится ему и новый печок, и шкуры диких оленей, которые он продает, а потом покупает и старухе новый печок, и новую шаль, и новый топор, и новый дом строит, и новую гремяху покупает вместо этой кривули.

Вдруг впереди что-то блеснуло. Подошел поближе. Ох! Золотое платье лежит. Надел старик золотое платье на себя. Как жених стал. И отправился он домой. Надо показаться всем, пусть посмотрят, каков он есть.

Идет старик, даже под ноги не смотрит. Шел, шел и угодил прямо в ручей. Хотел перепрыгнуть, оступился и упал в воду. И потащило его водою вниз, по течению. Тащит и крутит его. Едва ухватился за прибрежные кусты. Схватился за ветки и выскочил из ручья. Осмотрелся, ручей журчит, ручей бежит, а он стоит голый. Его золотой одежи на нем как и не бывало. Он к ручью — одежи нет, лишь вдали мелькнула в струях, а потом и вовсе скрылась.

Так унесло водой его золотую одежу!

Остался старик голый... ни старой, ни новой одежи на нем нет, одна кривая гремяха в руках.

Пошел он домой к своей старухе. Добрался кое-как, рассказывает, дескать, вот так-то и так-то.

— Нашел золотую одежу. Надел на себя, в ручей упал, золотое платье водой унесло, а сам-то я стою нагой, одна гремяха вот...

Стала старуха ему выговаривать:

— Зачем ты оделся на улице? Зачем пожадничал, без меня радовался. Принес бы домой, показал бы мне, мы бы вместе рассудили, как нам золотое платье сберечь. Ведь это платье нам было как золотой котел. А ты и золотое платье сгубил, и свое старое потерял.

И стали жить старик со старухой по-старому, только одежа на старике была уже вовсе драная и старая-престарая.

«РУГИ, РУГИ»[1]

Жили старик со старухой. Детей у них не было. Ходит баба порозная.

— Это беда от попов,— говорит она.— Как пришел к нам первый поп на погост, как начал ходить по улицам и кричать «руги, руги», так и пропало это самое.

Ну, однако, живут они, поживают, попы по улице ходят. «Руги, руги,— кричат,— несите, бабы, руги...» Любят они, чтобы бабы им руги носили. Ну, и эта баба руги носила, отдавала все исправно. А все равно не брюхата.

Однажды она сидела дома, сети вязала да в окошко поглядывала, а на улице поп ходит.

— Руги, руги,— кричит,— несите, бабы, руги.

Ах, баба стала злая.

— В ём вся причина,— говорит.

Как ей от этого попа избавиться? Надо сделать — не кричал бы поп «руги, руги».

---

[1] Руга — плата церковному причту.

Кликнула старика и велела ему.

— Поди, старый, приведи сюда попа. Скажи ему, дескать, у меня старуха больная.

Пошел старик, догнал попа и говорит ему:

— Пойдем, отец, у меня старуха больная, пособи.

Пошел поп. Только им в двери войти, старик уже кричит:

— Вот, старуха, мы идем! — и двери открыл.

Тут старуха на попа мешок! Связали они попа, в мешок запихали, в кережу втиснули и у амбара поставили. Пусть стоит, на морозе помолчит. Ну вот, поп на морозе стоит, ничего не говорит.

Старуха у окна посиживает, на улицу поглядывает, сети чинит, своего старика с охоты поджидает. А сама нет-нет да и прислушается: не стукнет ли сынок? Нет, ничего не слышно. Тут-то в окошко глянула, а по улице опять поп идет. Идет поп и кричит:

— Руги, руги, несите бабы руги!..

Ох, тут баба подхватилась! Только старик в дом, а уж она ему приказ дает:

— Беги, зови попа, скажи: у меня старуха плоха.

Привел старик попа; только двери отворять, старик загодя кликнул:

— Вот, старуха, мы уже идем.

Тут она из-за двери выскочила, попа в мешок — хоп, запихали, в кережу утолкали, у амбарчика поставили. Пусть на морозе стоит, помолчит. Ну, и стали жить.

Живут-живут, а дитя нет и нет.

Вот и говорит старуха своему старику:

— Ох, старик, старик, ты, наверное, неисправный — почему у нас детей нет? Сам видишь: и попов нет, а и ребят тоже нет.

Только она эти слова сказала, как опять услышала, кричит поп на улице:

— Руги, руги, руги, несите бабы руги...

— Старик! Подай мешок, веди попа!

Ну, привел старик попа, опять его в мешок упрятали, в кережу втиснули и поставили на мороз. Пусть стоит, на морозе помолчит.

Ну, и стали жить, поджидать прибытку. Ждали, ждали, весна пришла. Солнышко стало пригревать.

Старуха одного дня вышла на улицу, а ей в нос нехороший дух ткнулся.

— Это что у тебя, старик, там плохо пахнет? Не сумел ты мясо сохранить! — кричит на весь погост.— Зря на охоту всю зиму ходил.

Старик молчит. Что сказать? Пахнет!

Несколько дней прошло, а тут идет по их улице русский мужичок. Вот старуха да старик зазвали его к себе, за стол усадили, накормили и напоили. Брагой и водкой так употчевали, что тот рассудок потерял. Тогда старуха говорит ему:

— Унеси, что у нас в мешке есть!

— А куда с ним?

— Да хоть в реку...

Взял мужик мешок, взвалил на плечи и понес. До реки дошел и вытряхнул мешок. Из мешка выпал поп и поплыл по реке.

Мужик, свое дело сделав, вернулся с пустым мешком к старикам. Те его угощают, вином потчуют без устали. Опять одурел русский мужик, и они ему новый мешок на плечи взвалили. Пошел он, до реки добрался, тряхнул — опять поп. Выпал поп и поплыл вниз по реке. Удивился мужик и пошел к своим старикам,— думал,

они его еще угостят. А они третий мешок взвалили ему на плечи и говорят:

— Последний. Приходи, будет тебе угощение.

Мужик и рад. Отнес и этот мешок. Тряхнул. На реку глянул — опять поп! Удивился мужик, проводил последнего попа и отправился к своим старикам — пусть угощают.

И пришлось ему мимо церкви идти. Он перекрестился, и вдруг, смотрит, из церкви поп выходит.

,— Руги, руги, несите бабы руги...

Тут-то мужик не стерпел. Подскочил он к этому попу, схватил его поперек живота и потащил к реке топить, а сам кричит:

— Спасайтесь, люди добрые! Я его три раза топил, а он опять тут ходит и кричит свои «руги, руги»...

Поп не дается. Мужик на попа орет, к реке тащит.

Народ набежал. Бабы кричат — попа выручают. Мужья сбежались — не разобрались, в чем дело, мужика выручают. Однако бабы попа отстояли. Тогда мужики русского мужика схватили, руки скрутили, а попа отпустили. Спрашивают мужика:

— Где ты взял трех попов?

Он повел их к старику и старухе. Те туда сюда, говорят:

— Беда от попов: баба никак не дюжит забрюхатеть!

Обыскали старика и старуху — нашли поповское платное. Засадили обоих в тюрьму. Сидят старик со старухой и ждут:

— А не подюжит ли баба?!

А русский мужичок остался в ихней избушке жить и по се живет.

Всё.

ЗУБОЧИСТКА

осватали у старика дочку. А старик возьми да откажи.

Позвали отца в гости. Пошел старик. Дочка говорит ему на дорогу:

— Отец, когда в гостях ты будешь мясо есть, не тронь зубочистку. Пусть между зубами набьется мясо, принеси мне мясо в зубах.

Ладно. Старик обещал. Пришел он в гости. За стол его усадили, и пил он, и ел он, и угощался на славу, и мяса наелся вдоволь, и к дочке вернулся.

Девка спрашивает отца:

— Исполнил ли ты обещание не ковырять в зубах зубочисткой?

— Ох, дочка, не мог я стерпеть! Очень уж в зубы набилось мясо, ковырял я в зубах.

— Вот, отец, како тебе саднило, таково и мне терпеть, а ты меня замуж не выдаешь!

У КОГО ДЕЛА БОЛЬШЕ

Жила женщина с мужем. Жили они хорошо. Хозяйство у них было исправное, и дети были у них, и стадо оленей, и уточек они держали.

Раз поспорил муж с женкой.

Жена говорит:

— У меня по дому много дел. Овец кормить надо? Надо. Белье стирать надо? Надо. Обед варить надо? Надо. Хлебы печь надо? Надо. И все сразу.

Муж ей отвечает, что все эти дела — не работа, одна лишь суета, а вот поди-ка ты с оленями управься!

Пошла женка со стадом оленей, а мужик дома остался хозяйничать.

Стал мужик тесто месить, а собака мясо из котла схватила и убежала. Он за собакой, а двери-то не запер. Овцы в вежу забрались, тесто загубили, морды тестом перемазали и глаза залепили. Он овец гнать, а они сослёпу прямо в озеро попадали.

Вернулся мужик в вежу, взял белье, побежал на реку полоскать. Тут собака вернулась. Он на нее:

— Ты зачем мясо съела? — а сам корыто с бельем в воду упустил, белье река смыла, теченьем его далеко унесло. Пока он белье догонял, к веже прилетел орел. Всех уточек орел побил и унес. Мужик домой бежит, а дома ребята пищат, есть просят. А у мужика ничего нет: мяса нет, уточек нет и обеда нет.

А женка уже из тундры идет. Стадо пригнала и у вежи поставила, как следует быть.

Пришла со всеми собаками и говорит:

— Дай нам поесть, мы голодные.

Мужик отвечает:

— Нету.

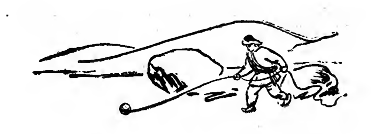
— Чего нету?

— Ничего нету: мясо собака съела, тесто овцы съели, ослепли и в озере утонули, белье рекой смыло, а уток орел съел.

Дети из постели заплакали:

— Хлебца хотим, хлебца дай.

— Эх ты! Принимай оленей — сыты все и целы.

ПУТЕШЕСТВИЕ В АД

или старик и старуха. У старика был сын, а у старухи детей не было. Ненавидела она старикова сына. Старик-то возьми и помри. Осталась баба с нелюбимым сыном. И нашелся этой старушке нахальный мужик. Он ненавидел этого бабкиного сына и хотел от него избавиться.

Пошел нахальный мужик к царю и сказал ему:

— У бабушки хорошей есть плохой сынок. Он хвастает, что может на тот свет сходить и вестей оттуда принести.

Царь велел сей минут ему бабкиного сына подать.

Представили царю бабкиного сына.

— А-а-а, бабушкин сынок, это ты на тот свет собираешься? Принеси-ка мне записку от моего отца, за что доподлинно он в аду прохлаждается.

Вернулся бабкин сын домой и давай плакать. Как ему в ад попасть? Где туда дорога? Не знает, что и делать, как и быть.

А тут бабка пришла.

— Ложись,— говорит,— спать, а там видно будет.— А сама начала клубок ниток мотать.

На другой день встала она спозаранку и говорит сыну:

— Выйди вон. Возьми этот клубок, нитку пальцем зажми, глаза запри, а потом иди. Что бы там ни шумело, ни гудело, ты глаз не отпирай, иди, покуда клубок катится. Остановится клубок — ты глаза открой: тут тебе и будет, чего тебе надобно.

Все так и случилось, как сказала бабка. Клубок долго катился и по лесам и по горам, а потом остановился, завертелся на месте и дальше не пошел. Бабкин сын глаза открыл и вошел в ад.

Что тут деется! И колеса-то катятся, и огонь полыхает. И в печах, и на воле людей поджаривают, люди ревут, а им еще того пуще подбавляют жару железные комары, раскаленные докрасна, они летают и жалют всех, кто ни попадется. Они жалют всех царей, эти комары. Тут и скрежет-то зубовный, и черти-то вьются, и дым-от смрадный чадит, а колеса-то все катятся и катятся одно за другим, а на них мужики и бабы прикованы. Как поднимется какой-нибудь вверх, так сейчас его железные комары тучей... жжик! Огонь повсюду мечется. Через огонь какие-то люди виднеются. Вот и старый царь между ними показался.

— Эй-эй, бабкин сынок! Ты как сюда попал? Ты откудова явился и зачем сюда пришел?

Взглянул бабкин сын на царя и не узнал. Оборван-

ный, ширинки в штанах нету, вся нагота видна, рубаха рваная...

— Я, ваше царское величество, от сына вашего прислан. Записку он требовает: чего ему делать и чего не делать, чтобы в ад не попасть? Не хочет он сюда.

Царь смекнул, в чем дело. Сейчас он у себя кусок кожи оторвал, углем написал чего ему надо.

Едва успел старый царь крикнуть да грамотку эту в руки пихнуть, как налетело на царя колесо, подняло его вверх, штаны вовсе расползлись, и впились в него железные комары. Закричал царь благим матом.

Пожалел парень, что у царя штаны сгорели, схватил эту грамотку, да так, не читая, спрятал ее на груди и скорей повернул назад. Опять ухватился за кончик нитки, глаза запер, и клубок покатился обратно домой. Вслед за клубком и парень через огонь и кости мертвецов, через червей и скрежет зубовный смело переступил адский порог и вышел на вольный воздух.

Он прошел все великие страхи, ничего не боялся. Вышел из ада, глаза свои открыл и увидел: нет его дома; избушка сгорела, бабка сгорела, нахальный мужик помер и протух. От избушки одна зола осталась, да от косточек нахального мужика небо копотью закрылось.

Достал парень грамотку и понес ее прямо к царю. А там свадьбу играют. Ну, однако, он в царской дом заходит и ту грамотку — самому царю в руки.

Царь смотрит, сам читает:

— «Не себя береги, береги, на чем сидишь».

Сказка вся. Вот и пойми — к чему оно тут сказано. Всё.

ПРЯДИНКА

Жил молодой саам. У него были мать и жена. Старуха ненавидела невестку, она решила ее извести.

Однажды она сказала сыну:

— Брось эту жену. Оставим ее тут одну в веже, а сами поедем дальше. Снежное время настанет — тут ей и конец придет.

Послушался матери, отказался муж от своей жены. И откочевали мать с сыном на новое место. Женочка осталась одна, только что живая. Ни корки хлеба, ни сухаря, ни кусочка мяса они ей не дали на прожиток последних дней. Ни рыбы, ни шкуры, ни постели, где бы ей согреться, поспать,— ничего. Муж хотел было оставить старую сеть, да мать заметила, сеть отняла и в свою кережу бросила.

Так и уехали.

Одну в пустыни, в пустой веже, оставили.

«Огонь в очаге не погасили — и на том спасибо»,— подумала женка.

Посидела, поплакала и начала жить: пошла собирать дров в запас. Потом обшарила всю вежу. Ничего не нашла, что бы ей могло пригодиться. Только попалась ей ниточка. Одна прядинка — суровая нитка, из которых сети вяжут,— запуталась у ней между пальцами.

Обрадовалась женка и этой прядинке. Сделала из нее силышко. Сделала, сходила на угор, в суземок, где реденький лесочек раскинулся, весь в ягодах. Тут куропатки от веку кормятся. Вот она это силышко наладила, а сама ушла домой.

Вечером, однако, легла спать порозная, не евши легла спать. Наутро попалась в силышко куропатка.

Из куропаткиных лапок женка достала жилы. Размяла их и сделала еще одно силышко. Вот и стало у нее уже два силка.

И начала она добывать куропаток, день ото дня все больше и больше. Из лапок добывала жилы и делала силки, а пух запасала впрок.

Наступили холода. Женка взбивала пух, забиралась в него и спала под ним, как под снегом,— тепло. Потом надрала она сосновых корешков, сплела их с жилами куропаток и сшила себе из пуха одеяло, потом и рову сшила. В ней она спала в тепле, сухая.

Так и жила.

Водой ей был снег — она его растаивала. Куропаток она жарила. Огонь у нее горел неугасимо,— днем жгла дрова, какие попадутся, а на ночь она запасала сухой можжевельник. Горит он медленно, не скоро потух-

нет, а огонь-то у него пылкой и веселой, тепло дает надежное.

Прошло сколько-то времени. Муж этой женщины с матерью ехали мимо,— на новые места рыбачить пробирались. Заехали вежу посмотреть и схоронить невесткины косточки, а женка-то жива!

Вот как она вернула себе мужа.

С тех пор этот человек не давал жену в обиду. До конца дней своих они жили хорошо.

МЕДВЕЖЬЯ ОХОТА

Старик Фома Семенович из Каменского погоста был шибкой охотник. Однажды отправился он на охоту. Пошел — и сразу двух медведей увидел: хирваса и матку. Начал он им говорить, что, дескать, попались вы, медведи, двое вас, а я один со пищалью.

— Одна моя пулька вас двоих возьмет.

Выстрелил и не попал. Медведи обернулись и пошли на него ходом. Фома прихватил с собою пищаль — да на лесину и там ухоронился. Лесина была кривая, а когда Фома на нее взобрался, она скренилась еще больше.

Медведица полезла по лесине за Фомой. Он ее по носу пищалью, да промахнулся и упал с лесины вместе со пищалью наземь.

Медведь-хирвас на него навалился, а тут и медведица подоспела. И начали они Фому катать, что тебе чурку.

Фома видит: конец ему, дух вон, смерть его пришла. Закричал он на них:

— Медведи! То знайте, человек я, человеку надо с покаянием умереть.

Медведи навалили на него лесин и валежнику и убежали прочь...

Встал Фома. Со лба у него кожа сорвана. От крови глаза ничего не видят: дырки глаз на щеках лежат. Поднял он кожу, привязал ее платком и пополз на четвереньках домой. Слышит, вода журчит. Обмыл он лицо, дырки глаз на самые глаза приладил — стали глаза видеть. Поднялся он на ноги и хотел домой идти, а тут к нему человек идет — отец его.

Отец у Фомы сильно знаткой был старик. Причудилось ему, что сыну Фоме плохо. Знал он, в каком месте беда случилась,— прямо туда взял путь. И вот встретил и помог ему до дому дойти.

МАЛЬЧОНКА ЧЕРНАЯ ЗАПЛАТКА

или муж с женой. Вежа их стояла на берегу озера, у самой воды. Еще жили с ними мать его и сестра. И был у них сынок, маленький мальчик. Починяла мать его печок и наложила на спину черную заплатку.

Пошел хозяин охотиться на ту сторону озера. Женщины остались дома, рыбу в озере ловили да сети сушили. Два дня ожидали охотника домой, а его все нет и нет.

Вот рано утром сестра вышла из дому, взошла на холмик посмотреть на озеро: не едет ли брат? И вдруг услышала: кукушка кукует, а не по-кукушиному! Она вбежала в вежу и крикнула старушке и невестке:

— Чудь пришла! На той стороне озера чудь!

Те спрашивают:

— Ты почем знаешь?

— Слышите, кукушка кукует, а не по-кукушиному. Это брат нам весть дает, чтобы мы хоронились!

Двери из вежи открыли, посмотрели на озеро, а чудь уже тут: плывут через губу разбойники прямо к ним на вежу.

Женки ружья похватали и в лодку прыгнули, а бабка еще и рваную холстину со смолой с собою прихватила.

Стали они грести веслами что есть сил навстречу чудинам. Прямо на них без страха в своей лодке поехали.

Чудины уже половину губы проплыли. Женки не робеют, напролом идут. И стали стрелять в чудинов, а которых и веслами бить. Чудьжерве-атаман в воду нырнул, подо дно лодки подобрался и начал в нем ножом дырки пробивать. Атаман дырки из-под воды сверлит, а старушка сверху эти дырки конопатит холщовыми лоскутами со смолой. На другом месте вода потечет — она там свою печать кладет. И вот женки всех чудинов победили. Вперед поплыли — хозяина выручать. Увидев, что они на другую сторону озера направились, Чудьжерве к их веже поплыл.

А парнишка тут как тут, по берегу бегает. Чудьжерве уже близко к берегу подплыл. Кричит мальчику:

— А-а! Какой тут мальчонка бегает, черная заплатка на спине, пуф, пуф, пуф...

Парнишка бегал, бегал, да ка-ак схватит самострел, да ка-ак наложит он стрелу... и начал целиться в Чудьжерве.

Чудьжерве ему кричит:

— Не стреляй, мальчонка Черная Заплатка! Не стреляй, погоди!

Мальчонка тут и выстрелил. В самый кадык Чудьжерве угодил. Атаман на дно пошел. Ну, а жена и сестра нашли охотника. Враги, чтобы он не кричал, связали его накрепко, а в рот всунули кляп. Так и лежал он бессловесный. Женки развязали, освободили его от пут, все вместе приехали домой. Парнишечка подбежал к отцу и говорит:

— А я одного чудина поймал!

Отец-мать любопытничают:

— Где ты чудина поймал? Где он у тебя спрятан?

— Вот тут, около большого камня в воде.

Пошли посмотреть, а это Чудьжерве — главный атаман плавает, уже не живой.

Ну, и вытащили они атамана из воды и похоронили на острове посередине озера.

ЛАУРИКАДЖ

или старик и старуха. У них родился сын. Имя ему положили Лаурикадж. С малых лет бегал парень на лыжах. Куда взглянет — туда ему путь. И в лесу и в тундре обратную дорогу всегда найдет; лесную азбуку он знал крепко.

Вырос он. Женился. А жена-то ему попалась нравная; злая попалась ему жена. Стал Лаурикадж промышлёнником, сильным охотником. Народ о нем говорил: «Самый лучший, самый опытный он проводник!»

В лесу он рыскал, как собака за дичью; он помнил каждое дерево, в тундре любой корень знал и каждый родник; даже давно позабытое людьми кострище было у него на примете. Еще не было охотника, который бы лучше знал свою землю, чем Лаурикадж. Он знал, какой зверь и какой человек в котором часу и когда ходил по любой тропе.

Всем нужна его родная земля — его Саамиедна. Каждому вожаку шайки разбойников подай город Колу, укажи ему самый богатый погост саамов. Чудь — это ватаги грабителей: тут и шведы и норвежцы, тут и финны и карелы, всякого народу тут бывало; все налетали на землю саамов как воронье. Грабили и жгли ее, людей мучили, в плен угоняли. Чудь шла на саамов, вооруженная мечами и в доспехах, а саамы разве могли оборониться ножами, дротиками и луками?

Саамы не знали, как жить на этом свете! Они уходили в глушь, делали там тайные землянки, зарывались под мох, под землю.

Один Лаурикадж не прятался. Он всегда был на глазах у чудских вожаков. Встречные старики и охотники по уговору отсылали шайки врагов к Лаурикаджу. «Он знает, он все знает и укажет»,— говорили они, будто и в самом деле ничего не знали. Они знали: Лаурикадж расправится с чудью как надо.

Однажды взялся Лаурикадж проводить чудь через озеро Оунас-ярви. На семь лодок погрузились. Поехали. Сам Лаурикадж на маленькой лодочке впереди. Проплывали мимо островка,— так, землишки кусок неведомо зачем лежит на воде далеко от берегов. Проголодались чудины и попросили Лаурикаджа пристать к этому острову на привал. Пообедать захотели. Выгрузили они припас на обед, пищу сварили, сами обедают, а проводника даже не угостили. Ну, подкормились и разбрелись по острову — пошли лакомиться морошкой. А потом повалились спать. Все полегли, одного только часового приставили к лодкам. Часовой, однако, скоро заснул. Лаурикадж не мешкая перенес в лодки все, что было вытащено на берег: топоры, мечи, котлы и съест-

ное. Все это он погрузил обратно в лодки. Связал их одна с другою и оттолкнулся от берега. Не успел отъехать, как часовой проснулся. Хвать меча — нет меча. Он в воду бросился в чем был, хотел удержать последнюю лодку, Лаурикадж отсек ему мечом все пять пальцев. Они упали на дно лодки вместе с золотым перстнем. Часовой закричал, поднял тревогу, но Лаурикадж был уже далеко.

Все повскакали, хватаются за оружие, а его нет! Кругом одна вода. Лаурикадж вокруг острова на лодочке своей ездит — караулит, чтобы никто с острова не уплыл.

Стали они просить Лаурикаджа не покидать их.

— Наш добрый лопарь, братец наш, не уезжай, не покидай нас на верную смерть, не оставь нас одних на погибель! Вернись, пожалуйста, мы дадим тебе каши со шведским маслом, будешь есть ее своею собственной ложкой из нашей общей миски. Не хочешь своей ложкой есть — дадим тебе ложку атамана, ешь, пожалуйста, только вернись к нам обратно. Не погуби нас! — ревели они с острова.

Лаурикадж им громким голосом ответил:

— Каши я отроду не ем, муки мне и дома хватает, а шведское масло я попробую немного погодя.

Когда чудины поняли, что просьбы их напрасны, они начали проклинать Лаурикаджа, браниться и грозить, а один чудин даже завопил:

— Иди сюда поскорее, мы зальем тебе глотку горячим свинцом вместо шведского масла!

Лаурикадж перегнал все лодки на дальний берег, а сам в своей лодочке кружил и кружил вокруг острова. Ни одному чудину не удалось переправиться на матерой берег. Девять дней и девять ночей плавал Лаури-

каджа вокруг разбойников. Он стерег их из лодки, как орел с высокой горы. На десятый день стало видно: лежат чудские тела уже неподвижные.

С тех пор и до сего дня этот остров называется «Чудской островок».

В другой раз Лаурикадж подрядился проводить чудь вниз по реке Пазе. Он провел все семь лодок через самые опасные пороги и водопады. Чудь слушалась каждого его слова. Когда же лодки стали приближаться к последнему падуну Гаевису, послышался грозный гул большого водопада. Чудь не на шутку испугалась, но Лаурикадж сказал, что никакого водопада тут нет, это шумит прибылая вода. Морская волна встречается с речной водой — вот и шум идет великий.

— Море близко — оттого гремит земля,— говорил он, успокаивая чудь.

Лаурикадж сказал им, что вот теперь настала самая опасная часть их пути. Надо очень искусно провести лодки по встречной воде. Он приказал:

— Всем лечь на дно лодок вниз лицом и не шелохнуться!

Все семь лодок он связал вместе, встал на носу первой и повел вперед. Стремнина водопада захватила лодки и понесла их прямо на камни. Лаурикадж направил лодки на средний камень, нависший над страшным водосливом падуна, вскочил на него и хотел было скрыться, но атаман успел запустить в него копье. Он ранил его в ногу. Все семь лодок унесло в водоворот.

Окровавленный Лаурикадж прибежал в русский погост. Саамы, что жили в этой деревне, играли в мяч. Увидели они незнакомого человека, кровь на нем и пошли всей артелью против него. Они думали, это Чудь-

жерве, и решили его убить. Но Лаурикадж назвал себя, рассказал им, что с ним случилось. Саамы собрали весь народ — и своих и русских соседей — и всем скопом отправились к падуну. Привел их Лаурикадж и показал, как чудские тела плывут по течению реки. Водопад покрошил и перемолол всех врагов, а руку атамана с зажатым в кулаке мечом выбросило на мель. Так и называется место «отмель Меча».

Было и так, что чудь пришла к Лаурикаджу зимою. Они шли на Колу и просили проводить их до ближнего саамского жилья у моря. Лаурикадж согласился. Он связал все сани чудинов в одну райду, запряг в эти сани своих оленей, сам стал во весь рост на передней кереже и тронулся в путь. Кережа, на которой он ехал, была свободна — не связана с другими санями. Левой рукой он управлял оленями, а в правой держал смолистую чурку. Она пылала и освещала чуди путь. Олени прытко бежали за огнем. Лаурикадж гнал оленей во всю мочь, чтобы приехать к жилью еще затемно. Вот достигли они береговой скалы. Вот обрыв. Лаурикадж метнулся на своих санях влево, а горящую чурку он бросил с крутизны вниз. Олени погнались за огнем — и все сверглись в пропасть. Все там погибли: и люди и олени. А олени-то были его, самого Лаурикаджа. Не пожалел он даже оленей.

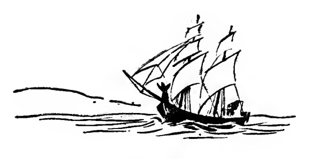
За такие проделки чудь возненавидела Лаурикаджа. Они решили его уничтожить. Это и удалось бы им, да Лаурикадж не будь плох — умел их обойти. Он был охотник и умный и хитрый воитель!

Вот чудь застигла его дома, в его собственной горнице, в тупе. Он разделывал тушу оленя, только что убитого. Не удалось бы чуди застигнуть его врасплох,

да на беду у иего была ссора с жеиой. Оиа была зла в тот деиь. Оиа дала зиать чуди, что дома ои, ее хозяии, в тупе сидит ее муж. Чудь пришла и в самом деле застала его в горнице. Одиако в дом войти ие решались. Атамаи был увереи, что птичка поймана, поэтому не торопился схватить Лаурикаджа.

А Лаурикадж уже чуял за стенами дома врага... Что делать? Ои скииул свой печок, иабил его мясом той туши, которую разделывал, и приставил его к входным дверям.

Сам же через дымоход поднял на крышу все пуховые подушки жеиы. Спустился вииз, печок с мясом схватил и бросил в двери. Чудииы подумали, что это к иим в ноги бросился Лаурикадж в печке, и давай его колоть иожами, саблями и копьями. А Лаурикадж мигом поднялся иа крышу и распорол ножом все подушки. Пух белым облаком окутал все кругом. Даже стало темно. В суматохе и в этих-то сумерках Лаурикадж спрыгнул с крыши и пробежал к реке, сел в лодку и сплыл вииз в безопасные места. А чудь в тумаие из пуха обратила мечи и копья друг против друга. Тут погибли они все, потому что каждый видел перед собою только страх, только врага своего Лаурикаджа.

КРАСИВАЯ КАТРИН

Жили старик со старухой. Их вежа стояла против города Колы, через губу, под горой. У стариков была одна, любимая дочка. Звали ее Катрин, «Красивая Катрин», потому что была она очень хороша собой. Отец и мать выдали ее замуж за удалого охотника, красивого парня Йоська. Молодые крепко полюбили друг друга.

Однажды в воскресный день Катрин с мужем и со стариками поехали в город на большой торг. В то время заморские корабельщики хорошо брали саамские товары. Родители Катрин хотели обменять свой жемчуг и меха на кусок красного сукна. У одной палатки они торговались, шумели, горячились и совсем позабыли о дочке своей, красавице Катрин.

А Катрин заманил продавец бисера. Она была рукодельница, она очень хотела поменять свой жемчуг на заморский бисер.

Давно уже задумала она украсить грудь своему Йоську охотничьим убором бисерного шитья. Это был бы очень красивый убор.

Она стояла у лотка и подбирала одну бисеринку краше другой. Тут и подошел к ней молодой капитан немецкого корабля. Он взял ее за руки, привлек к себе и говорил ей горячие слова. Переводчик повторял его речи. Что они сказали ей, она ничего не поняла. Ей стало стыдно, ей стало страшно. Она закричала. Подбежал муж, старики, а капитаны скрылись, пригрозив, что они скоро вернутся. Когда вся семья приехала домой, Катрин просила и мать, и отца — и мужа просила она — уйти с этого места. Она просила сегодня же перебраться на Тулому-реку, на их речное место, где они будут жить до зимы, ловить там осённую семгу.

Утром, встав ото сна, она сказала:

— Сегодня во сне приснилося мне: о Петров день придут за мною три корабля. Они увезут меня в далекие края.

И она кланялась отцу и матери и опять просила мужа: сегодня же уехать на осённое место, на Тулому-реку. И опять старики не поверили, не послушали ее, на торг поехали. Муж отправился на охоту.

Не прошло и время обеда, прохожие люди сказали:

— Три лебедя белых по морю летят!

Катрин промолвила:

— То не три белых лебедя летят, то едет за мною мой суженый, мой лиходей.

Она ушла в лес по ягоды, чтобы не нашли ее чужеземцы.

Три корабля пришли и стали против дома отца и ма-

тери Катрин. На них паруса были приспущены. Сошли с них заморские люди.

Они разостлали ковры красные, как кровь, от корабля до самого дома красавицы Катрин. Они не нашли ее в веже. Они в лес пошли, отыскали там Катрин, схватили на руки и отнесли ее на самый красивый корабль. Свернули ковры, матросы раскинули паруса. Корабли направили бег по заливу на север, в сторону моря.

Стояла тихая погода, суда уносило медленным ходом. Они еще были видимы не очень далеко, когда вернулся муж Катрин — удалой охотник Йоськ.

— Где же Катрин моя?

А ему отвечают:

— Заморские люди увезли нашу Катрин. Три корабля, три черных лебедя, увезли твою Красивую Катрин. Вон чернеют они далеко — там твою Катрин найдешь! Беги! Догоняй!

Схватил он ружье и побежал, быстрый как стрела. Он бежал вдоль берега. Ветер был тихий, паруса были неполны, суда несло медленно. Он бежал так быстро, что убитая им на охоте куропатка, положенная за пазуху, испеклась. А он бежал и бежал, пока не догнал корабли. Он выстрелил и убил рулевого. Корабль сбился с курса, его подхватил ветер и вынес на середину залива. Тут выбежали на палубу пушкари и открыли пальбу. Осколками ранило Йоська. Очнулся он и увидел, что нет на море ни одного корабля.

Он вернулся домой,— в пустую вежу вошел. Катрин, его любимой жены, в его доме не было. Он не мог перенести тоски. От той тоски он бросился в море. Погиб верный муж нашей Катрин, погиб славный охотник, красивый Йоськ.

Капитан корабля увез Красивую Катрин за три далеких моря.

Привез. Ковры красные постелил от корабля до крыльца своего дома. Катрин идет, льет слезы, а капитаны ведут ее под руки по красным коврам, за стол усаживают, пировать велят. Но она не далась, не села за стол.

Капитан запер Катрин в спальню, заковал ее железными цепями, все двери, все входы и выходы заложил железными плитами. Он велел ее стеречь, чтобы света белого не видела. А сам уехал за море воевать, всеми пушками стрелять со всех своих кораблей.

Осталась красавица Катрин одна. Только и видела свет, что через цепи свои в оконце малое.

Пела Катрин. Пела Катрин свою песню о том, как капитан «Железное Сердце» замкнул ее тремя замками, тремя железными цепями, ни солнца, ни света не видит она, только тоскует о милом, и болит ее сердце об отце, об матери.

Через три года вернулся капитан. Вернулся хромой и раненый. Но и теперь Красивая Катрин не поддалась его уговорам, а на самоцветные камни да на шали его даже не взглянула.

Тогда в тюрьму ее засадили, опустили на дно морское, ее тело калеными клещами терзали. Еще три года черной тюрьмой, корабельной, ее мучили. Всего три раза ей дали посмотреть на белый свет, на небо голубое, сквозь щелочку двери, узкую как игольное ушко.

Но она не сдалась капитанам, она не пила и не ела, только сказала, когда уже кончалась ее жизнь:

— Я полажу с вами, если снова увижу родные края.

Заморские люди согласились показать ей родимое место. Они сказали ей:

— Хорошо, мы отвезем тебя на родину, ты повидаешься с отцом и матерью!

И они повезли Катрин домой, к ее родным берегам. Капитаны решили выпустить ее на палубу, на вольный воздух. И опять они постелили ей красные ковры от самой темной каюты ее на верхнюю палубу, к капитану. Но Катрин, выйдя на волю, прошла прямо на нос корабля. Она встала здесь на самое высокое место. Отсюда услышали люди города Колы горькую песню Красивой Катрин:

Года три жила я в неволюшке,
Белый свет трижды видела,
Ясный свет трижды видела
Сквозь игольное ушко малое.
Всяко-всячески меня мучили:
И калеными жгли железами,
И щипцами терзали длинными,
И кидали в воду-по́д воду,—
Непокорная, не сдавалась я,
И неверной душе не поддалась я.
Передайте же, люди добрые,
Пусть придет ко мне
Ненаглядный мой
Раскрасавец Йоськ *.

Ей с берега так ответили люди:

Ты послушай нас, Катрин славная,
Не дождешься ты Йоська милого,
По тебе тоски он не мог снести,
Нет в живых его:
в воду бросился *.

Катрин подняла руки и пала с корабля в морскую пучину.

СКАЗ ПРО НЯЛА-СТАРЦА И ЕГО СЫНОВЕЙ

ял-старец был родом из Печенги. От его корня вели начало свое саамы Егоровы. Остался ли кто из них в живых ноне — то неведомо. Нял-старик был сильно знающий человек: наперед все видел и знал, чего простому человеку даже и невдомек.

Уже в старых годах его на дальнем перевале оказался летучий камень [1]. Загородил этот камень белый свет! И не стало видно старому Нялу, не идет ли чудь походом на его родную Саамиедну.

Одного дня он поднялся со сна, встал против этого камня и сказал свое слово. Раскололся камень на части. Чистой предстала теперь дальняя сторона. Чуть затемнится там, вдали, Нял уже знает: жди врага.

---

[1] По уже отжившим представлениям саамов, камни растут. В некоторых местах еще рассказывают предания о летучем камне.

Было у него два сына: хитрого ума были люди, и довольно сильные, добычливые охотники, и знаменитые стрелки из лука.

Семья Няла жила в погосте, однако сам старик и сыновья его не всякий день ночевали дома, потому что опасное то было время. Чудь охотилась на старого Няла и его сыновей. Храбрые и хитрые Нял и его сыновья много бед причинили чудьжерве Чуэт-Аккам и его шайке в отместку за их набеги на саамов. Невдалеке от погоста, в лесу, у них было устроено другое тайное жительство. Здесь они жили в амбарах, среди чащи, невидимо и неслышимо. Амбары-то на высоких пнях, обрубленных сажени на две от земли. Для того так мастерили, чтобы никакому зверю и мышам неповадно было туда лазить. Нял с сыновьями тут жил как в крепости. Амбары окружали поваленные ели, сучьями наружу: поди продерись! А кругом вырыты невидимые ямы. В ямах — острые колья. Где был вход, где был выход, где эти ямы, знали только сами хозяева да их жены, а и то не все им было положено знать. Много, очень много разных запасов, продуктов и всякого богачества хранили тут старый Нял и его сыновья.

О филипповки все трое отправились в сузёмок промышлять диких оленей; на реку Печенгу решили заехать — не удастся ли бобров добыть. Много объехали они дикарьих ухожей, много осмотрели ловушек на бобров. Они зорко следили дикого зверя, но еще того строже наблюдали, нет ли где врага. А если есть след — куда ведет он? И сколько народу прошло? И куда? Кому грозит беда? Должно вовремя дать весть своим людям. Укрылись бы.

В тундре было спокойно,— чудских следов не приметили.

Много привезли они с собою мяса дикого оленя и бобровых шкурок довольно.

Нял-старец вернулся домой первым. Вошел в свой амбар, остоялся, осмотрелся кругом и сказал:

— Они уже в погосте!

Знал, чуяло его старое сердце великое горе.

Тут и сыновья подоспели со своими тяжело груженными кережами.

Нял-старец встретил их, встал со шкуры медвежьей и сказал:

— В погосте у нас беда. Пришла чудь. Большою силой явилась. Всех людей они перережут: лучше сейчас туда не ехать. Не ходите в погост! Знаю я, знаю, что дома нет ни куска мяса. Но не ходите туда! Если пойдете, понапрасну погубите жизни, сыны мои.

А сыновья, хотя и устали с дороги, однако хотели прямиком ехать к женам, надо было отвезти им мяса; давно уже кончился запас, мужья это знали.

— Опять ты нам мешаешь своим враньем! — ворчали они на старика, а сами-то верили ему, знали, что Нял-старец видит в будущем.— Однако нам нужно ехать в погост, жены сидят без корма. И мы поедем! Говоришь ты, что много чуди пришло в погост, а где следы? Мы кружили по тундре — нигде никаких следов не видели. Нам нужно ехать в погост, и мы поедем!

— Напрасно не верите мне,— отвечает им Нял,— я говорю верно.

— Мы не можем оставить жен и детей одних и голодных, мы едем,— твердо сказали братья.

Тогда Нял сказал им свое последнее слово:

— Так вот что скажу я вам: вы знаете, что в ловушки для бобров попадается только один бобер. Всегда так бывало. Верно ли я говорю?

— Это верно,— сказали сыновья.

— А сегодня,— говорит Нял старшему,— ты возьмешь двух бобров из одной ловушки. Поезжайте и проверьте!

Поехали и в первой попавшейся кулеме вынули сразу двух бобров.

— Верите ли теперь? — спросил Нял, когда они вернулись.

— Не знаем,— ответили сыновья.

— Ну, если и теперь вы все-таки хотите ехать, едем все вместе, втроем! Только еще скажу вам слово. Когда подъедем к погосту, сначала посмотрим с горы, что там, в погосте, делается.

Ну, спрятали они пушное в амбары, сменили усталых оленей на быстрых важенок, чтобы скорее доехать, прихватили две кережи, груженные мясом, и поехали с горы, откуда вся деревня видна как на ладони. Стали они смотреть, что в погосте? Как там живут?

А в погосте все хорошо, праздник: на улице много народу — девушки и молодки, все нарядные, все гуляют; другие в кольцо-веревочку балуются. Ребятишки малые мячик по улице гоняют.

— Сегодня праздник! — воскликнули сыновья. И, указывая отцу на гуляющих девушек и женщин, укоряли его: — Ну, где тут чудь? Был бы враг в погосте, недосуг бы девкам и женкам играть да наряжаться!

Старый Нял сказал им на это:

— На то не смотрите! Сегодня праздник, это правда! Они все нарядные ходят, играют. Посмотрите глазами

охотников: разве не видите вы, что это веселье не по воле, а по приказу. И когда это видано, чтобы все девки, все женки, до единой, гуляли по улице и в игры играли, а парни где? Чтобы обмануть нас, чудьжерве выгнал всех женщин из домов на улицу. Сами чудины сидят в тупах и смотрят на них от нечего делать да нас поджидают. Если вы и этому не верите, сделаем так. Зачем нам троим погибать, пусть погибну я один. Останьтесь здесь. Смотрите, что будет со мною. Давно за мною охотится чудь, все едино мне от них не уйти!

И вот взял старец Нял две кережи с мясом на привязь, сел в свою, запряженную важенкой, и поехал в погост один.

В середине пути дорогу пересекла речка. Старик переехал ее, потом слез, пропешил ее вдоль и поперек своим боевым ножом и пустился дальше. По дороге, на угоре, ему навстречу гонец из деревни. Говорит Нялу:

— Они в погосте. Спаси, Нял-старец! Только ты с сыновьями можешь выручить.

— Знаю,— ответил Нял,— вот едем мы. Садись позади меня.

Чудь засела не только в тупах, они обложили все селенпе со всех сторон.

Едва Нял подъехал к погосту, как выскочила чудь. Было их много, очень много; может быть, триста человек. Они бросились к старику; а он же отрезал кережи с мясом и для приманки бросил его чудинам. Знал, что между этими людьми будет свалка из-за мяса. Он надеялся тем временем ускакать обратно, так и было бы...

Чудины набросились на кережи с мясом и передрались. Нял помчался на своем олене в сторону от погоста, обратно, к сыновьям, домой!

И он ускакал бы от чуди далеко, не догнали бы его, но сидел с ним в кереже второй человек. Старый Нял хотел спасти гонца. Тут выскочил чудьжерве-атаман и его люди из засады и побежали ему наперерез. Догнали Няла и окружили его. Выпрыгнув из кережи, он поставил гонца спиной к своей спине, отпугнул важенку, выдернул свой боевой нож; пока не ранили его и не упал он, старый Нял не сдавался. Не одного из нападавших он уложил на месте. Но силы были не равны, атаман полонил старца и тут же на месте убил его своею гнутою саблей.

В ту же минуту чудьжерве снял со старика его печок и одел на себя, также и шапку.

— А где же сыновья Няла? — спрашивает он своих людей.

Ему отвечают, что сыновья Няла либо еще на охоте, промышляют оленей, либо Нял, зная, что ожидает их здесь, оставил их на горе.

Атаман приказал уничтожить весь народ до последнего человека.

— Оставить в живых только двух невесток Няла,— крикнул он, вскочил в кережу и помчался в ту сторону, откуда приехал старик; по его следу погнал он прыткую важенку Няла.

Он поднялся в гору и уже заприметил сыновей Няла. Братья все еще укрывались в похоронке на горе. Они же, завидя человека в кереже, на отцовском олене, в отцовской шапке и печке, подумали, что отец остался жив.

— Вот отец едет назад! Он убежал от чуди! — сказали они друг другу. Однако младший вгляделся в седока и говорит:

— Это не отец! Отец наш старик, он поменьше ростом.

Старший крикнул:

— Твоя правда: чудь хитра! Это их атаман! Он убил отца, нарядился в его шапку и в его печок. Теперь гонится за нами. Берегись, брат! Бросай райды! Лучших быков в кережи! Будем его подманивать! — И поскакали они в сторону озера.

Атаман за ними вдогонку.

Добежали братья до озера. Видят: настигает атаман. Выходит, дело плохо. Не подманивать надо, а самим спасаться. Братья погнали оленей что было силы. На беду, у младшего брата олень пал: загнали. Они его прикончили, чтобы мясо не пропало.

Атаман скачет, не жалеет лучшую важенку старого Няла. Он уже снова завидел братьев. И вдруг случилась с ним беда: провалился он в речку на переправе, где старый Нял пропешил лед. Пока выбирался он из воды да прибирался, братья успели управиться с павшим оленем.

Говорит младший:

— Брат! Неужели ты оставишь меня одного?

— Нет,— говорит старший,— садись скорее в мою кережу и погоним вместе.

Сели и погнали оленя как могли. Опять атаман их настигает. Встал в кереже на колени; в отцовском печке он казался меньше и очень походил на старого Няла.

Старший брат закричал:

— Мы опознались! Это отец едет за нами!

Однако младший, он востроглазый был, не поверил.

— Не отец это,— говорит,— атаман настоящий, гонится за нами. Кривуляй, кривуляй сильнее след, как

только можешь, петляй у него перед носом! Я буду в него стрелять.— Взял в руки лук и приготовился спустить стрелу. Когда упряжка атамана на извороте приблизилась на полет стрелы, младший спустил тетиву. Стрела угодила атаману в глаз. Мертвый, он упал в кережу ничком.

Олень-то свой! Он бежит и бежит позади кережи братьев. Видят они, что атаман неподвижен лежит — остановились. Оленям дали передохнуть. Атамана из кережи долой! Младший в кережу скок — и помчались опять. К своим амбарам, к потайной крепости поскакали.

Люди чудьжерве ждали, ждали своего атамана обратно и потеряли терпение. Решили ехать на разведку.

Тогда добрая половина их схватили саамских оленей и поехали атаману на выручку. До речки доехали, всех оленей в ней утопили, едва сами выбрались. До озера добрались пешие. Тут видят: лежит человек в печке. Обрадовались!

— Ага, вот сынок старого Няла сложил свою голову,— говорят между собою.— Наш атаман, видно, погнался за другим сыном.

Перевернули лежавшего лицом кверху.

— Атаман убит! — вскричали все сразу. Тут-то на них страх напал. Чудьжерве — атаман их, убит! Как им быть без главаря?! А ну, как те, в погосте, узнают да со всею добычей подадутся домой? Как тогда без атамана выбраться из незнакомой страны? Кто разделит добычу? Судили, рядили, решили: одной партии вернуться в погост и не отпускать никого в случае вздумают бежать домой, другим же идти братьев ловить.

Легко сказать, а каково то сделать?

Братьев они настигли только в убежище, где стояли амбары на высоких пеньках, где была у них крепость с неприступной оградой. Саамы вовремя смекнули — быть погоне! Они засели на крышах амбаров, упрятались в похоронку — никому не видимы стали. Переметнулись еще в одну похоронку и замерли. Ждут. Им видимо все, что делается перед оградой. Чудь и не ведала, в какую ловушку попалась.

Ну, и пришли чудины к этим амбарам. Кроме высокой ограды, ничего не видать. Кругом повалено дерево на дерево, торчат заостренные суки, не дают даже близко подобраться к засаде. Только и видны верхушки амбаров с оленьими рогами на крыше да на рога еще чего-то наброшено, будто там люди спрятались. Ну, чудинам до этого дела нет. У них забота — где какого добра добыть, съестного бы да пушного товара, вот им что нужно.

Стоят против крепости и переговариваются:

— Амбарчики-то на одной ножке стоят,— срубить бы надо. Там уж, наверно, неплохо припасено. Пожрать-то надо бы, с утра ведь не евши. И срубить-то легко! Подумаешь — один пень!

Братья услышали эти речи, и кричат им в насмешку:

— Погодите рубить! А если голодно, так мы вас накормим, дадим вам едобы!

И начали они из луков стрелять, да не прямо в лоб, а с левого боку. Чудь шарахнулась вправо, думали спрятаться, а угодили в глубокие ямы. Там они повисли на острых кольях. Братья стрелы шлют одну за другою без устали, метко, без промаха бьют! Засыпали

они своих врагов стрелами и уложили многих тут, на месте. Чудь ударилась по неведомой ей тропе в лес, ухорониться хотели, а оттуда их самострелы поражают.

Войти-то вошли, а выхода нет! Куда ни бросится враг, ему везде погибель. На глазах у братьев бегают, а убежать не могут. А те стрелами бьют врагов одного за другим; однако чудины нашли ход и побежали в погост. Мало их осталось, больше тут полегло.

Ночь пришла. Братья на макушки амбаров забрались, не слезают. Берегутся. Следят: нет ли где засады, не шевельнется ли притворный чудин. Видят — нет никого. Кто лежит, тот убит намертво.

Стали братья тихонько перешептываться. Говорит младший:

— Вслед за ними надо бы ехать!

— Надо бы ехать за ними вслед,— отвечает старший.

Помолчали. Слушают.

— Пойдем на лыжах! — говорит младший.— Бояться нечего: атаман убит, считай половины силы нет, да и мы тут положили их не мало.

— Эти остатки, которые отсюда убежали,— говорит старший,— они на дороге заночуют. Тут им конец! Бежим догонять их, пока не ушли они до погоста, тогда будет труднее.

И пошли они на лыжах. Наступила ночь. Чудины развели костер. Уселись вокруг обогреться, тут же у дороги. Завидя костер, залегли братья в снег, подобрались, приловчились стрелять сбоку: одним выстрелом кончали двух сразу. Ну где же тут выстоять против них! И этим чудинам братья отомстили.

Сыны Няла помнили слова отца — не ходить в по-

гост. И они не пошли. Сначала высмотрели, что там делается.

А там чудь кончала грабить. Атаман, уезжая, приказал все добытое сложить в один дом. Лишних людей в плен не брать, оставить только двух невесток старого Няла. Красивы они были и молоды.

Чудь засела в доме старого Няла. Тут и добро сложили, тут и жили они и пировали, поджидая своего атамана.

Когда собрались они все вместе, оглядели друг друга и приужахнулись. От резни и грабежа вся-то одежа их в крови и в грязи. Дома, пожалуй, испугаются, двери не откроют.

Чудины приказали пленным женщинам выстирать все. Поскидали чудины штаны и кафтаны заморского покроя, а сами кое-как надели саамскую одежду; сидят, огонь палят, греются и пируют, ждут когда прачки подадут им чистую одежду.

Взяли женки кафтаны и всякое другое, развели костры, котлы с водою поставили, вскипятили, одежу выпарили, вымыли и пошли на реку полоскать. Чудь приставила к ним часового — своего верного человека. Часовой одет плохо. Ему холодно. Зима в те поры стояла студеная. Женки-то у себя дома, они оделись потеплее. Они полощут на проруби одну штуку за другой, кончат и снова начинают. Чудь в тупе сидит, греется, поджидает, скоро ли? Караульный вокруг женок ходит, с одной ноги на другую попрыгивает, а потом остановился — дрожмя дрожит. Долго полоскали женки белье. Тем часом поднялась сильная непогодушка. Налетела моряна с пургою. Вот и говорят женки этому караульному, он уже вовсе застыл.

— Ты пошто стоишь да мерзнешь? Иди в избу, а мы придем сами, как только одежу прополощем. Иди. Если бы нас не стали бить, мы бы тоже пошли в избу, да нам нельзя: скажут, мы ленимся. Еще возьмут да в огонь бросят, а вернее, и в избу-то не пустят: замерзай на улице!

Караульный послушался, спрятался в соседнюю тупу, подальше от начальников.

Женкам то и нужно. Они котлы с одежой в прорубь — бултых, а сами что было силы давай бежать вверх по реке. Бежали, бежали, как только могли дальше убежали. Притомились, сели — испугались, опять побежали. До водопада добрались. Тут на реке льду нет — чистая вода струится. Сил у них больше не стало ни бежать, ни идти. Они подошли к самому краю воды. А над водою огромный сугроб снега навис. Они прошли по воде под этот сугроб и забились в снег, в самую снежную глубину легли, обрушили часть его на себя и замерли под снегом. Тут не замерзнешь! Следов так и не осталось: следы ушли под воду. Пусть думают, что они бросились в реку под лед, утопились.

Чудины пождали прачек с выстиранной одеждой, да и начали сомневаться.

— Больно долго не несут они белья! — говорят.

Вышли на улицу посмотреть, что на реке делается? Никого нет: ни на реке, ни у проруби, и караульный исчез. Подошли к проруби ближе — и одежды их нет!

Бросились они искать своих прачек. Обшарили весь погост. Нет нигде ни одежды, ни прачек! Домашний скарб валяется на улице, вверх дном посуда перевернута, да люди убитые... Словно ветром сдунуло их одежду и этих женок. А сами-то они ходят чуть не голые, не

одетые, так кое-что наброшено от сраму, саамское, не по росту.

Не столько им жалко этих бабенок, сколь жаль им платья заморского! Не в лопарских же штанах предстать с победной встречей там, дома? Ведь засмеют!

Пошли еще искать, отправились во все стороны: одни в лес, другие вниз по реке, третьи вверх. Следы привели к падуну, к тому самому месту, где женки ухоронились.

Невестки слышат, как многими ногами топчутся по снегу, на верху сугроба.

— Не дрожи,— говорит старшая младшей, которая дрожала всем телом,— услышат — убьют.

А наверху говорят:

— Не глупы же бабы, чтобы броситься в воду, искать себе смерти? Где-нибудь в лесу спрятались! Где же их искать в этакую непогодь? Где их тут ловить? Не пропадать же нам из-за них! Не стоят они того, чтобы из-за них такую муку терпеть.

А сами-то на морозе от стужи все приплясывают и притоптывают, голые-то!

— Пропадут и без нас,— сказали так и повернули назад.— Только то горе, что всю нашу одежу хорошую загубили, вот где беда! — И не стало слышно их голосов.

Чудины вернулись обратно в тупу, а женки были рады-радешеньки, что спаслись от злодеев!

Однако они не сразу выбрались наверх. Дождались поздней ночи. Сначала они сходили в сторону погоста. Надо им было проверить — топятся ли камельки. Дым тянулся только из одной тупы. Из их дома!

Они осторожно отошли от жилья подальше и, спря-

тавшись за большим валуном, держали совет, как им быть.

Одна говорит:

— Замерзла я. Я очень боялась чуди. А все думала, что нам делать, когда они уйдут? И придумала так: в лесу, около нашей лежанки дров, стоят мои лыжи! Вот возьмем и пойдем на них: на наше осённое место пойдем. Плохо, что лыж-то одна только пара!

На это женочка младшего брата сказала, что она знает, где спрятаны лыжи мужа, только та беда, что они еще ближе к погосту стоят. Прямо в снегу, на открытом месте. Днем идти туда нельзя. Если брать их, то брать сейчас, ночью, пока темно.

Ну, так они и сделали. Две пары лыж достали. Вздели их на ноги и побежали скорей, поскорей... К утру в свое осённое место добежали. Тут в безопасности вдоволь наелись сушеной оленины, соленой рыбы поели, ключевой водицы напились и отдохнули в оленьих постелях, в тепле. Огонь не разводили. Опасно.

Сыны старого Няла, освободив свою крепость от чуди, покатились вниз, к погосту. Через кусты они видели все, что в нем делается, и поняли, что им вдвоем не справиться с чудью. Нашли они похоронку, притаились и стали ждать.

Им было видимо, как чудь стащила все награбленное добро в их дом, как выбрасывали все на улицу, как гонялись за женщинами и детьми, убивая их на бегу, как вытаскивали мужчин из домов, и как ни бились те, разбойники — по два и по три человека вместе против одного — убивали их. Когда кончился разбой, все чу-

дины собрались к ним в дом. Потом они видели, как жены их стирали одежду, как приставили к ним караульного, как потом он запрятался в тупу. Когда налетела пурга, они разглядели, что женки их побежали в лес. Потом вышла чудь, что-то кричали и суетились, разделились на три части и погнались в лес и по реке — одни вверх, другие вниз.

— Разделились! — вскричал младший,— бежим!

Они вскочили на лыжи и скатились с горы в погост. Отыскали караульного. Сняли его. Вбежали в свой дом. Тут спало несколько человек без одежды. И эти нашли свой конец. Братья притаились в своей тупе и стали поджидать врагов. Еще засветло вернулись ходившие вниз по реке. Они шли усталые, поодиночке. Поодиночке братья уложили их всех своими стрелами. Стемнело. Стали появляться и те, которые искали вверх по реке. Их настигла та же судьба — полегли. Последними показались чудины, ходившие на водопад. И эти выходили из кустов поодиночке, усталые, иззябшие и злые. Их было немного. Братья вдвоем вышли им навстречу. Старший выхватил из ножен гнутую саблю атамана и замахнулся ею над чудью.

— Кому нужно было нашего отца, нашего старого Няла убить? Узнаете ли саблю? Вот вам. Получайте!

И как начал он чудскою саблей помахивать да чудские головы рубить, так и полетели они с плеч долой, одна за другою.

Не осталось в погосте ни одной чудской души.

Наступили сильные морозы с ветрами и метелями. Не один этот чудский отряд ходил тогда по саамской земле; много чуди в те дни воевало лопь. Но ничего им

не досталось. От непогоды и от саамов все они погибли. Везде на путях-дорогах валялась погибшая чудь.

Братья опасались оставаться в погосте. Они ходили на лыжах вдоль дорог и уничтожали врагов, чтобы не повадно им было зорить чужие земли.

Когда же уверились они, что никто больше не угрожает их погосту, когда отказались им служить руки и ноги, они собрались с силами и пошли на юг отдохнуть, на глухие, дальние озера, на осённых местах, где стояли у них простые вежи, где было безопасно отдохнуть.

И только подходить им к дому, глянули — дымник курится, двери открыты, поленница дров стоит, уже початая. Кто-то в веже сидит, кто-то огонь палит, и слышно по занаху: варят мясо.

Насторожились сыны старца Няла, да и припугнулись. Это хоть кому доведись: время военное! Обошли они вежу издали, кругом. Смекнули, что внутри вежи сидят пешие люди.

— Пешеходы от нас не уйдут! — сказали они и тут только заметили, что около входных дверей стоят лыжи, две пары.

Стало опасно. Они сами на лыжах, и те тоже на лыжах: два против двух. Кто кого возьмет? Братья решили держаться от дверей вежи настороже, однако нападать. Младший пустил стрелу. Стрела впилась в открытую дверь и зазвенела. Старший вынул из ножен саблю и пошел прямо на дверь, кто выглянет, тому голову прочь. Младшему велел не отставать — лук со стрелою держать на взводе. Только к двери подошли, а оттуда им навстречу жена старшего брата. Однако она не бросилась к мужу, но сказала:

— Подождите!

Сама же вернулась поскорее в дом, подошла к спящей жене меньшого брата. Та была очень пуглива, больная стала после этой войны.

Тихонько тронула ее за плечо и сказала шепотом:

— Наши идут!

Та вскочила, упала и зубы сцепила. Лежит ни жива ни мертва. Мужчины вошли в вежу и с трудом ее отходили. Вздохнула она, живая, взглянула на небо.

Ну, и стали жить.

На месте, где Няла убили, камень летучий лег.

ПРО КОВДИНСКОГО МУЖИКА СКАЗКА

Ковдинское судно отправилось в Архангельск. Посреди моря остановилось суденышко. А хозяин его — Федот-то, что на воду его спускал,— спит, ничего не ведая. День прошел — суденышко стоит. Второй день и третьи сутки стоят мореходы. Ветра нет. Небо как море. Море, как небо, стоит недвижимое. И суденышко стоит. Стоит не колышется, и волна не всплеснет.

— Судьба наша такая,— говорит капитан,— теперь никуда не тронемся, пропадать надо!

Тогда Федот и говорит:

— Чем всем погибать, лучше я один сгину.— Сказал так, чистое белье надел, во все белое оделся и говорит товарищам своим: — Товарищи мои, прошу вас, не позабудьте, обеспечьте, не оставьте семью, малых детушек моих.

За борт судна спустился, нырнул в море. Всколыхнулась вода, плеснула малость, и опять тишина.

— Потонул у нас человек-то,— сказали товарищи его и тронулись в путь, потому что потянул-таки ветер.

Пал Федот на дно моря. А ему показалось, что упал он во чисто поле. Поле чистое, и далеко видно. Смотрит,— что там вдалеке? Что там как огонь горит? Подошел ближе и видит: то не огонь горит, то дом стоит, как жар горит, весь в золоте.

Подошел Федот к дому. А тут ему навстречу мужичок идет.

— Здравствуй, здравствуй,— говорит.

— Здравствуйте,— отвечает Федот,— а чья это деревня?

— Это,— говорит,— не деревня, это двор, а во дворе дом морского царя. А вот,— говорит,— дело-то каково: у морского царя загвоздка случилась, он требует к себе русского человека.

— А-а,— сказал Федот,— по своему-то уму, как я видел во сне, я как раз ко времени пришел и рад стараться. Было бы о чем. А как же к этому царю дойти?— спрашивает.

— А вот,— говорит старичок,— так-то и так-то, вот этими дверями попадай, а там уж сам увидишь, что и как. Ну, только смотри,— говорит,— придешь ты, будет спрашивать тебя морской царь. Он сразу догадается! «Ох, скажет, русськой человек пришел! А ну, русськой человек, скажи пожалуйста, как в вашем государстве? Что дороже: медь или золото?» Ты скажи ему так: «Надо всем золото, в нем вся сила, а дороже медь. Медь

идет повсюду — она идет и на суда, и на всякие предметы. Ну, а по временам бывает дороже золото, да ведь от него мало проку, только что в редкость, и надобность в нем, однако, есть, а больше сраму да беды». Тут морской царь заплескает в ладошки. Это, видишь, в его пользу выйдет. Они с царицею со своей поспорили: что дороже — золото или медь? Царица сказывает: «Золото»,— а он твердит свое: «Медь дороже всего».

«Ну, это ладно»,— думает Федот, поклонился он своему старику и прямо к морскому царю пошел. И все было так, как рассказал ему старичок. Спросил его царь. Он ответил по-ученому.

— Медь,— говорит,— во всем голова, а золото ни в какую постройку не идет. Цена ему — слезы людские. Вот ему цена.

Сказал так, а сам спрашивает:

— Можно ли мне теперь идти?

— А... ночуй, русськой человек... будет у меня до тебя еще дело!

И пошел Федот обратно. И опять ему навстречу тот же старик. Спрашивает его:

— Каково дела?

— А ничего,— говорит,— похвалил морской царь и руками плескал!

Ну, и пошли они и ночевали в неведомом домишке, и старичок опять начал его учить.

— А вот,— говорит,— будет тебя морской царь женить. Тридевять дочерей у него — любую выбирай. А ты,— говорит,— выбирай черную девку, Чернавку. Одна она и есть Чернавка. Она и хрома-то, и крива-то, и не так-то красива, а ты не робей, выбирай девку Чернавку, ее выбирай.

На другой день зовут к морскому царю.

— Вот,— говорит царь,— русьской человек, ты мне пришелся по нраву, я предложил бы тебе остаться у нас в морском просторе, ну и жениться, конечно. У меня есть девушки хорошие, у меня у одного их три на девять дочерей, выбирай любую. Вот я поведу их через залу, а ты смотри на них, любуйся и выбирай, которая понравится — той махни платочком.

Ну вот, и повели этих девушек, дочек морского царя. Все как одна красавицы! Иные идут ничего себе, а другие ну до того ли хорошие да пригожие, что любо наглядеться на них, не оторвать глаза. А позади всех идет девушка с короткой ногой. Эту Чернавку как он завидел, так и махнул ей платочком, а на платочек-то глянул — то не платочек, а мокрая пленка с рыбьего пузыря.

Царь крякнул и сказал:

— Умен ты взять, умен и свадьбу справить. А пока сходи промнись, разойдись. Потом будем и свадьбу справлять, свадебный пир заведем на весь мир.

Ну, и пошел он походить, погулять, поразмяться. И опять ему навстречу тот же старичок попадается.

— Ну и что же? Велел тебе морской царь жениться?

— До завтра ночуем, а завтра на свадьбу зовет.

А старик опять его учит уму-разуму:

— Как свадьба пройдет, и уж как то время настанет, чтобы с молодою женою спать ложиться, и она будет готовить тебе место, ты ее положь в головы, а сам вопоперечку ее ложись, ну, однако, не вдоль, ну только не вдоль. Это запомни!

И исчез старичок, словно его тут и не бывало.

Свадьбу гуляли трое суток. Тут и водки и вина хва-

тило, и закуски и всякого продукту полно и вволю. А море-то, море всколебалося — трое суток царь пляски затейные вел и сам отплясывал. Что больше царь отплясывал, что больше он пил да гулял, то больше волновалось море.

Отплясался царь, и повели молодых в покои.

— Ложитесь, молодые, спать! — крикнул им на прощанье царь.

Пошли они в горенку. Молодая стала постели стелить, как положено быть, Федот учит ее по-своему постелю стелить, да еще и приговаривает:

— Вот, — говорит, — молодушка, ложись, — говорит,— по головам. У вас на Руси так водится для первой ночи.

Молодая постелила так, как ей приказал ее нареченный муж. Надо бы вдоль повалиться, ну а не по охоте пришлось. И повалились они спать. Он голову свою на жену положил, и невесту свою он не обнял, а сам поскорее заснул. Остались у них эти дела.

Спал, спал Федот и проснулся... И слышит он, что ноги его словно полощет вода туда и сюда, туда и сюда мотает его ноги.

Проснулся — а он на берегу реки спит и ноги в воде.

Смотрит: деревня стоит на том берегу реки. И деревня та своя — Ковда-деревня. И церковь Ковдинская, и лежит он на северном берегу Ковды-реки.

— Как оно так это могло случиться,— сам себя спрашивает, а между тем видит: перевоз за ним едет. Он подождал, встал, присмотрелся, и правда: знакомый человек за ним приехал.

— Перевези меня,— говорит.

— Как я тебя перевезу?— Не смеет, видишь, и в лодку посадить.— Как я тебя перевезу, когда ты утопший есть человек? До меня слух дошел, что ты утонул, что с корабля ты пал в море-окиян и утонул; а ты просишь перевезти тебя домой.

— Ну, это шутки... Я пока живой... И ты меня перевези.

Перевез тот. Домой приходит Федот и двери открыл... Ну и вот, Федотушко прибыл домой.

Прошло время. Вернулись те корабельщики, что в Архангельск ездили, и к Федоту в гости пришли. И тут они рассказали ему: как только он нырнул, так корабль сразу в ход пошел...

— А был ли шторм великий?— спросил он.

— Был шторм великий, три дня суденышко било.

Федот рассказал, для чего его требовал к себе царь морской, рассказал и все, что с ним случилось на дне морском, у морского царя.

А под конец и говорит:

— Ничего худого со мною не было, а познакомился я с одним человеком...— И задумался... как ему назвать того старичка, что хорошими советами выручал его из беды?

А то не человек был — то век его был.

Всё.

ЧЕРТОВА ДОЧКА

Мимо того места, где война птиц и зверей кончилась, ехал купец женатой, молодой. Он доехал до этого места и видит: много, очень много тут зверей и птиц головы сложили. Начал он собирать и на сани класть все, что впрок годилось.

Не стало места на санях — он поехал домой. Оглянулся, а у него за спиной орел сидит. И говорит ему орел человеческим голосом:

— Ой, болят мои кости, болят мои крылья, каждое перышко испорчено — не могу я летать. Возьми меня домой, человек, дай покою крыльям, подкорми меня года два, а я тебе отслужу.

Ну, взял купец орла, привез его домой и велел жене соблюдать орла. А сам по совету его каждый день ездил на то место, где был звериный бой. Здесь он собирал и

пух, и перо, и драгоценные меха, и все, что на поле войны той валялось. Весь мякотный товар ему достался. И товару того было много,— хватило этому купцу.

Орел прожил у него год. Пришла пора испробовать крылья. Попросил орел забросить его в высоту. И полетел было орел, но вернулся обратно — словно раненый. Еще не оправились крылья, еще не набрался он сил, еще не время летать ему по поднебесью. Так и на другой год было. А на третий улетел орел веселый. Еще через год он вернулся и сказал:

— Ну, купец молодой, ты меня поил, ты меня кормил, я твоим гостем был, а теперь летим к моим отцу да к матери, к моим братьям гостить. Садись мне на спину; скоро будем там.

Купец сел орлу на спину. И полетел орел над облаками с парнем на спине. Летели, летели — видят: лежит на земле ящик, весь медный. Орел сказал слово — и ящик обратился в медный дом, а в доме — брат орла. Он не принял купца с его летучим конем. Полетели они дальше. Видят: среди перелесков серебряный ящик лежит. Сказал орел слово — и стал ящик домом литого серебра. В этом доме жил другой брат орла. И этот прогнал от себя купца с его другом орлом. Полетели дальше — и скоро стал виден ящик золотой, а в нем яйца золотые лежат. По слову орла стал ящик домом чистого золота. В золотом-то доме орловы отец и мать живут. Они купца приветили, поили и кормили его. Вином угощали и щедро одарили. Они подарили ему золотые яйца. Жили-пóжили, орел собрался обратно лететь. Он хотел и купца взять с собою, но тот отказался. Побоялся он, что золотые яйца тяжелы будут — порвут его карманы, на землю упадут. Купец не хотел

лететь — ему пешком лучше идти. Орел заспорил, раскричался. Однако купец настоял на своем и отправился пешком. Орел сказал ему в путь-дорогу:

— Золотые яйца — подарок отца и матери, ты их никому не дари. Яйца эти в кармане держи до тех мест, куда тебе надо попасть. Доберешься до места своего, там перекинь яйца с руки на руку — тут тебе и будет жительство. После этого яйца хоть выбрось.

Купец отправился в путь, шел он, шел, притомился и сел отдохнуть на гладком месте, да и подумал: «Как оно без крова я буду жить целую ночь? На что мне дома дом золотой? Дома и в своем доме хорошо».

Перекинул яйца с руки на руки. Из земли поднялся большой золотой дом, такой самый, как у отца и матери орла. Золотой дом растет, а яйца золотые делаются мягкими, жидкими, как вода. Купец и бросил их, сказал:

— К черту эти яйца.

А черт тут как тут, на лету их подхватил да к купцу в дом и явился с яйцами в руках.

— Хороши яички,— говорит,— хочешь, я верну яйцам силу? Отдай то, чего у тебя не бывало, и яйца опять будут в силе, опять они будут золотыми и красивыми. Опять они будут твои.

Купец говорит, что ему дом золотой не надобен, ему и в своем доме жить хорошо, а золотые яйца ему тоже не надобны. Если продать их, так они прокиснут, а лежать им без надобности, так ему и без яиц жить хорошо.

Тогда черт ему сказал такие слова:

— А вот что скажу я тебе, купец молодой. Есть у меня надобность. У тебя этой надобности нет, но то, чего не было у тебя, уже есть, и как раз по моей надобности. А надобность моя хуже самого черта. Я тебе

говорю: «Вот вынь да положь — не свово, а твово. Вот ведь дело-то каково». Отдай, чего не знаешь!

Подумал купец и дал согласие — бери то, не знаю чего. Он решил так: раз черт что-то знает, а он, купец, не знает, то уж, наверное, это какая-нибудь дрянь.

Черт яйца из карманов своих выхватил, с руки на руку перебросил — и очутился купец на родном своем месте у отца, у матери, в доме новом, золотом.

Вошел купец в дом золотой, а ему навстречу вышла жена. А на руках у нее маленький сын.

Тут-то купец схватил себя за голову.

Время шло, мальчик возрос и стал молодым парнем, собою пригожим. Задумал он жениться. Посватался. А невеста ему отказала. На другой день он проходил по улице, ребята кричали ему вслед, что он продан черту за тот дом золотой, в котором живет.

Пошел парень к отцу с матерью и попросил их испечь ему подорожников. А утром собрался и ушел без пути куда глаза глядят, искать своего черта.

Шел, шел и дошел до озера, и пошел он в обход, вокруг его берегов. Тут ему встретились двое чаклей. Говорит ему один:

— Ты куда, чертов сын, направился? Куда ты идешь? Тебе туда надо идти, куда чертовы дороги ведут! А ты куда идешь?

Чакли попросили у него подорожников. Он отдал им все, что изготовила мать. Чакли указали дорогу и сказали:

— Плохо черту, плохи его дела — на самое высокое место, на самую макушку сосны, он забрался, загнала его туда дочка, теперь она знает больше самого черта. Кто бы ни шел этим местом, тот сам свою голову ко

всем чертям забрасывает. Тебе-то ничего, ты ведь сам чертов сын, иди смело. На радостях, что ты к нему пришел, он захочет поскорее женить тебя на дочке. Самую красивую и самую умную дочку даст. Однако это дело не просто, ты должен угадать свою невесту. А приметы ее: она тебе «годок», однолетка.— Они еще что-то на ухо пошептали.

Тут чакли нырнули под землю, а парень пошел прямо к черту в лапы.

Спустился черт со своей макушки, обнюхал его. Завел его в свой дом. На великой радости, что купленный сын явился, созвал гостей и затеял пир на всю чертаковскую деревню. На третий день — смотрины, музыку из разбитых горшков устроил. Приказал сыну выбрать себе невесту. А дочек-то у него не много не мало: что ни болезнь — то дочка. Парень решил выбрать ту, что чакли присоветовали, и самое меньшее зелье из всех — ту, которая знает больше самого нечистого.

Ну вот, встал черт у дверей и повел одну дочку за другой. Тридцать девять дочерей — одна в одну красавицы, ну, а наряды-то разные, и ростом одна другой ниже, до самой маленькой, самой въедливой — Чесоткой называется. Парень выбрал невесту с черной лентой в косах. Так ему велели чакли. Черт рассердился. Выбирай, кричит, другую. А сам всех девок перепутал, переодел инако и вывел заново. На этот раз парень выбрал девку с желтой лентой в косе. Опять не угодил. Опять увел черт своих дочек в задние покои, переколпачил каждую заново. Глаза-носы перепутал, одежку выдумал по-новому, по-чертиному. В третий раз вывел на показ.

Парень отвел в сторону самую крошку, с мышку,

с алым хвостиком в косе. И это черту не понравилось, разозлился он, заверещал, по степке метнулся на потолок и вылетел вон из своего дома.

Девка о землю брякнулась, обернулась и предстала такой девицей-красавицей, что парень сразу ее полюбил. А она (это она со дня рождения своего требовала себе этого парня в женихи) заторопилась. Раз черт убежал сердитый, даром время не теряй. Подальше от чертаковского дома беги. Они домой подались. Надеялись поскорее в дом жениха вернуться — к его отцу, к матери. Побежали что было сил. А черт-то за ними в погоню, да не сам, а сначала свою кривую саблю за ними послал.

Бегут, бегут, а погоня-то вот уже близко, сабля уже рубить может, а не рубит — не берет сабля чертову дочку и ее жениха, потому что девица знает слово против этой сабли. Слово это сильнее чертова слова. Куда ему против чертовой дочки!

На этот раз убежали молодые от беды. Припали к земле и слушают.

— Еще сильнее погоню снарядил отец,— сказала девка,— он всех своих слуг посылает за нами. Сам впереди всех колесом катится. Погоня близка! Скорей.

Сама-то девка научилась у отца разной волшбе. Не меньше отца она знала, в ней была сила, у ней зубы целые, а у черта одни грибы. Метнула она колечко, с руки на руку перекинула — и стала она уточкой, а он превратился в перышко. Она спрятала его к себе под крыло.

Сам черт налетел добывать дочку и сына своего. Начадил, надымил, хвостом вертит, а хвост-то серой воняет. Из кривого ружья в девку стреляет, а поделать

ничего не может — пуля уточку не берет, в бой идет сабля — не сечет, слово в пыль рассыпается. Тогда вытянулся черт выше леса стоячего, нагнулся над озером и хотел уточку рукою схватить, а уточка нырнула на дно озера, в песок зарылась и смотрит, что дальше. Черт ждал-ждал, пока она вынырнет, ждал-пождал, не выдержал и треснул — пополам сломался, тут еще больше разозлился. Крикнул он жениху и невесте:

— Три года не жениться ни жениху, ни невесте! — и провалился сквозь землю.

Вот какое было завещание отца этой невесте и ее жениху. Слову отца надо подчиняться, не гляди на то, что он черт!

Вынырнула уточка со дна озерного. Вынула из-под крыла перышко, поставила его на воду и дунула. Дует и дует уточка на перышко, направляет его к берегу. Вышел парень из пера, протянул руки к уточке, а она не далась, но наказала ему: вернуться домой, три года не обниматься, три года не целоваться и не жениться на другой женщине, иначе он потеряет свою уточку серую.

Сказала так, встрепенулась и улетела уточка на море, пала там и камнем легла на дно морское.

Парень вернулся домой. Три года жил он верно и нерушимо. Отец его женить хочет, а он отнекивается. Отец ему невесту сыщет, а он отказывается. Потерял старик терпенье — за день до срока сосватал сына. Вот уже и рукобитье минуло. Как ни тянул жених, дошло-таки дело до венца. Сын тянет да отлынивает, как только совесть позволяет; всякие уловки он придумывает, но отец торопит. Настал день трехлетнего срока, час приближается, парень все еще упирается, не хочет жениться... Тогда грозно сказал ему отец:

— Предам проклятию самому страшному, если не пойдешь под венец!

Хочешь не хочешь — должен парень повиноваться. Проходит час, близится минута обещания — надо бы явиться суженой невесте, а ее нет и нет... Отецкий сын одет, и подневольная невеста уже здесь, у венца, вот уже руку невесты суют ему в руку, а он руку невесты не принимает. Он просит отца еще повременить немного, помешкать самую малую минутку; руку свою отдернул назад, не дается... Тут и вошла уточка, дочь нечистого, его суженая... За руку своего жениха схватила, ту невесту оттолкнула, сама на ее место встала. И она упала на колени, и поклонилась народу в землю, и просила принять ее в русскую веру.

Свое прежнее платье — черное с желтыми яйцами — разорвала и сбросила, а одела платье русское.

И обвенчались они и зажили хорошо. И пришла в дом жениха такая воструха, эта чертова дочка! Она ведь все знала, где, что и к чему. Отец и мать жениховы ее полюбили, и жить они стали очень хорошо. Ну, и доселе живут. И орел к ним в гости летает, и отец и мать орловы — их гости. А роду-племени от них никого не осталось.

Ну, и сказке конец.

Всё.

ПРО ВОРОНОВ СКАЗКА

Жил купец женатый. У него родились три девушки и парень: старшею была дочка, потом парень и опять девушки. Ну, и помер купец, и хозяйка его померла. Остались дети одни.

Поначалу в город по делам ездил только парень, но однажды захотела поехать и старшая сестра.

— Скучно тут, в лесах, мне в гости, на люди хочется!

Ну что ж, приоделись и поехали брат с сестрою в город — и гулять и справлять свои дела.

Ехали, ехали, давно бы надо быть городу, а города нет как нет. Вместо города великое болото легло. Едут брат с сестрой и замечают, что мало-помалу земля уходит вниз. А с тех пор как по болоту поехали, сани и вовсе вниз пошли. Холодно стало. Удивляется парень:

— Что за диво: прежде ездил — всегда дорога ровницей шла, а теперь зыбкая земля вниз уходит, а вода поднимается — вон блеснула вдалеке.

И правда, вода уже под копытами коня просочилась. Небо над водою нависло черным пологом. Землю вниз потянуло, сани все вниз уходят, все ниже и ниже.

Брат с сестрою на то не смотрят, они едут и едут вперед — в город попадают.

Вдруг слышат крыльев трепыханье.

— Карр, карр! — раздается с высоты. — Карр, карр! — То над ними черный ворон вьется.

Земля вниз идет, сани в воду уходят, черный ворон каркает беду!

— Карр, карр! — И говорит ворон человечьим голосом: — Отдай мне девицу-сестру! Не отдашь — плохо будет! — И налетает ворон, чуть не на голову садится.

Парень не оробел, не соглашается он свою родную сестру отдать черной ворон-птице.

— Не отдам я тебе свою сестрицу,— говорит.

— Карр, карр,— кличет ворон.— Отдай сестру, не отдашь — сам помрешь!

Парень на то внимания не обращает, едет и едет вперед, а сани-то уже в воде идут. В воду сани уходят все глубже и глубже. Вот уже вода достигает по грудь коню.

— Карр,— кричит ворон,— отдай сестру! Не отдашь — пропадешь!

И вьется черный ворон и над конем и над санями. Жалобным голосом просит:

— Отдай свою сестрицу, парень! Не отдашь — пропадешь ведь!

Сани уже под воду ушли, вода коню по горло. Тогда сказала сестра брату:

— Ты отдай меня, братец, отдай! — а того не разумеет, как он, ворон, возьмет ее.

Сани-то все вниз куда-то уходят, вся поклажа уже в воде плывет, и конь под воду уходит — одни глаза да уши виднеются.

Сестра кричит, одно кричит со страху:

— Отдавай, братец, отдай!

Тут и крикнул брат этому ворону:

— Даю,— говорит,— свою сестрицу. Оставь, однако, живою!

Оглянулся: ни сестры, ни ворона черного. Небо ясно, конь и сани бегут ровною дорогою по твердой земле. Тут он скоро и в город въехал.

Там дела свои справил и вернулся домой.

Ну, и жили они поживали, брат и две сестры; старшую сестрицу добром вспоминали.

Жили, жили, и опять дела заставляют ехать в город. А и надумалось средней сестрице в город наведаться. Как ни укутывал, как ни упрятывал брат свою сестру, как ни увязывал сани, чтобы не было видно ее, опять сани пошли на зыбкое болото, потом земля начала уходить вниз и под воду.

И прилетел черный ворон, и похитил у брата его среднюю сестру. Приехал парень в город, дела свои справил, а домой вернулся один, без родимой сестрицы.

Жили, жили они, и опять настигли парня дела, надо ему в город попасть обязательно. Начал он собираться в дорогу, а младшая сестрица и говорит ему, что соскучилась она одна дома сидеть, хочет в город поехать. Как ни отговаривал парень сестру, как ни стращал ее, что опять прилетит черный ворон и унесет ее, послед-

нюю сестрицу,— сестра не согласилась остаться одна, упросила брата взять и ее с собою в город.

Запряг он коня, упаковал сани, среди мехов, и вещей, и разной клади так усадил сестрицу, чтобы нельзя было догадаться, где она там в санях упрятана. Поехали.

Опять дорога сначала шла ровною землей, потом залегло великое болото. За болотом пошла земля вниз. Вдалеке вода блеснула. Над зыбкою землею почернело небо. И вот по колено коню заплескалась вода.

Черный ворон закружился над сестрою и братом.

— Карр, карр — отдай сестрицу мне, не отдашь — пропадешь!

Брат едет, на ворона не смотрит, будто ничего он не видит и не слышит... а сани уже в воду идут; вода достигает коню по колена, по грудь, вот уже одна только голова его виднеется. Сани все в воде.

— Карр, карр,— каркает над головою их ворон и требует выдать ему младшую сестрицу.

Стали тонуть они, и сестра сказала брату:

— Отдай!

Отдал брат сестру. И сразу вода ушла, болото обсохло, земля поднялась и сани пошли хорошею ровницей. Остановился парень — ни сестры, ни ворона; осмотрел сани и видит только, что веревки будто ножом перерезаны, а вещи сухие.

Остался он на белом свете один-одинешенек. От печали и тоски он покинул родительский дом и пошел куда глаза глядят. Ни единой вещи с собою не взял; только захватил он от нечистой силы ящик ладана — светлой смолы.

И вот ходит и бродит он по миру, куда только го-

лова его клонится. Многие ночи и дни скитался он по той лесной стороне. Он забредал в такие места, что даже дороги там терялись в лесах. Заплутался он и очутился в дремучем бору.

И вдруг открылась поляна. Навстречу ему ворон летит и говорит человеческим голосом:

— А-а, вот и шурин к нам в гости идет! — А сам повернул назад и полетел, показывать парню дорогу.

Неподалеку, за варакой, показался дом воронов. Дом настояще медный, среди леса светится, как уголь в печи горит. Около дома трое ребят, мал мала меньше, играют, друг за дружкой гоняются. Они парня увидели, матери крикнули:

— Мама, мама! К нам дядя идет.

Из дома вышла сестра его старшая, одетая в красивые одежды. Поздоровалась, коня в стойло поставила, напоила дорожного гостя и за стол усадила. Все сели вокруг — ожидают отца. Вот крыльев лет послышался, и ворон-зять в дом вошел человеком. Ворон-зять одет в хорошую тройку и при калошах, сам собою очень пригожий.

Ну, ворон-зять дорогого гостя уложил отдохнуть в лучших покоях. Утром угостил на славу, лошадей заложили. Хозяин с хозяйкой и с малыми детками, все вместе, поехали к соседу — брату ворона-зятя. Надо было им проведать среднюю сестрицу, каково-то ей живется?

Ехали, ехали и лесами, и перелесками, и голыми горами, и вараками ехали — и вдруг видят: к ним навстречу ворон летит. Он привет шлет поезжанам и машет крылом, зазывает к себе в гости пожаловать. Ворон-зять, который конем управлял, дорогу знал хорошо. Он коня погнал и к вечеру, когда молодик народился,

на простор из лесу выехал. Тут дом стоит еще красивее, чем у старшей сестры. Стоит дом настояще серебряной — так и блестит под месяцем. Их встречает молодая хозяйка. Она понаряднее и покрасивее будет, чем сестрица из медного дома, а ребят у нее только двое. Тут опять они и пили, и ели, и угощались, и пир пировали, а время пришло — по домам собираться начали. Старший зять поехал с женою домой. А серебряной стал собираться в гости к соседнему, младшему ворону.

Встречает младший зять издалека, издалека по ветру навстречу летит. Среди поляны, среди березовых рощ стоит дом не простой. Стоит дом еще красивей, чем у первых двух хозяев. Дом стоит золотой. Ворон-зять указал им дорогу, а сам позади летит, едва поспевает за санками пароконными. К дому подъехали, а их встречает только один мальчик трех лет. Как завидел он поезжан, побежал скорее к дому, покликать матерь.

— Мама, мама, к нам дядя в гости едет!

Младшая сестрица вышла навстречу в нарядном платье чистого золота. Тут и ворон-зять молодой их нагнал. С неба спустился, о землю ударился и красивым мужчиной явился.

Ну, и пили, и ели, и пировали, и тут братец гостил сколько душе его надобно. И затосковал, что живет он единой головушкой — не женатый человек. Пришло время — и захотелось парню дальше в путь-дорогу отправиться, счастья своего искать. А ворон-зять молодой не пускает и коня не дает.

Парень пеший ушел!

Пошел по лесам бродить. Много дней и ночей он блуждал, может быть год, кто знает? Много видел людей, деревень и городов, а привела победная голова его

в непроходимую тайболу. Он по тайболе пошел. Шел, шел, и вдруг открылся ему Лешего дом. Леший в этом доме живет: всякого добра тут много, чего только человеку нать — то все тут есть и найдется вдоволь.

Вошел в дом, все двери полы — входи, чего тебе хочется бери и уходи. И ягоды черницы, и ягоды брусницы и малины, и дичи всякой. Пушнины вволю — бери знай... Он в одни двери толкнулся — открылись, он в другие двери — отворились.

Вошел он и давай по дому из дверей в двери ходить; от угла до угла все двери открыты, все отворяются сами собой. Заходи, ложись, отдыхай, закусывай, что где видишь — бери, чего хочешь забирай и уходи... Во всех комнатах просторно и никого нет. А одна комната, самая задняя,— заперты двери. Ну, однако, парень понатужился, дернул богатырской рукой — и двери распахнулись. Вошел он и видит: посреди комнаты ящик, из-под ящика голова девы видна, придавлена девица ящиком, нижняя половина тела в ящике, а верхняя — голова и грудь — на полу лежит. На ящике груз положен из человечьих костей. Он тот груз раскидал и девицу высвободил. Встала она и говорит:

— Милый ты человек, пришел ты в Лешего дом! Третий год этот Леший меня мучает. Он меня замуж берет, а я не иду за него замуж. Как теперь будем? Если Леший твой дух почует — он тебя загрызет!

А парень и говорит ей на это:

— Чем за лешего идти, лучше выходи замуж за меня.

— Како,— говорит,— за тебя я пойду, когда он сейчас явится и тебя и меня уничтожит!

— А он рази ладану не боится?

— Како ладану не бояться? Боится. Ладану и он боится. Да где ж его взять-то ладану твоего?

— А у меня,— говорит,— целый ящик припасен!

Тут она его стала чаем поить и кормить, а тем часом и вечер настал. Говорит девица:

— Если ладан у тебя в самом деле есть, надо тут во всем доме начадить. Леший ладану страсть как боится!

Ну, разживили они огонек в жаровеньке малой, наложили в нее ладану и ну чадить по всем углам лешацкого дома. И в доме, и вокруг дома, и по складам, и по хлевам, и амбарам — везде ладаном начадили так, что и самим-то дышать уже нечем, не то что Лешему.

И вдруг загремело, загудело — издалека стала слышна Лешего поступь. Идет волосатый, идет прожора, ненасытная утроба. Парень с девицей притаились.

Леший еще в дом не вошел, а уж кричит на весь двор:

— Нну, нну-нну... какой тут крестьянин был... Негожим ихним духом пахнет... Ух, какая худая вонь! Непереносно тут пахнет крестьянином. Уйду-ка я лучше! — И раскричался во всю мочь, кому-то приказы отдает:— Чтобы духу тут этого не было, когда я вернусь...

А девице крикнул:

— Когда духу этого не останется, тогда я приду, а до тех пор — терпи! — Крикнул так и ушел со двора.

Парень с девицей живут-поживают, милуются, душа в душу беседы ведут, помаленьку ладаном кадят, а потом девица и говорит ему:

— Если ты, милый мой, за меня свататься надумал безотказно, то поезжай к моим братьям, к братьям соколам моим, чтобы нам свадьбу играть честь по чести,

как положено быть, а я согласна. На, вот тебе клубок шерсти, куда клубок покатится — туда ты иди.

И рассказала, что есть у нее братья, трое братьев живут, трое добрых молодцев. Как в их домик войдешь, увидишь стол, накрытой на троих, и миска похлебки стоит — ты одной ложкой похлебку ту похлебай, а после этого схоронись где-нибудь. Братья-соколы явятся в дом, будут тебя кликать, будут они тебя испытывать — крепись! На вот тебе письмецо, на третий день его отдашь.

Отправился парень в неведомый путь. За кончик нитки держится, а клубок-то впереди все катится и катится. Шел, шел и увидел — стоит в лесу домик маленький на высоком подклете. Клубок вокруг дома обежал и остановился у крыльца. Тут парень в дом вошел. Вошел он в дом, одной ложкой похлебал из миски и ухоронился за печь.

Вот и соколы прилетели.

— Ох, ох,—говорят,— тут кто-то есть! Дух-от русский идет!

— А кто это,— кричит младший,— моей ложкой из миски хлебал?

Тогда старший сокол стал середь дома и вопросил:

— Кто тут есть? Отзовися! Если стар человек — будешь нам дедом, если не старый мужик — отец нам будешь! Если ты молодой человек — будешь нам братом!

На третьем слове парень сознался.

— Славный к нам брат пришел! Теперь веселее будет жить.

Ну, они его окружили и, не кормивши, не поивши, завели брагу пить, а потом засадили его в карты играть.

Все было так, как сказала девица, его нареченная невеста.

Всю ночь они играли в карты. А он не столько в карты играл, сколько носом клевал да засыпал после дальней-то дороги. Играл, играл, да и вовсе заснул.

Те это увидели и закричали:

— Да ты не спишь ли, парень?

— Нет, нет, я не сплю! Я думу думаю!

— А чего ж ты думаешь, однако?

— А то я думаю, что нету столь лесов стоячих, сколь лесов лежачих?

Соколы ему на то в ответ, что лесов стоячих больше.

— Как это может быть?— Ну и заспорили.

Соколы ему говорят, что быть того не может: лесов стоячих больше!

— Однако проверьте,— ответил им парень.

— Тут и проверять-то нечего!

Ну, а все-таки полетели они — надо им правду узнать.

— Если наша будет правда,— говорят,— ты нам не брат!

Летали они и ходили по землям и по лесам и признали: названый брат прав. Прилетели к нему и сказали:

— Ты нам брат! Лесов лежачих больше.

На вторую ночь опять братья соколы засели в карты играть, а парню-то еще больше спать хочется. Играли, играли, и он таки немножечко уснул.

— Тебе опять спится! Ты же спишь совсем. В нашей избушке никто не спит и глаз не смыкает, а ты спишь да еще сонный дух пускаешь!

Он и говорит им:

— Я думу думаю — не столько живых, сколько мертвых лежит!

Те заспорили и опять полетели на землю делать проверку. Парня оставили дома и дали ему работу: к их возвращению он должен изготовить запас деревянных гвоздиков, тоненьких, как булавки. Однако они строго запретили ему строгать эти гвоздики,— дескать, хозяйки у нас нет, убирать стружку некому.

Улетели братья, а парень принялся за работу, да сгоряча и не заметил, как порезал палец. Кровь потекла. Не успела капля крови на землю пасть, а к названому брату на помощь младший сокол прилетел.

— Ах, брат! Неужто ты порушил себя?

— А, нет! — отвечает парень.— То не беда.

Ну, и время пришло, собрались все соколы вместе. Дознались они, что правильно сказал их названый брат: мертвых лежит больше, чем живых. Еще раз порадовались соколы, что парня своим названым братом признали.

Вот и третий день настал. А парень все еще без сна, не пивши, не евши и без отдыха живет! Опять соколы за карты принялись. Дали карты и названому брату, и за стол его усадили. А парень не столько играет, сколько думает: как бы не заснуть. И не стерпели глаза, закрылись веки, уснул. Соколы это приметили и опять его укорили. Он им на это свое слово сказал:

— Не сплю я, братья, я думу думаю... Вот есть у меня письмецо...

— Какое такое письмо?— спохватились соколы.— Покажи-ка нам это письмо!

— А, не знаю,— говорит,— девка какая-то дала мне это письмо, а что с ним делать — не ведаю.

— Что за девка такая? Выкладывай это письмо, да поскорей шевелись! Не бойся, давай, что за грамота такая?

Отдал он письмо. Соколы глянули своими круглыми глазами и ахнули: сразу признали, кто его писал. Прочли — и обрадовались названому брату.

— Вот беда-то! Мы тебя вовсе замучили без сна, а ты нашу сестрицу из беды выручил!

Прочли они письмо до последней строки. Принесли вина и угощения, напоили и накормили парня и спать повалили.

— Спи,— говорят, а сами улетели.— Мы, быват, не долго будем летать...

Ну, пока они туда-сюда летали, однако скорым-скоро возвратились и говорят ему:

— Ну, теперь летим все четверо в тот Лешего дом!

— Как я полечу,— спрашивает парень,— у меня и крыльев-то нет?

— Крыльев нет? Вот тебе крылья.— И соколы прибили ему на спину крылья, теми гвоздиками пришили, которые он настрогал, когда руку порезал.

И полетели они все четверо к тому месту, где его нареченная невеста томилась. Вошли к ней в палаты все четыре молодца. Она сразу признала своего суженого. И как же она обрадовалась этому парнишке, который ее выручил! — не знала, как принять и куда усадить, чем приветить, чем его угощать.

Ну, не долго тут судили да рядили, парень с девицей свое желанье объявили, братья-соколы согласье дали, и тот же час повенчали они свою единую сестрицу с названым братом своим.

На радостях они лешачий дом сожгли, чтобы не

было худого помину, а вместо старого поставили дом новый, весь из стекла, «стекльдом» они построили. В три дня его сработали. Молодых в палаты новые переселили, новоселье справили. Молодые зажили.

Тогда говорят три названых брата:

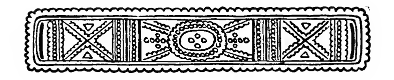
— Ну вот, зять дорогой! Мы тебя женили, теперь и нам надо своими гнездами обзаводиться. Дозволь рядом с твоим «стекльдомом» наши хоромы поставить!

— Милости просим, будем соседями! К нам в гости ожидаем,— отвечают молодые своим братьям и кланяются им, как положено от веку.

Братья-соколы не конем, а лётом на свое старое место слетали, все добро привезли и начали строить себе дома с крылечками резными, с рогами оленей на коньках, с расписными оконцами. Построились, обернулись добрыми молодцами и поехали в город жениться. Съездили и невест привезли распрекрасных. Ну, и свадебный пир завели, всех соседей, всех воронов-зятьев к себе на свадебный пир сóзвали. Вороны-зятья посмотрели на веселое на новое жительство и тут же порешили: переселиться сюда, к братьям соколам и к названому брату с их сестрою. Живо, живо: через три дня воронов медный дом поставили. Еще три дня: воронов серебряный дом построили. Вот и дом золотой младшего ворона-зятя воздвигся.

А посредине всех возвышается дом стеклянный стоит, изнутри дом светится, сияет, несгораемой...

Вот и стала тут новая деревня, а имя тому городу прекрасному неведомо.

О СКАЗИТЕЛЯХ

Архипов Калина Иванович (р. около 1864 г.— ум. 1937 г.) — один из проводников научных геологических экспедиций. О деятельности и знаниях Калины Ивановича давали высокие отзывы академик А. Е. Ферсман и другие ученые. Основатель поселка на Мончегубе, где ныне построен город Мончегорск. Знал много сказок. Рассказывал по-саамски и по-русски. Записи 1936 г. на русском и саамском языках.

«У кого дела больше» — записана по-саамски.

«Чакли» — использованы варианты, записанные у детей.

«Про ковдинского мужика».

Архипов Леонтий Александрович (р. 1922 г.) — сын лучшего сказителя в районе озера Имандра. Отец возражал против записи сказок. Рассказывает по-саамски и по-русски. Записи 1936 г. на саамском языке.

«Про Гром сказка».

«Мальчонка Черная Заплатка» — сакка, использованы варианты, записанные у детей.

«Копье, Топор и Котел».

Данилова Татьяна Филипповна (р. 1874 г.).— В первом браке была замужем за А. Ф. Матрехиным, знаменитым охотником на дикого оленя и исполнителем песен о Мяндаше. Свой запас сказок характеризует такими словами: «У меня столько мешков сказок, что их все не перепишешь и не переслушаешь, их спалить — огня не хватит». Запись 1927 г. на саамском языке.

«Песня о Мяндаше», ловта.

Койбина Ирина Фоминична (1890—1931) — батрачка, профессиональная сказочница Каменского погоста, обладавшая большим запасом сказок. Иногда произвольно связывала различные сказочные сюжеты. Одной из первых вошла в колхоз. Сказывала по-саамски и по-русски. Записи 1929 г. на русском языке.

«Про воронов сказка».

«Война зверей».

«Варйелле-леший».

«Разиайке и Тала» — ловта, использована песня И. С. Матрехина, записанная по-саамски.

Куроптева Варвара Ивановна (р. около 1867 г.— ум. 1932 г.) — вдова погибшего на тюленьем промысле охотника. Первая в Иокангском погосте согласилась рассказывать для записи. Любовь к сказкам переняла у своей покойной сестры — известной сказительницы Утсьварвары. С особым увлечением ее слушали дети. Рассказывала и по-саамски и по-русски. Записи 1927 г. на русском языке.

«Сальный поясок».
«Мышка».
«Иванушка и верная собачка».
«Девочка с куклами».
«Собачья сказка», ловта.
«Путешествие в ад».
«Тала и «сальна баба».
«Братья-разбойники», ловта.

Матрехин Илья Семенович (р. около 1856 г.— ум. 1938 г.).— Хорошо знал свой край (Иоканга), умел предсказывать погоду, лечить. Знаменитый охотник на дикого оленя. Рассказывал по-саамски и по-русски. Запись 1927 г. на русском языке.
«Медвежья охота», сакка.

Матрехин Никита Семенович (р. около 1859 г.— ум. 1938 г.).— Из Иоканги никогда не выезжал. Знал сравнительно немного сказок, но рассказывал их с большим увлечением. Запись 1929 г. на русском языке.
«Прядинка».

Матрехина Авдотья Николаевна (Беспалиха), (р. около 1860 г.— ум. 1933 г.) — одна из лучших рассказчиц Лумбовского погоста. Знала большое количество сказок и песен. Рассказывала по-саамски. Записи 1927 г. на саамском языке.
«Тала-оленщик», сакка.
«Зубочистка».

Сорванов Петр Васильевич (р. около 1877 г.— ум. 1943 г.) — один из знаменитых проводников, участник многих экспедиций на Кольском полуострове, а также изыска-

тельских работ при постройке Мурманской железной дороги. Сказочник-профессионал, мастер сказа, носитель древних форм сказывания некоторых легенд. Рассказывал по-саамски. Записи 1936 г. в Мончегорске на саамском языке.

«Сказ про Няла-старца и его сыновей» — сакка, использованы варианты Н. Харузина и другие.

«Лаурикадж» — сакка, использован вариант Кострена и другие.

«Найнас» — использованы варианты В. И. Куроптевой и других сказителей.

«Красивая Катрин» — сакка.

«Сказка про медвежью лапу» — сакка.

«Никийя».

«Оадзь» — использован вариант В. И. Куроптевой.

«Мяндаш-пырре».

«Солнце сватает невесту своему сыну Пейвальке».

«Дева».

«Остров».

Три последние сказки не сохранились, сказители вспоминали, что такие сказки были; использованы фрагменты, рассказанные П. В. Сорвановым, а также материалы этнографического характера и выдержки из Дюбеля, приводимые Н. Харузиным.

Тарунова Устинья Павловна (р. около 1897 г.) — девочкой была отдана в Архангельск, в услужение к врачу. Дети врача научили ее грамоте, привили страсть к чтению. Знает много сказок, которые рассказывает и по-саамски и по-русски. Нередко в сказках саамские реалии и персонажи заменяет русскими и наоборот (например, вместо Выгахке — Баба Яга и т. п.), некоторые русские сказки сказывает, как саамские. Записи 1927 г. в погосте Иоканга на русском языке.

«Олешка Золотые Рожки».

«Выгахке» — использован вариант И. Ф. Ксйбиной.

«Ледяная вежа» — использован вариант В. И. Куроптевой, записанный по-саамски.

«Руги, руги».

«Золотой котел».

Титов Михаил Иванович (р. около 1867 г.— ум. 1940 г.) — известен как сказитель не только в погосте Иоканга, но и у всех терских саамов. Хорошо знал повадки оленей. Участник русско-японской войны, откуда привез на Мурман китайскую сказку «О кошечке и собачке». Принадлежал к одной из стариннейших саамских фамилий, хранил родовые предания. Сказывание отличалось простотой. Записи 1927 г. на саамском языке.

«Двойное солнце» — использован вариант Н. С. Матрехина.

«Равк».

СЛОВАРЬ МЕСТНЫХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

А́решник — мелкокаменистое дно или берег реки.

Важенка — самка северного оленя.

Вангас — веревочная или ременная петля для ловли оленей.

Варака, варочка — гора с пологими склонами, покрытая лесом.

Вежа — старинное жилище саамов.

Водопо́ймина — часть морского берега, покрываемая приливом.

Выгахке — мифологическая властительница подземной жизни и ископаемых богатств. Некоторые сказители имя Выгахке заменяют Бабой Ягой.

Дикари — дикие северные олени.

Досельное время — стародавнее время.

Дыры в домах — когда-то саамы просверливали дыры в стенах избушек, над спальным местом, для вентиляции.

Еретник — русское название могущественных колдунов, передвигавшихся на одной ступне.

Каньги — мягкие полусапожки из шкуры, снятой с ног оленя. Праздничные каньги украшены красным сукном и бисером. Внутрь клались стельки из особо приготовленной травы. У высшего существа, каковым являлась Мяндаш-дева, стельки были из самого нежного и вкусного жира.

Ке́горы — угодья, блага, даваемые оленем.

Кережа — старинное саамское средство передвижения в виде лодочки на одном полозе. Запрягался один олень.

Киса — мешок из шкуры тюленя, вверху замшевый, затягивается ремешками при посредстве деревянных или костяных затворок. Кисы непромокаемы и очень прочны.

Коло — местность около города Колы.

Колока — веревка с петлями для привязывания оленей. На колоку привязывают от трех до пяти оленей.

Корничек — шкатулка для швейных принадлежностей саамских женщин, изготовлялась из тонких корней сосны.

Ку́вас — конический шалаш.

Ку́лема, или пасть,— западня из ящика, накрытого доской с грузом, падающей при малейшем прикосновении к приманке.

Культала — волшебный батожок, жезл.

Лавнькедькекырп — старинное название горы, ныне называемой Лодочная, по реке Поною. Смысл названия примерно таков: выступ камня с соснами.

Ламбина — озерко без истоков, расположенное на покинутом рекою русле, иногда — ложбинка от такого высохшего озерца.

Лыпс — отверстие в стене вежи, через которое мог входить только хозяин дома с добычей. Для остальных членов семьи этот вход был табу.

Малхонум.— Значение этого слова сказительница перевести не могла. Это чудодейственное средство, благотворно влияющее на человека.

Мя́кушки — особые каравайчики, долгое время не черствеющие.

Мя́ндаш — саамское божество в виде оленя, легендарный предок саамов. Смысловое значение этого слова еще не уточнено. Произносится в разных местностях по-разному.

Мяндаш-парнь — молодой Мяндаш, юноша, теленок.

Нойда — знающий человек, умеющий предсказывать и изменять погоду, лечить, заговаривать кровь, но не шаман.

Обо́ра — вязаная из шерсти обмотка. Оборы вязались узорно, иногда украшались бисером, на концах — цветные кисточки.

Па́ньга — часть оленьей уздечки, изготовляемая обычно из кости. У богини Разиайке паньга была железная. Паньгой вожжа пристегивается к уздечке.

Па́хта — скала, гора с крутыми склонами.

Переве́ське — головной убор девушки в виде обруча.

Пеструшка — вид мыши.

Печок — саамская национальная одежда, меховая рубаха

шерстью наружу, воротник стоячий, невысокий Печок закрывает колени. К рукавам пришиты шерстяные нарукавнички. Мех олений, годовалых телят.

Погост — сезонный поселок саамов, зимний или летний.

По́йда — олений жир.

Полт — чистое место для хранения посуды, хлеба, вареного мяса. Огражден двумя брусками, также называемыми «полт».

Промышлённик — человек, занимающийся каким-нибудь промыслом, также синоним удачливости, настойчивости, мастерства в своем деле.

Равк — вурдалак, мертвец, появляющийся среди живых людей, высасывающий из них кровь.

Разиайке-Настай — богиня, хозяйка травы, пастбищ и домашнего оленя. (*Рази* — трава, *айке* — женщина, *Настай* — от русского имени Настасья, которым саамы называют всех красавиц в сказках.)

Райда — кочевой поезд саамов, состоящий из нескольких саней (в старину — кереж), запряженных оленями. Во главе райды едет хозяин дома, позади гонят стадо овец.

Ри́ске — пресные ржаные хлебцы, испеченные на камнях очага в веже, реже в русской печке.

Рова — специальное покрывало из оленьего меха для ночлега, вне жилища.

Рухтнас — муж Разиайке-Настай, брат верховного божества терских саамов Кавряя, воитель, защитник саамов. Он изгнал из пределов Летнего Наволока враждебных саамам существ, называемых «Тала».

Рыдласт — древнее саамское имя, по смыслу: ласковый к людям своего рода.

Саамиедна — земля саамов.

Стайка диких оленей.— По древним представлениям саамов, дикие олени как бы летели, белые пятна на боках оленя называются крыльями.

Сузёмок — широкое пространство низкого, приземистого леса (лесотундровые перелески).

Тала — сказочное существо, в основе образа которого, видимо, собраны черты аборигенов Кольского полуострова, предшественников саамов. Может быть, в этом образе сохранились и воспоминания о феодалах-норвежцах, когда-то селившихся на северных берегах Кольского полуострова. Образ Талы в сказках также сопряжен с представлением об одном из тотемических предков — медведе (однако по-саамски медведь — кымч).

Тайбола — дремучий лес.

Теплый Наволок — крайне восточная часть Кольского полуострова.

Тоньке-пойда — самый нежный олений жир.

Тупа — четырехстенное жилище с односкатной крышей, иногда тупы имели сени, внутри тупы возводился камелек.

Хигна — в оленьей упряжи вожжа.

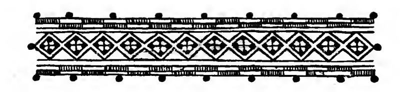
Хирвас — олень-самец, производитель.

Хорей — шест, которым оленевод погоняет оленей, запряженных в сани.

Чакли — карлики, тролли — персонажи саамских сказок; живут под землей и в земле, в лесах, в скалах. Любят золото. Похожи на людей, но маленькие. Говорок у них словно бы детский лепет. Щекочут людей, передразнивают их.

Ча́ппыд — спинной хребет, позвоночник.
Чудь — всякие иноплеменные захватчики.
Чудьжерве — вождь, предводитель чуди.
Чум — конический шалаш.
Чикумбакушки — переделанное на саамский лад занесенное из Оренбургских степей выражение «секим башка».

Яры — мужская и женская обувь саамов мехом наружу, внутрь надевали меховые чулки. К ярам пришивали замшевое огузье. Яры очень теплая обувь, отлично защищающая всю нижнюю часть тела от сырости и от мороза.

СОДЕРЖАНИЕ

САAМСКИЕ СКАЗКИ

Редактор *Е. Цинговатова*
Художественный редактор *Г. Кудрявцев*
Технический редактор *З. Евдокимова*
Корректор *А. Паранюшкина*

Сдано в набор 2/IV 1962 г. Подписано в печать 6/VIII 1962 г. Бумага $70 \times 108^1/_{32}$.— 9,5 печ. л. 13,02 усл. печ. л. 11,00 уч.-изд. л. Тираж 50 000 экз. Заказ № 932. Цена 46 коп.

Гослитиздат.
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.

Полиграфический комбинат им. Я. Коласа
Главиздата Министерства культуры БССР
Минск, Красная, 23.

